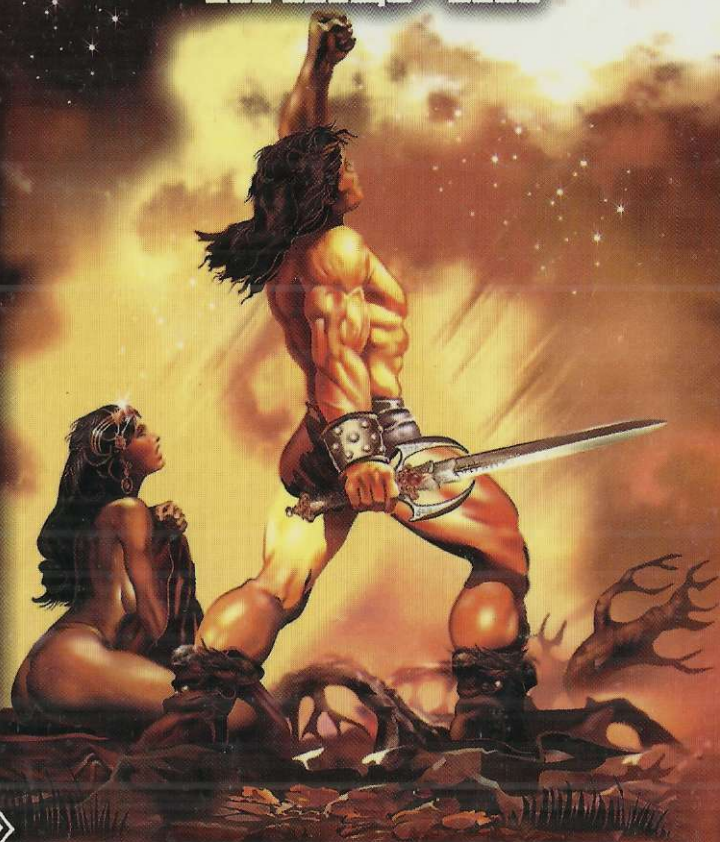

8-е издание
КОНАН

КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЬВОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8
КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРЕДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПЛЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16
КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И ВИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОЙНСТВО МРАКА 24
КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИИ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛЫ ИДОЛА 32
КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛЬ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40
КОНАН И ВАЛАЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48

КОНАН

Джеральд Старк

КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
С77

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.02.03.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 10 000 экз. Заказ 890.

Старк Дж.

С77 Конан и честь империи: Роман / Дж. Старк. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 381, [3] с. — (Конан).

ISBN 5-17-017920-0 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-063-3 («Северо-Запад Пресс»)

В новом томе «Саги о Конане» читателя ждет знакомство со второй частью нового романа Джеральда Старка — «Честь империи», где продолжают приключения, описанные в томе «Путь героев». Принц Конн, сын Конана вырос достойным наследником своего знаменитого отца. Но горячность и безрассудство свойственны молодости, а из-за ошибок сильных мира сего порой могут страдать целые народы...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003

Пролог

Время воспоминаний

Вряд ли кто мог предположить, что заморосивший в середине дня дождик обернется сущим бедствием. Шквалистый полуденный ветер нагнал целое стадо низких, свинцово-пепельных туч, и к наступлению сумерек те разразились грозovým ливнем. Как положено в страшных историях, вековые сосны скрипели, раскачиваясь и роняя на землю гроздь созревающих шишек, в небесах оглушительно громыхало и ослепительно сверкало, дождевые струи размывали без того не слишком проезжие дороги королевства Пограничного, ледяные градины часто шелестели по крытым соломой и дробно выстукивали по черепичным крышам.

Застигнутые ненастьем путники спешили поскорее добраться до ближайшего укрытия, а уже собравшиеся в дорогу гости хутора Гервен, под-

давшись на уговоры хозяев, решили обождать с выездом до рассвета.

Деревня в три десятка дворов удобно прикнулась на опушке леса, прозванного в незапамятные времена Кабаньим за многочисленность обитавших в нем стад таковых животных. По этой же причине в уединенный поселок иногда наведывались любители охоты на матерых секачей.

Приезжие относились именно к их числу. Осевшая под тяжестью добытых трофеев повозка теперь прикнулась в дальнем углу общинной конюшни, а хуторяне пребывали в легкой растерянности. Пограничье испокон веков слыло «захудалым королевством», где король может запросто наведаться в гости к подданным, среди которых у него, заметим, полно близких и дальних родственников. Но притащить в сущую глухомань живую легенду нынешних времен? Старейшины Гervена единодушно сочли подобную выходку чрезмерной даже для сумасбродного по молодости лет Эртеля Эклинга, вздохнули и принялись собирать запасы, потребные для прокорма грядущей высокородной оравы.

Поначалу визит не одного, но целых двух королей казался не слишком обременительным. Гости явились малым числом, переменили коней и исчезли в лесах. Вернулись прошлым вечером — как водится, потрепанные и донельзя оживленные. Шумно отужинали в доме старосты, наперебой делясь подробностями недавних азартных погонь по болотам да перелескам, переме-

жаемыми воспоминаниями о давно минувших временах.

Следующим днем компания намеревалась возвратиться в столицу, но благим намерениям воспрепятствовала разгулявшаяся стихия.

Теперь молодой правитель страны вместе с друзьями коротал время в ожидании утра и появления в серой хмари облаков хоть малейшего просвета. Большинство свитских, сыскав подходящие уголки, прилегли вздремнуть вполглаза. Караульные, коим выпало нести дозор, прятались под хлипкими навесами и вполголоса кляли столь несвоевременную грозу, невольно пригибаясь при каждом новом оглушительном раскате. Из конюшен доносилось тревожное фырканье и ржанье, лошади беспокойно металась в стойлах. Им вторило жалобное подвывание охотничьей своры, за неимением настоящей псарни размещенной в амбаре.

Порыв ветра с размаху швырнул горсть капель в узкое оконце на втором этаже дома, под самой стрехой, украшенной резным изображением лосиной головы. Водяные струйки резво побежали по натянутому бычьему пузырю, ища проеху.

— Как в старые добрые времена, — заметил Эртель, кивая в сторону окна, на мгновение залитого тусклым лиловым сиянием. За фиолетовым сполохом последовал тугой, солидно-основательный звук грома. — Гроза бушует, мы торчим в забытом богами и людьми захолустье, ждем, откуда рассветет...

Ответом ему стало презрительное хмыканье. Жалобно скрипнул отворачиваемый кран на пузатом бочонке, вязко забулькал переливающийся черный эль, однако собеседник владельца маленькой полуночной страны не спешил отправлять содержимое вместительной глиняной кружки по назначению.

— Слушай, может сделаешь одолжение и растолкуешь, что к чему? — резковато поинтересовался Эртель, тут же поспешив уточнить: — Конечно, я очень рад тебя видеть, но подобными любезностями Пограничье и Аквилония обмениваются с времен правления моего дядюшки, доброй ему охоты в заоблачных краях — и ни разу Тарантия не отвечала согласием. Зазывания в гости — всего-навсего вежливый жест, лишнее подтверждение добрых отношений. Мне самому такие шлют почти к каждому празднику. И вдруг вы приезжаете — ты, Йенна, дети... Ну, добро. Мы из шкуры вон лезем, проявляя истинное гостеприимство Пограничья, но тебе что-то не по душе. Чем ты недоволен, в конце-то концов?

Эртель Эклинг, сменивший на медленно укрепляющемся престоле своего дядю, Эрхарда Оборотня, правил всего два года. За сей краткий срок разбитой и беспечный охотник за удачей обратился в человека, осознавшего тяжесть возложенного на него долга и отчаянно стремящегося как можно лучше с этим долгом справиться. Зная, что ему, как и всякому из племени Карающей Длани, оборотней, отпущен срок, в три или

четыре раза превышающий обычную длину человеческой жизни, Эртель понимал — отныне его существование будет подчинено единственной цели, заботе о благе Пограничного королевства. Наличие могущественных соседей — Бритунии, Немедийской империи и Аквилонии — ничуть не облегчало его участь, постоянно требуя умения лавировать между подводными камнями высокой политики. Вот еще один неожиданный подвох — визит давнего друга, о котором теперь будут распускать слухи до конца года!

— С собой.

Короткое словечко заставило молодого человека с искренним недоумением взглянуть на того, кто расположился напротив него за добротным, тяжеловесным столом. Прославленный владелец Трона Льва, как отметил Эртель в первый же миг встречи, произошедшей две седмицы назад, здорово изменился. Ни к худшему, и ни к лучшему — просто стал иным по сравнению с образом, запечатлевшимся в памяти давнего приятеля. Текущее мимо беспощадное время оставляло на аквилонском короле свои следы, доселе незаметные, однако к шестому десятку лет наконец сумевшие взять верх. Кто-то из спутников правителя Пограничья глубокомысленно заметил: «Смертного создания тут больше нет. Мы видим ходячее и говорящее олицетворение страны.»

На болтуна зашикали, но мысленно многие с ним согласились.

Сейчас, в полусумраке маленькой комнаты,

освещенной качающимся пламенем свечей да грозowymi зарницами за окном, Аквилонец в самом деле походил на воплощение незыблемой и неуязвимой власти. Силы. Некой всесокрушающей мощи, кроющейся в слове «государство».

Чуть устрашающее впечатление наверняка создавалось игрой света и теней, но Эртель давно выучился не доверять простым толкованиям. Если в самой Аквилонии царили мир, достаток и процветание, то в укрытой от посторонних глаз жизни обитателей Тарантийского замка явно творилось неладное.

— Вы здесь совершенно ни при чем, — Конан с преувеличенным вниманием рассматривал стоявшую перед ним кружку, словно ему в руки попало древнее сокровище. — Честно говоря, я приехал в надежде вспомнить эти, будь они неладны, старые добрые времена. Ничего не получается. Все стало другим. Вместо захудалого городишки на границе выстроили укрепленный форт, где была разбитая вдрызг дорога — проложили мощный тракт. Даже здешняя деревня в три с половиной дома наверняка скоро начнет добиваться звания гербового города!..

— Всенепременно, — согласился оборотень. — Или Ваше величество всерьез желает, чтобы Пограничье и далее прозябало на своей отдаленной окраине?

— Похоже, я становлюсь всего лишь этим, как его... постаментом для собственного имени, — скривившись, заключил правитель Аквилонии. — Легенда при жизни, светлейший король, пример

для юношества, сокрушитель чудовищ! — желчно перечислил он. — Разве этого я хотел? И, что самое досадное — молву не переспорить. Разве что издать указ, в котором будет прописано: в жизни Конана из клана Канах имели место такие-то и такие-то события, а все прочее — лжа неправдивая.

— Имей в виду: такой поступок в скором времени обернется нравоучительным сказанием о невиданной скромности героя, столь прославленного, что ему не требовалось лишний раз приукрашивать свои деяния, — с едким смешком предостерег Эртель. — Ладно, суть я уловил. Конан Киммериец пал под тяжестью преданий о себе самом. Его одолевает тоска по вольному и веселому прошлому, когда в него не тыкали пальцами на улицах и не возводили в его честь памятники на городских площадях. Сочувствую, однако ничем помочь не могу. У меня, знаешь ли, своих забот хватает...

— Зато у меня их нет! — перебил варвар, не очень-то прислушиваясь к речам друга и следуя за собственной прихотливой мыслью. — Нет, можешь себе представить?! Кажется, мне досталось все, о чем только можно мечтать. Королевская власть. Верные соратники, которые не предадут в решающий момент. Мудрая красавица, ставшая моей женой, и наши дети... Много чего можно перечислить, и все это в последнее время словно ускользает из рук. Не из-за происков заговорщиков, не из-за моего пренебрежения делами, не стараниями Королевского Совета или хитроум-

ного Пуантенца — просто утекает сквозь пальцы, как вода или песок.

— Будто отпущенное тебе время подходит к концу, — внезапно дрогнувшим голосом завершил фразу Эртель. — Года за два до своей кончины дядюшка тоже вел подобные разговоры... Эй, а ну-ка брось! Ты ведь не собираешься помереть прямо сейчас, бросив Аквилонию и всех нас на произвол судьбы, точнее — на твоего наследника? Признаться, мне не по душе такие шутки!

— Когда-нибудь мы все отправимся по тому пути, который один Нергал ведает, где заканчивается, — философически заметил Лев Аквилонии и потянулся к кружке, но отпить не успел — дверь беззвучно открылась, пропуская высокую темноволосую женщину. Та ничуть не удивилась, обнаружив в комнате двух полуночников, но удовлетворенно кивнула:

— Вот вы где. А я во двор выглянула — гроза вроде стихает, и льет уже поменьше.

— Самой-то зачем ходить? — недовольно буркнул Конан. — Отправила бы какого-нибудь бездельника...

— Бездельники заняты — я доверила им развлекать наших отпрысков и их друзей, никак не желающих утомиться, — Зенобия, королева Аквилонская, подвинула к себе наполненную, да так и оставшуюся нетронутой кружку, непринужденно отхлебнула глоток и внимательно оглядела примолкших мужчин: — Дети чрезвычайно довольны новым приключением, чего нельзя ска-

зать о вас. Эрт, тебе еще не поведали о нашем пребывании в Кюртене?

— А что там стряслось? — любопытствовал король Пограничья.

— Молодежь отыскала где-то бродячего сказителя и притащила его на постоянный двор, решив, что нашим величествам недостает простых народных развлечений, — с плохо скрываемой насмешкой в голосе принялась рассказывать Дженна. — Благородное общество вдоволь попотчевали вольными переложениями нордхеймских саг, угостив в завершение долгим сказанием о подвигах... Да-да, некоего варвара из далекой Киммерии, который провел жизнь в скитаниях и сражениях, добившись в конце концов золотой короны и алмазного трона. Правил он, как сами понимаете, долго и мудро, без труда одолевая козни врагов и происки злоумышленников... — она сделала паузу и уже серьезнее добавила: — Вот только сам герой баллад крайне озлился и пребывает в сем скверном настроении до сих пор.

— Они поверили каждому слову дряхлого болтуна! — негодуяще рыкнул Конан. — Сидели, развесив уши и разинув рты, пока он плел сущую чепуху! Или ты, — он обличающе ткнул пальцем в супругу, — будешь уверять, якобы тебя в самом деле похищал злобный колдун и ради твоего спасения я таскался куда-то на край света, попутно свергая тиранов и рубя головы пучеглазым демонам?

— О, я твердо уверена: коли меня украдут — ты на радостях закатаешь праздник, — отпариро-

вала Зенобия. — Какая разница, правда это или нет? Людям нравятся подобные истории. Для них не имеет значения, сколько в них вымысла, а сколько — истины.

— Не пойму, отчего тебя вдруг стали беспокоить подобные глупости? — поддержал аквилошку Эртель. — Выдумывают байки и пусть себе выдумывают. К примеру, мне ужасно обидно, что про меня до сих пор не сложили самой простенькой истории. А я так стараюсь, даже вон в друзья тебе набился!

— Непременно сложат, — Дженна снисходительно взъерошила светлую шевелюру оборотня, и тот немедленно соорудил чрезвычайно довольную физиономию. — Идите-ка лучше спать. Успеете еще надоесть друг другу жалобами на жизнь, мы ведь намерены провести у вас целое лето.

...Проводив гостей, Эртель выглянул на крыльцо. Гроза и в самом деле стихала, уходя куда-то к в направлении Граскаальских гор, а дождь, как это всегда бывает, стал рассеянным и мелким. Молодой человек втянул пахнувший влажным лесом и свежей травой воздух, на миг став похожим на настороженного зверя, выбравшегося из норы. Вроде бы ровным счетом ничего необычного или тревожащего, разве что откуда-то прилетает еле различимый, кисловатый запах напуганного животного. Должно быть, поблизости от хутора переживает ливень олений табунок.

— Совершенно не о чем беспокоиться, — вслух произнес Эртель Эклинг, зевнул и скрылся в доме.

Мокрые деревца на околице хутора вздрогнули, осыпав тяжелыми каплями существо, неотрывно вглядывавшееся в кучку приземистых строений. Зверь, по очертаниям похожий на волка — если только земля порождает волков, чей рост в холке приближается к высоте некрупной лошади — сторожко попятился, словно увидел все, что его занимало. Отойдя на десяток шагов вглубь леса, волк какое-то время просто стоял, раздумывая, а его силуэт словно бы таял, сливаясь с ночной темнотой и поднимавшимися испарениями. Еще пара ударов сердца, и животное окончательно пропало, не оставив после себя даже примятых растений и следов.

Часть 1. След волка

Глава первая Скверные новости

*Вольфгард, столица Пограничья.
21 день Первой летней луны 1313 года.*

ынешним утром — необычно жарким для поздно начавшегося лета — на заднем дворе трактира «Снежная ящерица» царило необычное, можно сказать, нездоровое оживление.

Задворки не представляли из себя ничего особенного. Десяток ровных борозд огорода, торчащие с краю смородиновые кусты в клейких листьях, забор в половину человеческого роста из ошкуренных жердей, пыльный проулок да уходящий вниз склон холма, полого спускающийся к легкомысленно журчащей речке. «Ящерица» стояла в восходном конце Вольфгарда, за последний десяток лет изрядно расширившегося, но по-прежнему

му напоминавшего беспорядочное нордхеймское поселение, и замыкала улицу. Справа тянулся пустырь (который всякое лето затевали перекопать, да все руки не доходили), слева — недостроенный участок городской стены: земляной вал и частокол ограждавших его кольев.

Словом, обычная городская окраина.

Сегодня переулок за постоялым двором стал на редкость оживленным местечком. Кучки сбжавшихся зевак, державшихся на почтительном отдалении и опасливо перешептывающихся. Десяток городской стражи, старательно отгоняющих всех подальше от огорода. По взрыхленным грядкам, безжалостно топча посадки, бродят еще трое блюстителей в сопровождении крупной собаки пегой масти, смахивающей на помесь пастушьей овчарки с борзой. Пес водит узкой мордой туда-сюда, вдумчиво обнюхивая землю и явно что-то разыскивая. Стражники не отстают, заглядывая под кусты и шаря палками в зарослях лопухов у основания дома.

Задняя стена постоялого двора — бревенчатая, заросшая сизоватым мхом, но еще вполне крепкая. На уровне второго венца чернеют подслеповатые окошки, закрытые ставнями. Они скрывают за собой непритязательные каморки, где обитает прислуга.

С недавних пор там еще поселились промышленные при трактире девицы. Новшество пришлось не по душе содержательнице двух веселых домов столицы Пограничья, отчего между ней и хозяином «Снежной ящерицы» то и дело

возникали перепалки со страшными угрозами, однажды даже завершившиеся в судебной управе...

Юркавшая по огороду собака внезапно остановилась, коротко гавкнула и яростно заскребла лапами мягкую почву. Подбежавший стражник оттеснил животное в сторону, взгляделся, приглушенно ругнулся — должно быть, для храбрости — и извлек из капустной зелени некую вещь размером в два кулака: багрово-синеватую, обмякшую, истекающую тягучими черными каплями. Когда находку подняли повыше, среди зевак раздалось встревоженное оханье. Кое-кто, зажимая рот и сдавленно кашляя, торопливо убежал вниз по склону, к речке.

Предмет, спешно упрятанный в холщовый мешок, оказался кистью человеческой руки, отхваченной у самого запястья. Разлохматившиеся клочья плоти болтались, как диковинный браслет. На скрюченном безымянном пальце мелькнул измазанный кровью широкий золотой перстень с цветным камнем.

— Нашел! — страж с парочито заливчатским видом вскинул мешок с добычей. — Рука отыскалась!

— Нашел, так отнеси его милости, а не маши, как бодливая корова хвостом, — раздраженно посоветовал гвардеец постарше и прикрикнул на толпившееся у ограды сборище любопытных: — Пошли прочь! Нечего тут глазеть!

Пристыженный блюститель затрусил по грядам, скрывшись за углом дома. Его товарищи

продолжили свое занятие, только собака крутилась на месте, взвизгивая, чихая и подвывая.

Словно отвечая ей, из распахнутого окна вырвался звук, слышав который, толпа зевак всколыхнулась и напуганно загудела. Было непонятно, что за существо могло издавать такие крики: то ли тонкий скулеж умирающего зверя, то ли жалобное хныканье смертельно напуганного ребенка. Вопль длился всего два или три удара сердца и внезапно оборвался, достигнув своей высшей точки, словно кричавшему с размаху заткнули рот или из милосердия прикончили ударом меча.

* * *

Вторую по правую руку комнатенку до сегодняшнего утра занимала девица по имени Мави — обыкновенная девчонка четырнадцати или пятнадцати зим от роду, выглядывшая чуток глуповатой и больше подходившая для того, чтобы мыть полы да подносить обедающим гостям тарелки.

В данный миг упомянутая Мави находилась в своем жилище.

Встав на пороге и посмотрев налево, можно с некоторым трудом различить ее — забившееся в дальний угол между кроватью и перевернутым вверх ногами столиком съездившееся в комок и мелко вздрагивающее человеческое существо. Попытки хозяина «Ящерицы» и его жены дозваться до девицы успеха не имели. Мави не откликается

и, похоже, вообще ничего не слышит. Время от времени она вопит, испуская бессмысленный воющий звук, только что напугавший людей снаружи.

Но девчонка по крайней мере жива, чего уж точно нельзя сказать о двух других обитателях комнаты. Один из них вытянулся на скомканном цветастом половике, ближе к дверям, головой к окну. Крупный мужчина лежит ничком, левая рука отброшена в сторону, правая согнута и спрятана под туловищем. На кожаном жилете видна длинная косая прореха, оставленная то ли взмахом ножа, то ли ударом лапы хищного зверя. Вокруг мертвеца натекла темная, поблескивающая лужа, источник которой нетрудно угадать — зияющая рана, тянущаяся вдоль посиневшей бычьей шеи от уха к плечу. Над ней с пазойливым гудением кружат влетевшие в распахнутое окно мухи.

Второй человек вроде бы находится на расстеленной кровати... Во всяком случае, в складках заскорузлой и побуревшей простыни угадывается нелепо вывернутая нога, а округлый предмет, закатившийся в выемку между вспоротой подушкой и съехавшим набок тюфяком, вполне может быть макушкой головы. Стена над постелью и висевший на ней простенький коврик, наполовину сорванный с гвоздей, испещрены темными потеками и разводами. Отдельные брызги долетели даже до низкого потолка. Крови так много, что кажется невероятным — неужели в человеке плещется такое количество этой драгоценной

жидкости? Она повсюду, вкупе с постепенно усиливающимся сладковатым тошнотворным запахом и разлетевшимися по комнате мелкими перьями разорванной в клочья перины.

Из коридора жуткое зрелище созерцают четверо. Позеленевший и старательно отворачивающийся в сторону низкорослый крепыш — невезучий содержатель постоянного двора, — и его законная половина, цепляющаяся за плечо супруга, с болезненным любопытством заглядывая через порог. Хозяйка открывает и закрывает рот, словно намереваясь запричитать, но никак не решаясь начать.

Чуть в отдалении стоит сухопарый тип с равнодушной, слегка скупающей физиономией, отдаленно напоминающей породистую морду стареющего гончего пса. Судя по бронзовой бляхе с изображением ястреба, это местный квартальный дознаватель. Рядом с ним расположился обладатель серебряного значка с чеканным силуэтом волчьей головы, означающим власть над городскими блюстителем порядка — блондин средних лет, уроженец здешних краев либо же соседней Бритунии.

На лестничных площадках, расположенных в обоих концах узкого коридора, маются стражники. Сверху, перегибаясь через перила, таращатся на происходящее растрепанные и на удивление молчаливые девицы вкупе с прислугой.

Застывшая живая картина приходит в движение при появлении гвардейца, несущего на отлете свой зловещий трофей.

— Вот, извольте видеть, рука, — чуть невразумительно докладывает стражник. — В капусте валялась. На ней кольцо — дорогое, с самоцветом...

— Еще что-нибудь нашли? — осведомляется пожилой дознаватель.

Стражник мотает головой, и, спохватившись, рывкает:

— Никак нет! Ищем!

— Раз кольцо — значит, нам попалась исчезнувшая конечность малопочтенного Унтамо, — вполголоса замечает владелец серебряной волчьей головы. — Остальное наверняка разбросано поблизости... Ну, кто из доблестных стражей желает прославиться, спасая бедную девицу? Рэф, друг мой, ты по-прежнему уверен, что сию особу нужно полагать свидетелем, а не виновницей случившегося?

— Я полагаю, месьор Грайтис, что сперва нужно ее оттуда извлечь и привести в себя, — Рэф коротким взмахом руки подзывает неохотно сдвигающихся с места гвардейцев и отодвигается в сторону, гостеприимно открывая им вход в пропахшее страхом и смертью помещение. — Мне также затруднительно представить, чтобы хлипкая девчонка-недомерок могла расправиться с двумя взрослыми мужчинами.

— Один из которых являлся известным гиперборийским магом с законным, подверженным лично королем Пограничья, разрешением на занятие таковым ремеслом, — уныло завершает фразу Грайтис, — а также представлял в Вольф-

гарде двор Халогии. В посольстве нас заживо сожрут, когда узнают... Отчего этому ублюдку приспичило наведаться сюда, а не в приличное заведение госпожи Зифты? А, хозяин? Что он у вас забыл?

Цвет физиономии владельца «Снежной ящерицы» меняется с болотно-желтоватого на бледно-синеватый. Такой краской на жестяной вывеске изображена шкура зверя, давшего название постоялому двору. Он нерешительно мнетя, локтем подпихивая супружницу — то ли ожидая совета, то ли напротив, предупреждая о молчании. Собравшись с духом, бочком придвигается к месьору Грайтису и начинает вполголоса объяснять, помогая в особенно затруднительных местах взмахами рук и выразительными гримасами. Хозяйка поддакивает, но, когда стражники выволакивают из каморки завернутый в половик труп, оставляющий на полу размытую кровавую полосу, не выдерживает и убегает, негромко подывая.

— Получается, Унтамо навещал твоих красоток почти каждую седмицу? — деловито переспрашивает Грайтис. — Желая при том близкого общения с особами как можно более юных лет? И непременно приводил с собой телохранителя, а то и двух? Они торчали под дверью или дожидались его в общем зале? Нынче все происходило, как обычно?

— Он явился незадолго до полуночи, — запинаясь, вспоминает трактирщик. — Потребовал Мави — чем-то она ему приглянулась, он уже

третий раз к ней шастал — и поднялся наверх. Охранник, как водится, остался в коридоре. Вон там сидел, — он указывает на опрокинутую скамью почти напротив двери. — Перед самым рассветом как начали голосить на весь дом! Сторож, наверное, вскочил спросонья и бросился выручать хозяина. Мы-то замешкались, когда прибежали, тут уже все было... вот такое. Эти двое лежат, не шелохнутся, а девка забилась в угол и завывает.

— Понятно, — Грайтис рассеяннo кивает и начинает распорядиться: — На три-четыре дня всех гуляющих красоток отсюда долой. Комнату мы заперем и опечатаем. Лучше бы тебе и таверну прикрыть, но ярмарка на носу... Ты же предпочтешь удавиться, чем упустить постояльцев, верно? Поглядывай за спину — вдруг гиперборейцы возжелают отомстить за убиенного сородича. А сейчас соверши полезное дело: быстренько раздобудь повозку и две большие холстины. Эй! — он заглядывает в комнатку, где стражники примериваются, как бы половчее стащить с кровати тело мертвого колдуна. — Уведите сперва девчонку. И поосторожнее там, чтобы покойник на части не развалился!

Мави не сопротивляется, когда две блюстителей пробираются к ней и поднимают на ноги. Шатаясь, она послушно ковыляет к двери, глядя прямо перед собой отсутствующими, чуть косящими глазами. Кто-то догадался принести широкий плащ и набросить его на плечи девушки. Она стоит, сторбившись и неуклюже топчась по

выскобленным доскам босыми ногами, оставляющими липкие темные следы.

— Куда ее, ваша милость? — спрашивает один из гвардейцев. — В городскую тюрьму или?..

— В крепость, — быстро переглянувшись с Рэфом, решает месьор Грайтис. — Подыщите комнату с хорошим засовом и не оставляйте без присмотра. Да, пусть ее как можно быстрее осмотрит лекарь. Прочим знать об этой девице необязательно... особенно аквилонцам. Все меня поняли?

* * *

Позаимствованная на конюшне «Снежной ящерицы» подвода, запряженная гнедым мерином почтенных лет, бодро громыхла по окраинным улицам, направляясь к Закатному кварталу. На дне возка, прикрытая холстиной и старыми мешками, таилась пара продолговатых предметов, иногда перекатывавшихся из стороны в сторону и слегка подпрыгивавших.

Следом топали стражники, шагах в десяти за ними — вроде бы сопровождая подводу и в то же время сами по себе — ехали двое верховых, без труда узнаваемых почти каждым жителем столицы Пограничья: вольфгардский ширриф Грайтис и его доверенный помощник, писец и дознаватель Рэф. О последнем шептались, будто он умудряется узнавать о любой мелочи в городе едва ли не раньше, чем та начнет происходить. Парочка столпов городской власти выглядела на удивление мрачно, на приветствия не отвечала и

между собой не разговаривала. Это казалось столь зловещим и необъяснимым, что позади таинственной процессии вскоре возникла еще одна — из любопытствующих, желающих узнать, куда, собственно, держит путь месьор Грайтис.

Повозка остановилась в конце Медовой аллеи, подле внушительных, окованных потемневшими железными полосами ворот большого подворья, возведенного наособицу. Мало кто из горожан решился бы явиться сюда по доброй воле, да и сами владельцы усадьбы, где размещалось посольство Гипербореи, не славились гостеприимством. Лет двести тому назад часть Пограничья краткое время пребывала под властью обитателей полуночной стороны Граскаальского хребта. Те времена по сию пору звались «гибельными», а Гиперборея при каждом удобном и неудобном случае напоминала о былом праве на кусок чужой земли, подтверждая его набегами на рубежи соседей.

Словно для укрепления бытующей скверной репутации, на звон болтающегося колокола и крики долго никто не отзывался, хотя за могучими воротами слышались невнятные шорохи, скрипы и далекие голоса. Кто-то из стражников уже начал ворчать, что давно пора запалить колдовское логово с четырех концов, когда в толще створок на миг приоткрылось круглое оконце. Мелькнуло чье-то лицо, потом раздался приглушенный лязг, скрежет, краткий пронзительный скрип и огромная воротина беззвучно и легко отодвинулась в сторону. Высунулся приземистый, напоминающий обрюзгшего хряка тип —

скорее всего, привратник. Подозрительно оглядел незваных гостей и кучку зевак в отдалении, и с величайшей неохотой отодвинулся в сторону, жестом разрешая заезжать и заходить.

Обширный двор за воротами пустовал — обычную мелкую живность тоже прогнали с глаз долой — двери конюшен, амбаров и прочих хозяйственных построек стояли закрытыми, но чувствовалось, что визитеров пристально разглядывают через все имеющиеся щели, глазки и отверстия. Наведавшись к гиперборейцам в первый раз, Грайтис чрезвычайно удивился такому порядку. Потом привык, хотя по-прежнему возмущался, что приезжих (даже с поручениями от короля!) никогда не впускают в дом.

Здание посольства — одно из редких в Вольфгарде каменных строений, приземистое, темно-красного цвета — слепо взирало на пришлецов наглухо закрытыми ставнями. Над высоким крыльцом поблескивал облупившейся эмалью пятиугольный герб-джунарг с известным всей Полуночи символом: белая ладонь на черном поле. Открылась дверь, по ступенькам с достоинством спустился некий долговязый субъект в сером плаще, обильно расшитом по краям непонятными знаками — не то оберегающими рунами, не то обычным, принятым на его родине узором.

Завидев блеклую физиономию встречающего, похожую на уныло-торжественную морду вяленой рыбыны, Грайтис и Рэф с одинаково страдальческим выражением лиц закатили глаза. В глубине души оба надеялись, что им придется

иметь дело с кем-нибудь другим, но через двор шествовал именно он — старший письмоводитель гиперборейского посольства, месьор Эгарнейд, славный пристрастием к крючкотворству и тем, что доселе никому не удавалось хоть на миг лишить его холодной невозмутимости.

— Чем обязаны, ширриф? — сухо осведомился гипербореец. — Неужто таможенная управа опомнилась и решила вернуть нам задержанные еще два года назад вещи, по недоразумению сочтенные обрядовыми предметами запрещенных к отправлению культов? Или Его величество заради достойного приема гостей из Аквилонии соизволили обложить нас новым налогом?

Грайтис поймал себя на обдумывании весьма соблазнительного замысла: треснуть бы посланника по лысоватой макушке, а потом заявить — мол, выслушав скорбную новость о кончине соотечественника, Эгарнейд лишился чувств и хлопнулся затылком о крыльцо. Рэф подтвердит, стражники засвидетельствуют, все останутся довольны.

— Ваш магик, досточтимый месьор Унтамо, сегодня утром приказал долго жить, — попытка подражать высокомерному тону письмоводителя оказалась не слишком успешной. Исключительно из стремления досадить Грайтис уточнил: — Его сгубила невместная для господина столь преклонных лет тяга к острым ощущениям и молоденьким девицам. Примите мои соболезнования и извольте получить брненное тело.

Чудо произошло: Эгарнейд выказал признаки

заинтересованности и приблизился к телеге. Короткий взмах рукой — и полотнище грязной холстины само собой откинулось в сторону, открыв прятавшиеся под ним длинные свертки. Еще один взмах выставил тщательно укутанные трупы напоказ, неведомой силой развернув ткань и аккуратно откинув складки в стороны.

Гипербореец долго и пристально изучал мертвецов, уделив основное внимание изуродованным останкам Унтамо и бросив на покойного телохранителя единственный полупрезрительный взгляд. Затем проскрипел:

— Все ли имущество покойного находится при нем? В первую очередь это касается утерянных телесных сочленений.

От подобного вопроса Грайтис потерял дар речи. Стоявший позади Рэф чуть слышно пробормотал фразу, возводившую родословную гиперборейца прямиком к противоестественному союзу между ледяным истуканом и дохлой жабой.

— Вот, еще это... имущество, — ширриф, решив ничему более не удивляться, протянул Эгарнейду холщовый мешок. — Тут кисть правой руки с перстнем. Левое ухо, нос, несколько пальцев и... э-э... внутренних частей, к сожалению, пока не найдены.

— Доставьте, если отыщете, — с поразительной серьезностью кивнул гипербореец. — Без них невозможно достойное отправление Последнего Прощания. Я также хотел бы получить как можно более подробное описание обстоятельств сей

ужасной кончины, дабы представить его послу Халогии. Виновник, как я полагаю, будет обнаружен и подвергнут наказанию вашими силами? Или мы должны рассчитывать только на собственные возможности?

— Сами как-нибудь справимся, — буркнул Грайтис. — Бумаги и прочее парочный доставит сегодня вечером.

— Посол, входя в тягостные обстоятельства вашего правителя, пока воздержится от нанесения визита с требованием виры за смерть почтенного Унтамо и нанесенные ему поношения, — лик Эгарнейда стал еще более отсутствующим, словно он зачитывал вытверженный наизусть текст. — Думаю, это произойдет по окончании ярмарки. Однако я хотел бы осмотреть место случившейся трагедии и побеседовать с имеющимися свидетелями. Могу я рассчитывать на то, что мне не придется одолевать преграды, чинимые властью?

— Можете, — сумрачно подтвердил ширриф. — Он умер в «Снежной ящерице», большом постоялом дворе на восходной окраине. Скажете хозяину и находящимся там стражникам, что пришли от меня. Они отпустят для вас нужную комнату.

«Пес с ним, пусть навещается в трактир и полюбуется на свисающие с потолка убогой каморки кровавые ошметки. Вдруг хоть это зрелище его проберет!»

Из ближайшего сарая неохотно выбрались три человека. Повинуясь безмолвному жесту-приказу

старшего письмоводителя, не без труда извлекли рассыпающийся труп магика из повозки и унесли в дом. Эгарнейд отвесил недобрым вестникам откровенно вымученный кивок и, повернувшись, направился вслед за своими подчиненными.

— Погодите, а этот? — вмешался Рэф, указывая на оставшегося в одиночестве покойного охранника. — Вы его что... нам оставляете?

— При чем совершенно бесплатно. Это всего лишь асирский простолюдин, — бросил через плечо гипербореец. — Унтамо пользовался его услугами, но теперь он нам ни к чему. Советую отправить труп его сородичам с надлежащей сопроводительной для погребения по принятому в Асгарде ритуалу... Не припомню, у них полагается жарить покойников для совместного поедания всем кланом или скормливать воронью?

После довольно продолжительной и яростной перепалки, в ходе которой даже гиперборейский письмоводитель проявил некоторые признаки человеческих чувств, тело злосчастного асира все же вынули из подводы и уложили под навесом во дворе посольства. Эгарнейд скрылся за дверями, всем своим видом изображая оскорбленное достоинство. Не удержавшись, Грайтис украдкой сделал ему вслед неприличный жест.

* * *

Скверно начавшись, день продолжал и дальше катиться по ухабистой дорожке. Удивляться не стоило — если зимой и осенью Вольфгард

представлял из себя тихий и сонный город, по самые крыши заваленный снегами, то весной и летом жизнь начинала бить ключом, особенно в праздничные и ярмарочные дни.

А тут еще, словно назло, вдобавок к уйме торговцев, перекупщиков, караванщиков и хуторян из отдаленных провинций пожаловали не кто-нибудь, но сам аквилонский король с супругой и изрядной кучей прихлебателей!

Лично против Аквилонца никто ничего не имел, но вот его свита, похоже, не отличалась особым уважением к традициям чужой страны. В городской Управе скопился целых ворох остающихся пока без ответа жалоб, а взаимное недовольство горожан и приезжих грозило в ближайшем будущем обернуться шумным выяснением отношений. Такое впечатление, будто в последние седмицы обитатели и гости столицы Пограничья твердо задались целью известить капитана городской гвардии и его подчиненных.

У ворот гиперборейского посольства ширриф и его помощник разъехались в разные стороны, договорившись встретиться ближе к вечеру на обычном месте — в таверне «Корона и посох» под стенами замка. Порой Грайтис задавал себе вопрос: не переместить ли Охранную управу в питейное заведение, ибо за разрешением своих тягот люди сперва направляются именно туда, а уж потом вспоминают о доме на Медвежьей улице. Рэф собирался взглянуть, как обстоят дела на Торговой площади, наводя порядок, разбирая неизбежные склоки по поводу дележа мест и заод-

но прислушиваясь к новостям. Грайтис, прихватив с собой десяток человек, решил проехаться по близлежащим кварталам.

Переполненный город бурлил. Повсюду, обрастая по пути самыми невероятными подробностями, разгуливали слухи о жутком происшествии в «Снежной ящерице». Мелкие стычки в тавернах и на постоянных дворах неизбежно завершались драками, городская тюрьма трещала по швам, не вмещающая всех задержанных. В скором времени, прикинул Грайтис, нарушителей спокойствия придется отправлять в подземелья коронной цитадели, а это придется чрезвычайно не по душе как тамошнему коменданту, так и его подчиненным.

Довершая список неприятностей, у самых дверей «Короны и посоха» ширрифа настиг гонец с безрадостным известием — через два-три дня следует ожидать возвращения Эртеля и гостей из Аквилонии, уезжавших на охоту в леса. По приезде Его величество потребует от градоправителя подробного отчета о столичных неурядицах, это уж как пить дать. Может, встретить короля торжественным вручением прошения об отставке? Нет, проверено еще в минувшем году — не отпустит.

В трактир сегодня набилась едва ли не четверть населения Вольфгарда. Владелец, почтенный Юшта Далум, заметив вошедшего Грайтиса, только руками сокрушенно всплеснул: место, куда посадить почетного гостя, отыщется, но спокойного разговора никак не получится. К то-

му же добрая часть посетителей вострепнулась, готовясь обрушить на голову ширрифа сотню различных и не всегда доброжелательных вопросов.

Пришлось торопливо удалиться, заодно распрощавшись с мечтами о роскошном горячем ужине. Во дворе таверны Грайтис столкнулся с собственным помощником — усталым и задержанным.

— Горожане точно с ума посходили, — мрачно сообщил Рэф. — Скоро вспыхнет мятеж и нас вздернут на главной площади. Хочешь выслушать длинный перечень сегодняшних происшествий? Тебе понравится. Давно не случилось ничего подобного.

— Мне бы пожрать, — честно признался бритуниец. — Бунты пусть король умирят, он уже по дороге в столицу... Слушай, есть идея. Не станем вышвыривать посетителей Далума на улицу и лишать его законного дохода. Я знаю место, где нам чрезвычайно обрадуются, посочувствуют нашей тяжелой доле, дадут полезный совет и накормят до отвала. Устроим набег на владения королевского волшебника!

— Так нет же его в Вольфгарде, — напомнил Рэф. — Он еще в начале лета укатил в Чарнину, копаться в тамошних старинных развалинах. То ли руины Пифона там ищет, то ли крепость альбов, не помню в точности.

— Именно это я и имел в виду, — невесело хмыкнул Грайтис. — Зато Ренисенб дома, в крепости.

— Ах, Ренисенб, — с нарочито безразличным видом кивнул помощник. — Ну-ну.

...Должность придворного магика в Пограничье уже добрую четверть века занимал один и тот же человек — Тотлант, уроженец Луксора Стигийского, прихотью судьбы заброшенный в далекую полуночную страну и решивший, что именно здесь стоит провести остаток жизни. Стигиец водил близкую дружбу с предыдущим королем, Эрхардом (который, собственно, и уговорил его остаться в Вольфгарде), по мере сил помогал новому правителю и справедливо числился среди наиболее уважаемых людей королевства Пограничного.

В последние годы у господина Тотланта появились два новых увлечения, занимавших почти все его время. Во-первых, основанная им магическая школа, называвшаяся «Радугой» и располагавшаяся лигах в десяти к Полуночи от столицы, в чрезвычайно живописном Краю Водопадов. Во-вторых, упомянутая Ренисенб эш Шарвин. Это сокровище Тотлант раздобыл лет пять тому во время визита на Полуденное Побережье. По мнению волшебника, она воплощала в себе множество замечательных черт, и, что немаловажно, успешно овладевала тайнами колдовского искусства.

Вопреки пугающим слухам об уроженцах далекой Стигии, подруга магика оказалась смешливой, общительной, гостеприимной и не слишком жаловалась на постоянные холода Пограничья. Ее только огорчало, что местный климат при-

шелся не по душе ее домашним любимцам, маленьким змейкам с оранжевой чешуей, поселившимся в ящике перед всегда теплившимся камином. Обладавшие скверным нравом песчанки дружно шипели на любых посетителей, не изменив своей привычке и сегодня. Покойный король Эрхард, заглянув как-то на огонек к придворному волшебнику и узрев пресмыкающихся обитателей деревянной коробки, немедленно прозвал ее «походным капищем Сета». Название прижилось, несмотря на возмущение Ренисенб, доказывавшей, что люди имеют полное право содержать дома как редкую золотистую кхитайскую кошку, так и безобидных крапчатых полозов из Сухметской долины.

Три плоские головки раскачивались над краем «капища», словно прислушиваясь к непонятным людским разговорам. Четвертая изображала живой браслет на тонком запястье хозяйки — смуглой и большеглазой черноволосой женщины. Иногда Грайтис ловил себя на размышлениях о том, что госпожа Ренисенб слишком хороша для безвестного прозябания в захолустье. Ширриф старался держать подобные мысли за семью замками в самом темном уголке, если уж не получается совсем от них отделаться.

Несговорчивое искушение упрямо напоминало о себе, становясь особенно настойчивым, стоило месьору Тотланту на сколь-нибудь протяженный срок удалиться за пределы Вольфгарда. Грайтис надеялся, что женщина ни о чем не догадывается, хотя кто ее знает... Вдруг колду-

ню искренне забавляют неуклюжие попытки капитана городской стражи малость приударить за ней?

Веселое оживление стигийки, вызванное приходом незваных гостей, сменилось задумчивостью (когда наскоро перекусивший Рэф изложил собранные за день новости), и окончательно сгинуло после описания события в «Ящерице» и пересказа беседы в гиперборейском посольстве.

— Одно из двух, — подвел итог дознаватель. — Либо гибель Унтамо вызвана его враждой с другими колдунами, либо надо признать невозможное — его прикончила Мави. На всякий случай я добился, чтобы ее поместили в подземелья цитадели. Гложет меня смутная тревога касательно этой девицы, а места безопаснее замковых подземелий придумать трудно... Девчонка по-прежнему молчит и прячется в темном углу. Лекарь заверяет, будто телесно она вполне здорова, только перепугана до смерти.

— Я тоже должна ее увидеть, — заявила Ренисенб, произнося слова с необычным прищелкивающим акцентом. — Девочка могла стать невольным оружием, нацеленным против гиперборейца. Есть такие заклятия, они достаточно просты и весьма эффективны: живет себе обычный человек, ничего особенного не подозревает, но достаточно ему услышать тайное слово или просто увидеть намеченную жертву... Унтамо входил в Круг Белой Руки, занимая там не последнее место. Не представляю, кто мог отважиться бы вызвать его на поединок или устроить ловушку.

Однако, Сет свидетель, я знаю далеко не все и не всех. На вашем месте, господа человекоохранители, я бы выяснила, чем заняты известные в Вольфгарде маги, особенно живущие при иноземных представительствах. Я тем временем попробую узнать... доступными мне средствами... кто еще из магического сословия пребывает в столице инкогнито.

— Успокоили, госпожа магичка, нечего сказать, — пожаловался ширриф. — При мысли о том, что твой собратья по ремеслу надумают выяснять отношения накануне Летней ярмарки, да еще когда аквилонский король в гости пожаловал, у меня прямо-таки мороз по коже. Ладно, идея не хуже и не лучше всякой другой. Рэф, учини-ка с нынешнего вечера за известными нам колдунами негласное наблюдение... Теперь касательно способа, коим бедолагу Унтамо отправили на Серые Равнины. К чему понадобилось громоздить такие сложности? Если кто-то хотел его прикончить, куда проще воткнуть нож под ребро и готово дело. Так нет, ровно зверь какой порвал!

— Зверь... Вообще-то предположение недалеко от истины. Как я понимаю, загадочный убийца вполне может оказаться гулем, — высказала догадку Ренисенб и поднялась из-за стола, обнося гостей еще одним кувшином вина. — Доводилось слышать о таких существах? Они — коренные уроженцы Рабирийских гор на закатном побережье Хорота. Уцелевший осколок древних времен, наподобие двергов или Племени Карающей Дла-

ни. Тотлант и я жили в их краю, когда проходили обучение в «Сломанном мече». Своеобразный народ, а наиболее диковинная и отталкивающая их черта — необходимость пить кровь живых созданий. Большинство обходится кровью домашних или диких животных, но есть такие, что ставят превыше всего охотничий азарт и предпочитают выискивать жертвы среди людей.

— Еще не легче. Только заглянувших на огонек вампиров нам не хватало, — уныло вздохнул Грайтис. — Узнать такую тварь как-то можно? На кого они похожи?

— На обычных выходцев из стран Полуденного Побережья, — дернула плечом стигийка. — Вдобавок у них природенный дар к магии наваждений и созданию обманных чар. Если хоть один гуль прибыл в Вольфгард вместе с торговым караваном... Поймать его чрезвычайно трудно, а выдавать себя подобное создание может за кого угодно, начиная от благообразного торговца драгоценностями и заканчивая послушницей нищенствующего митрианского ордена. Правда, у рабирийцев имеются два неотъемлемых отличия: клыки, похожие на зубы мелких хищных животных, и втяжные когти на пальцах.

— Когти, — протянул Рэф. — Унтамо и асира разодрали на кусочки... Я полагал, их свеживали кривым лезвием. Похожие следы оставил бы, скажем, снежный барс...

— Или волк, — возразил ширриф. — Не забудь, над злосчастным магом поработали не только когтями, но и клыками... притом зуб-

ки-то, дражайшая Ренисенб, изрядно поосновательнее, чем у мелких хищников. Даром, что ли, стражники ошметки по задворкам собирали? Кстати, подскажите, кто способен точно определить: девица Мави — человек или из народа Караяющих? Может, она внезапно свихнулась? С перевертышами такое случается. Я слышал истории про Безумного Вожак или как его там кличут, когда оборотни начинают поголовно сходиться с ума и бросаться на всех подряд...

— Бешеный Вожак — заплесневелое чучело для глупцов! — с неожиданной злостью бросил дознаватель, сопровождая слова резким взмахом руки — так, что часть вина из его кубка плеснулась через край. — Его не существует... никогда не существовало! Это рассказы и дурацкие выдумки! О Бешеном вспоминают, когда нужно посеять раздор между людьми и оборотнями!

Блестящая змейка на руке волшебницы вдруг открыла маленькую клыкастую пасть и зашипела, дрожа тонким длинным язычком.

— Ты чего разошелся? Рэф? — недоуменно спросил ширриф. — Вон, тварюшку госпожи Рени напугал... Да, денек сегодня выдался не из легких, только вопить-то зачем?

Рэф пропустил слова начальника мимо ушей — что с ним случалось редко — и явно рвался продолжить обличительную речь... но тут часто и требовательно забарабанили в дверь. Сквозь толстую створку долетели выкрики:

— Госпожа, ширриф здесь? Срочное дело! В «Короне и посохе» резня!

Почтенный Юшта Далум, владелец таверны «Корона и посох», проводил ширрифа с помощником сочувствующим взглядом и сокрушенно покачал головой. Радоваться при виде двух усталых и измотанных стражей порядка стал бы разве что закоренелый злодей. Юшта, как ни посмотри, таковым не являлся: налоги платил исправно, дурманными зельями не приторговывал, краденое не скупал и вообще гордился тем, что таверна в городе на хорошем счету, а всякая шваль обходит заведение за литу. Публика в таверне столовалась самая что ни на есть степенная: состоятельные купцы, заезжие и местные, гильдейские старшины, гвардейские чины из высившегося рядом королевского замка.

Выгодное место, прекрасная кухня, цены, конечно, соответствующие, однако клиенты не жалуются — зачем, спрашивается, честному кабатчику ссориться с законом? И без того Юшта Далум, недавно справивший пятьдесят второй день рождения, был вполне доволен жизнью. Он даже подумывал, не расширить ли дело. Как раз через дорогу торчит «Дуб и желудь», где, по точным сведениям Юшты, хозяин последнее время едва сводит концы с концами. Перекупить, что ли, заведение? Вот славно бы вышло! Справа от ворот, стало быть, «Корона» — для тех, кто побогаче, слева же, для ремесленного сословия, охотников, скотоводов и прочего работного люда, ясное дело, «Посох»...

Размышляя таким приятным манером, Юшта облокотился на широкую, отполированную тысячами локтей стойку и рассеянно созерцал негромко гудящий обеденный зал. По залу с деревянными подносами, нагруженными снедью, шустро сновали смазливенькие служаночки, числом трое. Девуц, кстати, трактирщик содержал в строгости. Ежели кому шальные деньги покоя не дают, любил он повторять, так я не неволю — вон, целых два борделя в Закатном Конце. Пока ни одна из девушек на легкие заработки у мамыши Зифты не польстилась — строгость строгостью, а платил-то им Юшта неплохо.

Народу нынче в зале собралось много. В иные дни, случалось, приходилось и дополнительные скамьи выносить, но и теперь всего пара столов пустовали, за остальными потягивали эль и красное вино посетители. Все как обычно: парами, тройками беседуют за обильным ужином купцы, в углу, сдвинув два стола, веселится десяток гвардейских из замка — но негромко пока сидят, прилично. Вон ремесленники из Золотого цеха обмывают, как видно, богатый заказ, да у самых дверей притулился, никем не замеченный и никому не нужный, побирушка с холщовой сумой. Хлебают луковую похлебку за два медяка, посвечивая из-под спутанной седой гривы диковатыми темными глазами. Побирушку Далум немного знал. Время от времени тот выполнял разную черную работу в таверне, за что Юшта платил ему когда мелкой монетой, а когда — вот как сейчас, едой.

На Оленьей башне замка колокол отбил шесть пополудни. Одновременно с последним звонким ударом дверь мотнулась на хорошо смазанных петлях от молодецкого пинка, и в таверну один за другим ввалились пятеро.

Завидев их, Юшта отложил в сторону дощечку-абак и немного сместился за стойкой — так, чтоб под левой рукой оказался плетеный шнурок замаскированного звонка, а под правой короткая толстая дубинка из железного дерева. Чуть подумал и дернул за шнурок. В глубине дома брякнул колокольчик, оповещая Громилу Белиаса, что в общей зале вскорости могут потребоваться услуги вышибалы.

Гости, впрочем, трезвона не услышали и хитроумного маневра кабатчика не заметили. Они направились напрямик к Юште, нарочито громко стуча коваными сапогами и галдя промеж собой на тяжеловесном наречии горцев Полуночной Зингары.

Единственный взгляд, брошенный на визитеров, рассказал о них многоопытному месьору Далуму почти все, кроме разве что имен. Наемная охрана кого-нибудь из купцов, приехавших на ярмарку. Судя по масляному блеску в глазах и размашистым движениям, выпили как раз столько, сколько потребно для устройства хорошей драки. С виду — отъявленные рубаки, и, что самое скверное, по самые уши обвешаны неприятного вида оружием. Одному из зингарцев под ноги попался оставленный табурет. Наемник, сыпая проклятиями, отшвырнул его ударом ноги.

Кое-кто из торговцев, безошибочно чуя назревающий скандал, начал тишком пробираться к выходу.

— Ты в этой яме хозяин, что ли? — хрипло бросил самый зверовидный из пятерки, небрежно опершись о стойку. При этом на кабатчика он не глядел и вообще повернулся едва не спиной — здоровенный жилистый верзила в куртке сыромятной кожи, перепоясанный крест-накрест оружейными ремнями, за каждым плечом торчит по истертой сабельной рукояти. — Жрать давай, толстяк, и вина, много. Почую, что развлекаешь — уши отрублю.

Его спутники с грохотом плюхались на табуреты вокруг стола, из-за которого при их приближении поспешно улетучились трое пожилых ювелиров с Хлебной улицы. Один из горцев прихватил за мягкие части пробежавшую служанку. Та вырвалась, громко взвизгнув с неподдельным испугом. Наемники заржали и заулюлюкали.

— Эй, Варгас, — рявкнул один из них, — чего они такие недотроги? Это кабак или митрианский монастырь? Клянусь статями Дэркето, или крошка присядет мне на колени, или я тут все разнесу! Так, что ли, ребята?

— Присоединяюсь! — заорал его сосед, выхватывая тяжелый кинжал и с маху загоняя его в столешницу. — Кабатчик, шевелись! Гоги сюда девок!

— Тихо! — гаркнул Варгас так, что на колесе под потолком колыхнулось свечное пламя. Зал быстро пустел. Только бродяжка чего-то мешкал,

да загулявшие гвардейцы, отставив кружки, следили за чужаками внимательно и весьма недобро. В дверях, ведущих на задний двор, показалась тяжеловесная фигура Белиаса. — Ты все слышал, толстяк? Жратвы, выпивки и девок в зал, чтоб всем хватило. Иначе, — он коротко и свирепо хотнул, — сам за девуку отслужишь.

Таверна — она и есть таверна. Хотя «Корона» считалась местом спокойным и безопасным, умирять всякого рода буйных Юште доводилось, и не единожды. В молодые годы меcсьор Далум и сам был не дурак помахать кулаками, а десять лет, проведенных копейщиком в немедийском легионе, должным образом закалили его дух и особенно тело. Глядя в мутные, как у быка, налитые дурной кровью глазки наемника, он только кротко вздохнул. «Даже если дать, что просят, — философски рассудил кабатчик, — все одно ведь добром не уйдут. Драки ищут, поганцы... Ну, Кром-Воитель, не допусти смертоубийства...»

— Девки у меня славные, — сообщил он верзиле Варгасу, вроде доверительно, но так, чтобы услышали его дружки, а заодно и гвардейцы с вышибалой. — Только не про тебя, урода. Есть старый ишпак, на конюшне стоит. Тебе как раз будет.

Зингарец, взревев, схватился за саблю, и Юшта с размаху врезал ему дубинкой между глаз.

Началась кутерьма.

Наемники схватились за ножи, гвардейцы — за табуреты. Белиас, разъяренным зубром врезавшись в гущу драки, умело работал кистенем на короткой цепочке. Трактирщик с дубинкой напе-

ревес держался в резерве, время от времени отоваривая оказавшихся поблизости забияк. Варгас, прижав ладони к рассеченному лбу, медленно сползал на земляной пол.

Какое-то время казалось, что исход драки предрешен, но тут кто-то из зингарцев, прижатый в углу, проорал короткую гортанную команду. В воздухе засверкала острая сталь, легкие кордавские клинки против прямых казенных палашей, которые посила дворцовая гвардия. Сердце у Юшты унало: игра пошла всерьез.

Один из гвардейцев, оставляя за собой на полу цепочку частых кровавых пятен — кровь стекла с покалеченного ударом сабли запястья — бросился к двери, громко зовя на помощь городскую стражу. Он уже достиг порога, но, как в первый момент показалось месьюру Далуму, занулся и растянулся ничком. Его крик прервался булькающим хрипом, а в следующее мгновение до разума кабатчика дошла наконец истинная картина происшедшего, и от этой картины кровь застыла у него в жилах.

Безобидный бродяжка, не удравший сразу с началом потасовки, а непонятно чего ожидавший в своем углу, при виде крови переменился вмиг и разительно. Испустив хриплый рев, похожий на вопль рыси в брачную пору, он одним прыжком взлетел со своей скамьи и вцепился бегущему гвардейцу когтями в плечи, сбив того с ног и всадив длинные клыки бедняге в затылок. Клыки... когти?! Да, то существо, которое сейчас кромсало бездыханное тело солдата, вряд ли можно было

бы отнести к человеческому роду, равно как и к любой иной известной кабатчику расе. Во всяком случае, повадками оно напоминало гигантскую хищную обезьяну из кофийских дебрей.

Очень опасную обезьяну. И очень голодную. На глазах Юшты существо вырвало здоровенный кусок мяса из спины теперь уже, без всякого сомнения, мертвого гвардейца. Далум в ужасе заорал. В зале звенели клинки, кричали люди и трещало ломающееся дерево, но монстр услышал. Не отпуская добычи, существо оглянулось через плечо и рыкнуло окровавленной пастью, продемонстрировав внушительный набор зубов.

Первым заметил тварь Громила Белиас и бросился на оборотня, раскручивая на бегу кистень. Он ударил верно, тяжелый стальной шар раздробил существу ключицу. Оборотень снова завопил — на сей раз то был крик боли — и ответным взмахом когтистой лапы располосовал вышибале живот. Кто-то из дерущихся обернулся на звук и схлопотал от противника нож в спину, кто-то еще опустил саблю, некоторые кинулись на помощь Белиасу, но с достоинством месьюра Далума было довольно. Кабатчик слепо шарахнулся к задней двери, ударившись бедром о винную бочку, и побежал, не разбирая дороги, с единственным желанием оказаться как можно дальше от «Короны и посоха». Если бы хватило сил, он бежал бы до самой Стигии, а быть может, и дальше.

За его спиной существо продолжало убивать.

Глава вторая

Глас народа

22 день Первой летней луны.

Вольфгардскому ширриффу приснился скверный сон — будто за ним сквозь сугробы и буреломы гонится волчья стая; причем звери прытко скачут на задних ногах, издавая вместо полагающегося рычания и воя угрожающие крики на человеческом наречии.

С трудом оторвавшись от преследования, беглец выскочил к Полуночным воротам столицы Пограничья, молчаливым и неприступным. Дотянулся до болтающейся веревки колокола, собираясь устроить трезвон на весь город, но веревка оборвалась, а на призывные вопли с надвратной башни выглянула ухмыляющаяся волчья морда. На голове зверюги красовался лихо нахлобученный островерхий шлем, украшенный торчавшими во все стороны флажками, с клы-

ков текла зеленоватая пена. Грайтис замычал от ужаса, дернулся всем телом и проснулся.

Всюду оборотни, подумал ширриф, нехотя разлепляя глаза.

Пробуждение не относилось к числу приятных, ибо прямо перед человеком с меланхолическим видом покачивалась узкая змеиная головка. Туловище пресмыкающегося обвивалось вокруг массивной серебряной кружки, кружка стояла на столе, попирая небрежно разбросанные пергаменты. Чуть далее сидела магичка Ренисенб и что-то писала, время от времени зевая и прикрывая узкой ладонью рот. Заметив, что ширриф возвращается к бодрствующему состоянию, она дружелюбно кивнула и продолжила свое занятие.

Оставалось выяснить, в силу каких обстоятельств столь почтенная и уважаемая личность, как капитан городской стражи Вольфгарда, дремлет на неизвестно чьем столе.

Повернув голову влево, Грайтис узрел пару полукруглых окон, наполненных постепенно разгорающимся дневным светом. Между проемами распласталась чуток облысевшая леопардовая шкура необычного окраса — по белому фону разбегались коричневатые пятна.

Вид шкуры пробудил воспоминания, начавшие послушно выстраиваться одно за другим. Комната — личные покои управляющего королевского замка, Темвика Магнуссона. Где носит самого Темвика, сказать трудно. Должно быть, господин комендант разбирается с внезапно свалившимися ему на голову заключенными и впав-

шим в истинное поместье Юштой Далумом, давеча требовавшим спрятать его в самом глубоком и охраняемом подвале крепости. Он, Грайтис, пытался разложить по порядку и записать собранные за время краткого следствия в «Короне и посохе» противоречивые и сумбурные сведения, однако бессонная ночь взяла свое. Неудивительно, что госпожа Ренисенб, глубоко за полночь призванная всячески помогать доблестным человекоохранителям, тоже задремывает.

Стигийка вывела очередную фразу, перечитала, и, похоже, осталась довольна. Грайтис только собрался полюбопытствовать, что она там такое пишет, когда в коридоре загромыхали приближающиеся шаги и спорящие голоса. С оттяжкой хлопнула дверь, и бритунец узнал в первом из вошедших Темвика. Позади неотвязной тенью следовал чрезвычайно мрачный и насупленный Рэф, продолжавший на ходу что-то доказывать.

— Самая скверная новость года — «Корону» придется временно закрыть, — громогласно заявил Магнуссон вместо приветствия. — Во-первых, там все вверх дном, во-вторых, ее хозяин по-прежнему невменяем... Госпожа Рени, добром прошу — убери ты отсюда свою гадюку! Видеть ее не могу!

Магичка кротко взглянула снизу вверх на управляющего, превышавшего женщину на добрых три ладони и выглядевшего так, будто среди его предков затесались не только волки, но и медведи-оборотни. Темвик не страшился никого и ничего... за исключением ручных змеек стигий-

ки. Причем, как это не досадно, побаивался их взаправду.

Незаслуженно обозваемого «гадюкой» безвредного песчаного полоза бережно сняли с кружки и водрузили на запястье хозяйки. Только после этого Магнуссон согласился присесть за стол, где незамедлительно сунулся в записи Ренисенб. Та, впрочем, не возражала.

— Без Юшты и его несравненных обедов мы точно помрем с голоду, — скорбно пробормотал Грайтис. — Ладно, считайте, я уже проснулся. Чем порадуете? Отыскали хоть одного разумного свидетеля, который не бормочет ерунды о страшных чудищах?

— Нет, — буркнул Рэф. — Хотя картина происшедшего теперь представляется достаточно четко. Начало заварухе положили зингарцы — личная охрана некоего Сауселье, виноторговца из Бургота. Старшего над ними кликали Варгасом. По скудоумию онный Варгас имел нахальство задирать почтенного месьора Далума, требовать девок и вообще вел себя непотребно, равно как его прихвостни. Пожалеть о совершенной ошибке он уже не сможет — по той причине, что помер. Также как вышибала из «Короны», Белиас, — ширриф и комендант замка одновременно кивнули, подтверждая свое знакомство с упомянутым человеком. — Вместе с ними приказали долго жить четверо стражников из числа коронной гвардии, двое наемников-зингарцев, вмешавшийся в драку подмастерье из ювелирной лавки на Хлебном проезде и служанка Юшты. Итого ров-

ным счетом десять человек, а также случайно раненые...

— И то существо, которое до сегодняшнего дня мирно промышляло попрошайничеством у митрианских часовен да мелкими приработками то там, то здесь, — закончил фразу Темвик. — Имени нищebroда узнать не удалось, а прозвище ему было Волчец. Что выглядит крайне странным — если он принадлежал к нашему племени (Магнуссон, как и король Эртель, относился к Карающей Длани, не делая из этого обстоятельства никакой тайны), то как умудрился докатиться до такого плачевного состояния? Где его клан, семья, близкие? Истреблены? Или род по какой-то причине отказался иметь с ним дело?

— Боюсь, таких подробностей мы никогда не узнаем, — негромко проговорила Ренисенб, заставив мужчин разом повернуться к ней. — История этого человека останется для нас загадкой, зато обстоятельства его кончины стали трагедией. Свидетели единодушны: в какой-то миг потасовки Волчец, — она выговорила трудное слово едва ли не по буквам, — до того отсиживавшийся в углу, впал в бешенство, разительно переменился обликом и напал на одного из гвардейцев, бежавших за помощью. Покончив со стражником, тварь продолжала атаковать людей, пока общими усилиями ее не изрубили в клочья.

Припомнив, в каком виде стражи порядка застали «Корону и посох», Грайтис невольно передернулся. Потасовка напоминала залитые водой и бессильно шипящие угольки — живые пыта-

лись выбраться наружу, раненые и умирающие стонали по углам. В центре просторной залы трое гвардейцев с остервенением пластовали клинками грязную и еле заметно дергающуюся грудую тряпья. Во все стороны летели брызги темной крови, а чуть позже под опрокинутым столом сыскалась начисто отрубленная конечность — не поймешь, рука или нога — с толстыми изогнутыми когтями и странно укороченными пальцами.

— По просьбе месьора Темвика я сочла излишним взглянуть на останки нищего, — тоном ученого мудреца, самозабвенно повествующего о найденным им развалинах древнего города и обнаруженных там ценностях, продолжила стигийка. Ширриф в очередной раз мысленно пожал плечами: поступки Тотланта и госпожи Ренисенб частенько выходили за пределы его разумения. Скажите на милость, какая женщина по доброй воле согласится посреди ночи идти в разгромленную таверну, дабы полюбоваться там на растерзанные трупы? И не просто согласится — примчится едва ли не вприпрыжку, предусмотрительно захватив с собой длинный свиток для записей, перо и чернильницу? — То, что от него уцелело, можно без труда сложить в корзинку и с тем закопать, однако меня крайне насторожил запах... Да нет, вовсе не тот, о котором вы подумали! — она заметила изменившееся выражение лиц слушателей и укоризненно покачала пальцем. — Я имею в виду запах магии. Любое сотворенное волшебство имеет свой, присущий только

ему аромат, сохраняющийся в течение короткого времени около предмета или места, где применялась Сила. Так вот, от Волчеца пахло горелой древесиной, холодом и... как оно по-вашему... черный налет от факела?

— Копоть, — первым сообразил Рэф. — И что сие означает, госпожа Рени?

— Примерно то же самое, как если бы на полу таверны валялся кусок пергамента с оттиснутой на нем печатью «Сработано в Гиперборее», — отчеканила магичка. — Кто-то применял на покойном нищем чары, причем совсем недавно. Полагаю, если бы я навестила комнату, где погиб Унтамо Гипербореец, там обнаружился бы такой же след. Мне это не нравится. Посему у меня имеются две просьбы. Первая: мне необходим толковый и надежный гонец, дабы поскорее доставить вот это послание, — она постучала согнутым пальцем по исписанному листу, — в «Радугу», к пребывающему там достопочтенному Озимандии Аквилонскому. В сей депеше я почтительно спрашиваю его совета, поелику моих собственных познаний, боюсь, недостаточно. Может, прочитав, он соизволит вернуться в Вольфгард и помочь нам.

— А вторая просьба? — голос Темвика звякнул опасными металлическими нотками.

— Не откажется ли кто-нибудь сопроводить меня к гиперборейскому посольству... и в случае необходимости спасти оттуда? — грустно осведомилась Ренисенб. — Кажется, наши недавние скверные предположения оправдываются. Тамош-

ние насельники опять что-то затевают. У меня есть право задавать вопросы, но вот получить ответы... С этим труднее. Маги различных школ всегда относились друг к другу, как соперничающие за прибыли торговые дома. Будь рядом со мной представитель законной власти, это вынудило бы их стать малость разговорчивее.

— Гиперборейцы, — со злорадным удовлетворением протянул королевский управитель и поднялся во весь свой немалый рост. — Вот оно что... Значит, так! Подходящего гонца я отыщу незамедлительно. Затем прокатимся навестить наших драгоценнейших соседей с Полночи. Для доказательства мирных намерений прихватим эдак с полдюжины стражников. Коли они не оценят по достоинству нашей любезности, то... — он криво ухмыльнулся и закончил решительным: — Идем!

Уже на лестнице, ведущей во внутренний двор замка, странно примолкшая стигийка вдруг украдкой потянула ширрифа за рукав и полушепотом спросила:

— Я правильно поняла — вы с Рэфом отвезли труп Унтамо в посольство и передали Эгарнейду? И он потребовал обязательно доставить любые найденные части тела покойного магика?

— Угу, — рассеянно откликнулся бритунец, прикидывавший, не обернется ли затея Темвика чем-нибудь скверным и нельзя ли его остановить, пока тот не наломал дров. Магнуссон по меркам оборотней еще очень юн, и порой мыслит, как сущий мальчишка, без малейшей преду-

смотрительности. Взбредет в голову новый сумасбродный замысел — он и кинется выполнять. — Твердил, без этого не исполнить достойное Последнее Прощание или что-то в этом духе.

— Последнее Прощание? — Ренисенб сдвинула тонкие, подкрашенные синеватой краской брови. — Он именно так сказал?

— Ну да. Я своими ушами слышал. Может, у гиперборейцев нельзя хоронить человека, если он расчленен по кусочкам и что-то потерялось, — предположил ширриф, но вразумительного ответа не дождался — они как раз спустились во двор, где повсю распоряжался Темвик, бегали хмуро-озабоченные гвардейцы, жизнь была ключом и ничто не напоминало о мрачных событиях прошедшей ночи.

* * *

Выехать сразу, как рассчитывали, не получилось, но поколебать решимость управляющего за это время ширрифу не удалось: Магнуссон уперся не хуже барана из известной присказки. Оставалось только надеяться на удачу. Да и громыхавший следом конный отряд прибавлял уверенности.

«Все завершится изрядной перебранкой у ворот или во дворе посольства, — убеждал себя Грайтис. — У Темвика должно хватить ума понять: пока мы слишком слабы, чтобы прищемить хвост гиперборейцам. Однако если Ренисенб права и кто-то из посольства баловался запрещенной

магией... Нам бы парочку неопровержимых доказательств, чтобы помахать ими перед королем и Судейской Палатой, и вот тогда... В конце концов, сколько можно прыгать на карачках по первому слову этой растреклятой Гипербореи, я вас спрашиваю? Да кто они такие?»

Захватывающие размышления не мешали ширрифу поглядывать по сторонам, и вскоре Грайтис ощутил тихое подспудное беспокойство. Он прожил в столице Пограничья почти всю жизнь, четыре последних года выполнял здесь обязанности капитана городской стражи — сперва при назначившем его на этот пост старом Эрхарде, затем при его преемнике — и мог справедливо утверждать, что неплохо изучил город и его обитателей. Вчера по Вольфгарду разгуливали под ручку тревога и подогреваемая невнятными слухами паника. Сегодня улицы могли похвалиться настораживающей пустотой — прибывшие на Ярмарку торговые гости предпочли отсиживаться за надежными дверями таверн и постоялых дворов. В широком Сосновом проезде, оживленном в любое время дня и ночи, отряд миновал две или три кучки обывателей, проводивших гвардейцев хмурыми взглядами исподлобья. Половина лавок стояла закрытыми — и это несмотря на позднее утро! — а в рискнувших начать торговлю не замечалось особого наплыва покупателей.

— Какого демона рогатого тут затевается? — поинтересовался Темвик, тоже обративший внимание на подозрительное затишье вокруг и придержавший коня. — Грайтис, Рэф, а куда, собст-

венно, подевались люди? У нас что, разом стряслись мор, чума и болотная лихорадка? Или враг стоит у ворот? Тогда почему мы узнаем об этом последними?

Ответить ему никто не успел. Кавалькада свернула влево и поневоле остановилась.

Площадь на месте слияния бежавшей вниз по склону холма Рудной улицы и более узкого Дровяного проулка заполняло медленно и неровно колыхавшееся скопление горожан, теснившихся подле высокого крыльца здания Гильдии лесоторговцев. На самом крыльце яростно жестикулировала и громогласно — однако из-за дальности расстояния не слишком разборчиво — вещала приземистая фигура в темно-коричневом балахоне. Толпа внимала, и порой в ее глубинах зарождался приглушенный возмущенный рев, разрезаемый отдельными выкриками.

Всмотревшись, Грайтис без удивления отметил, что многие из слушателей сжимают в руках разнообразное устрашающего вида дреколье, а также длинные охотничьи рогатины с раздвоенным жалом, мечи — старинные и относительно новые, — копья и наверняка позаимствованные в караулах городской стражи алебарды. В основном толпу составляли горожане средней руки, владельцы лавок, ремесленники и их подмастерья из окрестных кварталов, но в отдалении маячил с десятков конных, причем, если ширрифу не изменяло зрение, под гербовым стягом. Не ипаче, какой-нибудь прибывший на Ярмарку барон из Земель Кланов и его охранни-

ки, тоже заинтригованные происходящим, остановились поглазеть.

Метавшийся на крыльце человек призывно взмахнул над головой некоей маленькой вещью, ослепительно ярко отразившей случайный солнечный луч, и, переваливаясь, зашпешил по ступенькам вниз.

Точно получив некий давно ожидаемый знак, собрание дружно заголосило, потрясая оружием, зашевелилось, перемещаясь с места на место и превращаясь из рассеянной толпы в некое подобие колонны. Возглавил ее вынырнувший откуда-то недавний оратор, не на мгновение не умолкавший и по целеустремленности вполне могущий соперничать с катящейся вниз под гору снежной лавиной. Повинуясь его жестам, над головой колонны торжественно подняли и развернули узкий малиново-красный штандарт, обшитый по краям потрепанной золотой канителью и украшенный изображением солнечного диска о многих лучах. Последовала короткая возня, и в нескольких местах над толпой вознеслись еще две или три подобных хоругви.

Фальшивящий, но старающийся бас, отчаянно перевирая слова, затянул гимн королевства. Его дружно поддержали, и под нарастающий бодрый ор извивающийся строй потянулся вниз по Рудной. В домах вдоль улицы распахивались окна, но никаких горшков с нечистотами и ведер с грязной водой на марширующих не обрушилось. Наоборот, обыватели голосили что-то подбадривающее и приветственное. Хлопали двери, выпус-

кая на улицу желающих присоединиться, немедленно вливавшихся в увеличивающуюся на глазах процессию.

Замешкавшиеся и пробегавшие мимо награждали конную гвардию и ее предводителей презрительным свистом. Кто-то развязно осведомился, долго ли они намерены здесь торчать и отчего бы королевским слугам не последовать за добрыми людьми Вольфгарда да не оказать им посильную помощь?

— Брат Бомбах и его верная паства, — ни к кому в особенности не обращаясь, произнес Рэф. — Чего-то подобного и следовало ожидать. По слухам, они уже давно готовились, но только вчера получили достойный повод для хорошей свары, про резню в «Короне и посохе» уже половина Вольфгарда судачит. Кладу свое жалование за полгода, они направляются к гиперборейскому посольству. И совсем не ради того, чтобы передать соблезнования близким покойного Унтамо.

— Неужто брат Бомбах? — растерянно уточнил Темвик.

— Кто ж еще? — дознаватель чуть скривился. — Топает в первых рядах, его голосину ни с кем не спутаешь. Святой брат давно и искренне ненавидит колдунов вообще, а гиперборейцев в особенности. Его ненависть возрастает с каждой выпитой кружкой белого крепкого. Сегодня, надо полагать, он успел влить в себя не менее бочки — для пущего красноречия и убедительности. Горожане к нему охотно прислушиваются, так

что... — Рэф выразительным жестом обвел стремительно пустеющую улицу.

Упомянутый брат уже добрых три десятка лет служил звонарем и сборщиком милостыни в митрианском храме, что на Ветреном холме. Почтенный монах слыл рьяным поборником справедливости, любителем разбирать чужие споры — а после с изрядным шумом праздновать примирение враждовавших сторон где-нибудь в трактире на окраине, подальше от строгого взора отца настоятеля — и в общем-то считался человеком мирным... пока речь не заходила о колдовстве либо же о гиперборейцах.

Появление в окрестностях столицы магической школы святой брат воспринял философски, ограничившись подачей жалобы королю и парочкой не приведенных в исполнение угроз в адрес ее основателя, Тотлапта Луксурского. Однако незатихающую войну с гиперборейцами брат Бомбах вел увлеченно и самозабвенно, привлекая как можно больше сторонников и повсюду разглагольствуя о счастливых временах, кои непременно последуют сразу по полному и окончательному истреблению мерзких чернокнижников, прячущихся за крепкими воротами усадьбы в конце Медовой аллеи.

Сегодня неугомонному монаху представилась долгожданная возможность обратить свои замыслы явью... чем он незамедлительно воспользовался.

— Их там наберется с полтысячи или даже поболее того, — заметил Грайтис. — И они так

раззадорились, что не остановятся, даже если мы кликнем стражу из окрестных кварталов. По правде говоря, не хотелось бы этого делать. У каждого из наших гвардейцев в этой толпе сыщется кум, приятель, сводный брат... Они предпочтут постоять в сторонке и не вмешиваться. Хотя мне весьма не по душе тот беспорядок, который вознамерились учинить прихожане брата Бомбаха.

— Может, стоит поговорить с этим святым отцом? — напомнила о себе слегка встревожившаяся Ренисенб. — Убедить его, что подобными действиями он ничего не добьется, а пошедшие за ним люди рискуют пострадать... Они ведь не собираются в самом деле штурмовать посольство?

— Еще как собираются, — заверил волшебницу Темвик и озабоченно нахмурился. — Вряд ли у них выйдет что-нибудь толковое, а вот проломленных голов и помятых ребер к вечеру насчитается изрядно, — управитель королевского замка оглянулся, жестом подзывая к себе гвардейского десятника и негромко отдавая тому какое-то распоряжение. Выслушав, гвардеец кивнул и прищипорил коня — явно отправился за подмогой. — Полсотни стражников нам не помешает... вот только успеют ли они в срок? Нужно попытаться убедить их разойтись. Я про погромщиков, ясное дело.

— Валяй, попробуй, — хмыкнул Грайтис. — У меня, знаешь ли, всего одна жизнь, я ей очень дорожу и потому с места не двинусь. Как ты своей — не знаю. Госпожа Рени, не лучше бы тебе

вернуться в цитадель? Неизвестно, чем тут все обернется...

— Как что-нибудь интересное, так бедную женщину сразу выставляют за дверь? — сварливо осведомилась стигийка. — Ну уж нет! Благодарю за заботу, но я предпочитаю остаться и наслаждаться этим любопытным зрелищем до конца.

— Тогда едем, — удрученно мотнул головой Магнуссон, и кавалькада загромычала вниз по потрескавшемуся деревянному настилу Рудной улицы, вслед за удаляющейся толпой, продолжавшей на все лады выкликать проклятия злокозненным колдунам. — Хотел бы я знать, с чего им взбрело в головы обвинить во всех неурядицах именно гиперборейцев? Почему не немедийских лазутчиков? Или, скажем, туранских торговцев желтым лотосом?

— Сила традиции, — без малейшего признака насмешки пояснил Рэф. — В бедах Пограничья всенепременно повинны гиперборейцы, — он помолчал и добавил, словно рассуждая сам с собой: — Вряд ли им удастся взять усадьбу. Лет шесть назад, когда случился неурожай и мор, уже пробовали, но стены там крепкие, а охрана свое дело знает туго... Покричат вволю, пошвыряются камнями и разойдутся — заливать горе в ближайших трактирах.

* * *

Особенностями характера и телосложения брат Бомбах чрезвычайно напоминал ристалищного

зингарского быка, хотя вряд ли об этом догадывался. В данный миг, когда почтенный брат стоял, крепко упершись в землю поношенными сандалиями и упрямо наклонив лысоватую крупную голову, сходство особенно бросалось в глаза. Не хватало только пары длинных, изогнутых на концах рогов, чтобы пропороть ими любого, рискнувшего встать на пути.

Первой возможной жертвой, к его величайшему сожалению, вполне мог оказаться некий Грайтис Дарго, по злой прихоти судьбы — ширриф Вольфгарда со всеми вытекающими последствиями в виде, скажем, возможности быть затоптанным толпой. В душе Грайтис клял себя последними словами: если с самого начала понимал, что попытка любых переговоров с разъяренными обывателями обречена на провал, то какого ляда потащился рисковать жизнью? Покрасоваться напоследок захотелось? Что ж, покрасовался: хотя ширриф восседал на коне, а митрианец громоздился на своих двоих, Грайтиса не оставляло пакостное ощущение, что монах с изрядным раздражением косится на него сверху вниз.

И беседа, похоже, тоже прочно зашла в тупик. Если в представителей королевской власти еще не летели тухлые овощи, так исключительно благодаря авторитету святого брата. Или таковые овощи приберегались для более важной цели — обитателей гиперборейского посольства.

— Братия возлюбленные! — вновь возопил митрианец, отвернувшись от ширрифа с его небольшой свитой и обращаясь к разгоряченной

пастве. — Час решительный настал ныне! Пришло время искоренить злокозненных гиперборейских магиков, а также и омерзительные создания их, огнем и холодной сталью! Ибо доколе можно терпеть на священной земле предков наших сей колдовской вертеп! Обитель чернокнижия, колодезь зла неисчерпаемый! Подыдемся, как один, люди!..

В усадьбе меж тем старательно делали вид, будто никакой толпы под стенами вовсе не существует. Никто не высунулся на разноголосый шум и выкрики, маленькая дозорная башенка над воротами вопиюще пустовала, и создавалось обманчивое впечатление, будто подворье разом обезлюдело.

— Отцу настоятелю это здорово не понравится, брат Бомбах, — крикнул ширриф, наклоняясь с седла. — Разве в обычаях у служителей Митры Милосердного возжигать гнев в сердцах людских, а наипаче вдохновлять неразумных на суд скорый и неправый? Не говорил ли Творец: «Не в мече сила, но в слове, не в избиении иноверцев, но в обращении заблудших»? Одумайтесь, брат!

Оборотившись, звонарь прожег Грайтиса презрительным взглядом, а заодно обдал крепким винным духом. Толпа за его спиной всколыхнулась и воинственно загудела. Да, подумал ширриф, сотен пять, никак не менее. Ох... быть беде.

— Кой от рождения бродят во тьме, тех не молитва очистит, по могила! — рывкнул Бомбах, потрясая золоченым митрианским диском, подвешенным на стальной цепочке на манер кистеня.

— Святой же Эпимитриус не единожды призывал искоренять огнем и мечом колдовскую заразу! Всем ведомо, что в первых рядах шел он изничтожать последние оплоты безбожных кхарийцев, закосневших во зле! Не путайтесь вы под ногами, ваше степенство, с конниками своими, душевно прошу вас и господина управителя тоже — не ровен час, под горячую руку и вам достанется... А лучше всего, коли вы добрые митрианцы и чтите Всеединого — присоединяйтесь к нам, и делу конец!

Темвик, приходивший в ярость всякий раз, когда он оказывался бессилен, скрипнул зубами и двинул коня. Рэф успел схватить управляющего за руку, и в результате добрый нордхеймский клинок Магнуссона не покинул ножен.

— Оставьте, право, — ровным голосом присоветовал дознаватель. — Нас тут хорошо если десяток, а погромщики, сами видите, настроены решительно. Гиперборейцы отобьются, а с братом Бомбахом я по-другому потолкую, когда все кончится.

— Потолкуем, — прорычал Темвик Магнуссон. — Ох и потолкуем мы с ним наедине! Пес брехливый! Краснобай...

— Начинается! — звонко воскликнула Ренисенб, приподнимаясь на стременах.

Призывные вопли Бомбаха потонули в мрачном вое толпы, и на двор гиперборейского посольства полетели первые снаряды — камни, гнилые овощи и поленья, запасливо прихваченные погромщиками. С полдюжины горожан, из

числа наиболее молодых и ретивых, подогретые вином и речами звонаря, полезли на стену. Толстенные бревна после недавнего дождя оставались сырыми и скользкими, кое-где поросшими кисточками мха. Зацепиться было не за что, и до верха никто не добрался.

Изнутри усадьбы по-прежнему не доносилось ни звука.

— Говорю же, пошумят и разойдутся, — меланхолично повторил Рэф. — Уже сколько раз пытались. Испоганят месьору Эгарнейду двор, да и... Хоп, это что-то новенькое!

— Смотри, что творят... — охнул кто-то из стражников. Грайтис выругался от души.

— Проклятье! — вскричал Темвик, весь сморщившись. — Надо было сразу зарубить мерзавца-звонаря, как-нибудь отмахались бы! Ну, теперь пойдет веселье!

Под руководством энергично жестикулировавшего монаха вплотную к стенам выдвинулись те, кто догадался прихватить с собой топоры. Железо звучно застучало по сырым бревнам, и вскоре на стенах появились глубокие затесы. Цепляясь за них, несколько самых отчаянных сорвиголов снова начали карабкаться наверх. С воротами, окованными толстыми бронзовыми полосами, у штурмующих получилось хуже — топоры лишь высекли снопы искр — и тогда, опять же по команде Бомбаха, откуда-то из-за угла посольской ограды бегом выпрыгнула куча угрюмых мужиков, волокущих нечто длинное и тяжелое.

— Жаба их задави, и таран заранее припасли!

— взревел Магнуссон. — Снесут ведь ворота, стервецы! Стража, к бою!

— Да охолони, Темвик! — крикнул Грайтис, непроизвольно сжимая и разжимая кулаки. То, что творилось вокруг подворья, напоминало развороченный муравейник: море плеч, рук и голов, оцетинившееся дрекольем и сталью, ревущее в мрачном упоении грядущего боя. — Теперь поздно уже, сомнут... Раньше б знать...

Молодежь из числа штурмующих бодро карабкалась по стенам, таран глухо бухал по створкам, Бомбах торжествуяще орал и размахивал своим диском-кистнем. Ворота начали сдавать. Достигнутых успехов толпе показалось мало. Под стеной что-то неярко пыхнуло сразу в нескольких местах, и во двор, на крыши башенок и сараев полетели небольшие круглые предметы, осталяющие за собой дымные хвосты.

Тогда гиперборейское посольство в один миг словно взорвалось изнутри.

Из окон второго этажа мрачного каменного здания, выходящих на двор, с треском брызнули толстые свинцовые стекла, и в беснующуюся толпу вонзился веер оранжевого огня — гиперборейцы не зря хвалились повсюду своим колдовским могуществом. С десятков погромщиков заматались, охваченные пламенем, издавая жуткие вопли и усиливая неразбериху. Часто захлопали арбалеты. Двое, как раз пытавшиеся перескочить через гребень стены во внутренний двор, свалились на улицу, подстреленные почти в упор. От шума заложило уши даже у Грайтиса, вместе со

своими спутниками оттесненного толпой и беспомощно наблюдающего за штурмом из дальнего конца запруженной народом Медовой аллеи.

Огненный веер шархнул еще раз. Передние ряды колыхнулись назад, но задние, не разобравшись в происходящем, напирали, и пустое пространство перед воротами почти не увеличилось. Посольские сараи и длинная приземистая постройка — скорее всего, конюшня — всю полыхали, подожженные горючими горшками нападавших, языки пламени тянулись к главному зданию. В довершение всего с последним ударом тарана воротные створки душераздирающе затрещали и осели внутрь, открывая просторный двор и одиноко стоящую посреди двора неловко скособоченную фигуру.

При виде этой фигуры над толпой разнесся протяжный вопль, в котором изумление и страх мешались с отвращением. Потом стало на удивление тихо — лишь гудел огонь да пронзительно ржали кони, запертые в охваченной огнем конюшне.

— Что там, что? — волновались стоящие в задних рядах, вытягивая шеи и вставая на цыпочки в тщетной попытке разглядеть получше. Грайтис, хоть и подозревал, что там может быть, с высоты конского крупа видел немногим больше. Каменно застывший силуэт имел явное сходство с вороньим пугалом — косо, по-птичьему склоненная набок голова, раскинутые крестом руки, правая кисть свисает надломленной плетью, а левая... сжата в кулак? Или... или нет ее вовсе?..

У ширрифа вдоль хребта пробежал отчетливый холодок. Ренисенб, что-то пробормотав по-стигийски, близоруко прищурила глаза и удовлетворенно хмыкнула — будто увидела именно то, что ожидалось.

— Надо же, рискнули, — произнесла она неожиданно спокойно. — Что ж, никому, как себе...

— Митра Светоносный, защити нас и убереги! — раздался от спесенных ворот тонкий, дрожащий крик. — Колдуны проклятые умруна выпустили!

— Мертвяк неупокоенный... умертвий ходячий... умруна натравили клятые гиперборейцы... — зашелестело над головами.

Умрун, переваливаясь по-утиному, сделал несколько неуклюжих шагов. Толпа в ужасе шарахнулась.

Мертвец заговорил. Голос у неупокоенного оказался низкий, гулкий, ровно в пустую бочку, и загадочным образом доносился до самых дальних рядов замерших в непонятном оцепенении погромщиков. Солнечный свет померк, словно бы Око Митры закрыла набежавшая тучка. Бесперывно льющийся речитатив выпевал слог за слогом на тяжелом, гнусавом незнакомом наречии, и Грайтиса вдруг одолела страшная сонливость. С трудом разлепляя ставшие неподъемными веки, ширриф заметил, как один за другим сгрудившиеся у посольства люди роняют свое оружие, как его спутники клонятся в седлах, как пошатнулась и взмахнула рукой стигийская магичка, будто бы защищаясь от наваждения... Го-

лос мертвого мага проникал под череп, успокаивал, усыплял, шептал...

Сет его ведает, чем бы закончилось последнее деяние покойного месюра Унтамо — а это, без сомнения, был именно он или то, что от него осталось — но в этот миг к порушенным воротам метнулся некто низкорослый, кряжистый, в истрепанном и грязном коричневом одеянии. Тусклый лучик сверкнул на тяжелом золотом диске.

— Во славу Митры Лучезарного! — заорал брат Бомбах, крутанул священным символом и обрушил на попякшую голову неупокоенного могучий удар.

То ли упоминание святого имени оказалось на редкость действенным, то ли против недюжинной силушки звонаря не устоял даже оживленный злой магией покойник, но колдовской морок сгинул разом, будто обрубленный мечом. Умрун качнулся, утробно заурчал и загреб клешнями. Толпа, подхватывая оброненное дреколье, с воем хлынула во двор, и там, где только что возвышалась нелепая и жуткая черная фигура, вскипел водоворот вил, топоров и палиц, взлетающих и опускающихся со свистом.

По крыше посольства побежали первые огненные язычки. На центральной площади ударили в набат.

Грайтис, на коего резкое освобождение от чар Унтамо подействовало подобно внезапному ледяному душу, вскинулся и завертел ошалело головой. Гвардейцы намертво вцепились в поводья, пытаясь удержать пляшущих коней, Темвик Маг-

нуссон, белый как стена, бормотал что-то нечленораздельное. Лишь Ренисенб вела себя более осмысленно. Ее конь также плохо слушался поводыев, однако стигийке удалось совладать с напуганным животным, и она направила его в ближайший проулок, крича на скаку:

— Темвик, Рэф! Скорее за мной! Ширриф, скорее!

Полутемный проезд, огибающий посольскую усадьбу, мгновенно опустел при появлении десятка вооруженных верховых, несущихся во весь опор — зеваки брызнули в стороны, прижались к глухим заборам, освобождая дорогу всадникам. Ренисенб на своем буланом коньке по-прежнему держалась впереди, указывая дорогу. Освободив от поводыев одну руку, она махнула куда-то влево от объятого пламенем посольства Великой Халогии, и там, словно в ответ на ее жест, полыхнула между домами яркая зарница.

— Быстрее! — услышал Грайтис умоляющий голос магички. — Нужно спешить!

Впрочем, они успели.

Широкий безлюдный тупик, образованный задворками лавок Кузнечного и Кожевенного цехов (сей тупик именуется Благодатным, припомнил ширриф совершенно не к месту) встретил их нехорошей возней и криками. В пыльных лопухах чернела разверстая пасть потайного хода. Меж мусорных куч курилась сизым дымком изрядных размеров яма, земля вокруг нее на добрый локоть была опалена и густо усыпана пергаментными свитками и листами, высыпанными из вспо-

ротых мешков — от их количества у ширрифа зарябило в глазах.

Прямо по пергаментам азартно топталось с дюжину цеховых, почти все с разномастным оружием в руках. На краю провала темнело чье-то бездыханное тело, поодаль, зажимая пропоротый рункой бок, корчился плечистый бородач в богатых черно-золотых одеждах. Трое, по виду подмастерья, деловито кряхтя и ругаясь, выкручивали руки четвертому, повалив его носом в грязь.

Внезапное появление вооруженных гвардейцев явно не входило в их планы. После того как Темвик, молодецки гикнув, с налету оглушил одного из погромщиков плоской стороной своего тяжелого клинка, а Рэф снес конем второго, пытавшегося размахивать ржавой алебардой, остальные почли за благо немедленно ретироваться.

Ренисенб осадил коня и спрыгнула. Спешились и ее спутники, убирая в ножны мечи. Рэф нагнулся, подобрал один из устилающих землю свитков, но тут же выронил его — окрик стигийки прозвучал подобно удару плети:

— Ничего не трогать! Ты, ты и ты, — приказала она стражникам, — соберите все в мешки. Ни в коем случае не касайтесь печатей! Темвик, посмотри за раненым. Не вздумайте ему помогать, да глядите в оба, он опасней горного барса. Попробует дотянуться до любого из свитков — рубите руку прежде, чем он сорвет печать.

Холодная властность и сила, прозвучавшие в голосе Ренисенб, несказанно удивили ширрифа,

как и то, что стражники без единого возражения принялись исполнять приказ. Магнуссон, правда, не удержался, буркнув:

— Зачем же руки-то сразу рубить? Чай, свиток не клинок, а я не муха, бумажкой не прихлопнешь...

— Не глупи, Темвик. Это оружие, и опаснейшее. Предметная магия, — отрезала Ренисенб, не отрывая взгляда от раненого бородача. — Мы только что видели ее в действии — огненные стрелы, помните? О, какая встреча, Эгарнейд! Кажется, ты обязан мне своей никчемной жизнью?

Второй гипербореец, которому кузнецкие подмастерья все же успели связать за спиной руки, завозился на земле, пытаясь сесть. Извалянный в грязи и крепко побитый, месьор Эгарнейд выглядел скверно. Тем не менее голос его, когда он заговорил, звучал по-прежнему надменно, а на породистом лице застыла привычная маска высокомерия:

— Ты находишь это поводом для злорадства? Прикажи развязать меня и окажи помощь моему другу, Ренисенб, и тогда, может быть, я не упомяну тебя в...

— Эгарнейд, — непреклонно оборвала его стигийка, — ты не имеешь права приказывать мне или кому-либо еще. Ты арестован. Нет, — поспешно добавила она, заметив, как взгляд гиперборейца воровато скользнул по раскиданным во круг пергаментам, — даже не пытайся. Я буду быстрее.

— По какому праву? — показное спокойствие посольского письмоводителя наконец треснуло, он сорвался на визгливый крик: — Женщина, что ты себе позволяешь? Я — лицо неприкосновенное, я представляю Великую Халогу! Вы ответите за этот чудовищный погром! В конце концов, я являюсь подтвержденным магом второй ступени посвящения, меня может судить только круг Белой Руки...

— Только-то? — презрительно скривила губы волшебница. — Ты еще и недоучка к тому же... Вторая ступень, подумать только!.. Эгарнейд, являясь, в отсутствие Тотланта Луксурского, придворного волшебника короля Эртеля Эклинга, полномочным представителем магической гильдии Вольного Пограничья, я, Ренисенб эш' Шарвин, маг четвертой ступени посвящения, арестовываю тебя и твоего... друга, — она кивнула в сторону раненого бородача, взиравшего на нее с откровенной ненавистью, — Крэгана Беспалого, одного из Семи Верховных круга Белой Руки, за практикование некромантии на земле Пограничья, чернокнижие и попытку магического заговора.

Ренисенб запнулась и посмотрела на Грайтиса, словно бы колеблясь.

— Кроме того, — решила она, — ширриф Вольфгарда Грайтис Дарго предъявит тебе и твоим сообщникам обвинение в убийстве. Пожалуй, даже не в одном.

Эгарнейд лишился дара речи.

У Грайтиса голова шла кругом. В ответ на во-

просительный взгляд стигийки он молча кивнул, в то время как мысли у него крутились по одному усталому кругу:

«Надеюсь, Рени знает, что делает... Митра Милосердный, хоть бы на этом все и кончилось... месячное жалование пожертвую в обитель...»

Он вытер ладонью взмокшее лицо и отметил, что треск пламени и крики пожарных команд как-то незаметно пошли на убыль. Должно быть, там сумели справиться... или не осталось ничего, годного для прокорма жадных огненных языков. Вот и конец одинокой усадьбе на Медовой аллее. Надо бы поскорее пригнать туда с полсотни блюстителей, оцепить квартал и ловить замешкавшихся участников погрома, пока не разбежались. Как бы в дурные головы не взбрело после свалки у посольства отправиться громить дома и лавки живущих в Вольфгарде гиперборейцев... С горожан станется. И брата Бомбаха задержать всенепременно, желательно вместе с сообщниками. Кстати, где человек, который способен этим заняться?

Сбросив невовремя навалившееся оцепенение, Грайтис огляделся в поисках помощника. Часть Магнуссоновых подчиненных затапливала в мешки последние листы пергаментов, остальные под присмотром Ренисенб и Темвика на скорую руку соорудили носилки, куда не слишком бережно взвалили бородастого Крэгана. Тщательно прикрученный к стремени коня одного из стражников Эгарнейд с ненавистью зыркал по сторонам, но язык держал за зубами и вел себя смирно. Рэф

со своим всегдашним чуть отсутствующим видом стоял над черным квадратом подземного хода, пристально разглядывая земляные ступеньки, уводящие в темноту. Ширрифу пришлось дважды окликнуть дознавателя, прежде чем тот отозвался.

Выслушав приказ, Рэф вяло кивнул, взобрался в седло и отбыл наводить порядок. Озабоченный Грайтис мельком подумал, что никогда еще не видел своего помощника в таком состоянии, но, с другой стороны, и подобные мятежи в Вольфгарде случаются не часто... Тут его отвлекло рычание Темвика, спешившего доставить ценную добычу в коронный замок.

Глава третья

Королевский вердикт

22 — 24 день Первой летней луны.

Аскусство составления докладов для вышестоящего начальства сродни приготовлению блюда туранской кухни: побольше острого, соленого и самая капелька горького. То есть изрядная горсть вымысла, приправленная крупичками правды и засыпанная сверху щепотью желаемого, выдаваемого за действительное. Не исключено, что где-нибудь в Офире или Шеме любой младший квартальный надзиратель с легкостью сочиняет по десятку подобных докладов за седмицу, но здесь, в захолустном Пограничье, над его созданием бились три не самых бестолковых человека. В итоге сочинители порешили: сразу по завершении рассказа ширрифа о событиях минувшей седмицы дружно податься в бег.

— Иначе король прикажет швырнуть нас за решетку, а мне в застенки попадать никак нельзя, — растолковал невольным сообщникам по заговору Темвик. — Меня тогда сразу тянет волком перекинуться и заесть кого-нибудь. Госпожа Рени, как полагаешь — вдруг я тоже попал под злодейские чары гиперборейцев и теперь взбешусь?

— Непременно взбесишься, — уныло согласилась волшебница. — Тебе хорошо, ты под любым кустом можешь спрятаться, а мне куда податься? Просить убежища в «Радуге»? Там теперь заправляет... — она оглянулась по сторонам, но длинная галерея пустовала и подслушать ее никто не мог, — ...этот желчный и вьедливый старикаш, Озимандия. Читали, что он мне написал? В ответ на все расшаркивания? Они, видите ли, чрезвычайно заняты! Прибудем, когда изволим! Не малые дети, справляйтесь сами!

— Так мы вроде справились, — перешително заикнулся Грайтис. Оборотень и стигийка дружно бросили на него столь мрачный взгляд, что ширриф обескураженно смолк, как охранительную молитву твердя про себя речь, которую ему надлежало вскорости произнести.

«Мы по самое горлышко в грязи, — заявил два дня назад Темвик, стоя возле бывших ворот гиперборейского посольства и озирая закопченный остов каменного здания с темнеющими провалами окон. Над руинами до сих пор курился белесый дымок, и два десятка стражников с явной неохотой копались в горелых обломках. Грайтис и Ренисенб кивнули. — Мы остолопы,

способные только хлопать ушами. Гиперборейцы с легкостью обвели нас вокруг пальца и вдобавок заставили платить за битые горшки. Нам позарез необходимо выбраться из этого гнилого болота и оправдаться перед королем за ротозейство. Согласны?»

Возражений не последовало. Управляющий говорил сущую правду: недавние события вполне могли привести к изрядному ухудшению и без того натянутых отношений между королевством Пограничным и его полуночным соседом. Магнуссон сотоварищи приложили все усилия для того, чтобы справиться с растущей волной слухов, однако большая часть гиперборейских купцов свернула торговлю и спешно отбыла из Вольфгарда домой, в Халогу, наотрез отказавшись участвовать в Летней Ярмарке. С ними, надо полагать, сбежали уцелевшие обитатели посольства. Грайтис представил, сколь жуткие истории они поведают соплеменникам о царящих в Пограничье нравах, плюнул и велел себе больше над этим не задумываться. Что сделано — то сделано.

В остальном же замыслам компании сопутствовал успех. Может быть, из-за того, что они сумели действовать достаточно быстро и решительно, подстегиваемые ожидаемым со дня на день возвращением Эртеля и аквилонских гостей.

«Состряпаем ужасный заговор и заявим, будто мы его раскрыли, — предложила Ренисенб и, вымученно хихикнув, добавила: — Глядишь, еще наградят за проявленное усердие. Гиперборейцы

ведь в самом деле затевали какую-то пакость, которую мы вовремя предотвратили. А о том, что произошло это по чистейшей случайности и совпадению обстоятельств, мы мудро умолчим».

Двое угодивших в подвалы столичной цитадели гиперборейских магиков вначале дружно решили отмалчиваться, заявляя, что станут говорить только с королем и в присутствии посланника из Халогии. Рассвирепевший Темвик пригрозил безотказным средством для развязывания языков и обратился за помощью к стигийке.

Госпожа Ренисенб явилась в каземат, выгнала из отведенной месьюру Эгарнейду камеры всех посторонних и накрепко закрыла дверь. Что она там делала, Темвик и Грайтис так и не узнали, хотя в нарушение строжайшего запрета подслушивали в коридоре. Из-за створки пару раз полыхнула темно-багровая вспышка, тек приторно-кисловатый запах, слышались неразборчивые вопли и проклятия, а потом вышла усталая и рассерженная Ренисенб. Ширриф через ее плечо заглянул в камеру и злорадно полюбовался на гиперборейского письмоводителя, мешком болтавшегося на вбитых в стену цепях.

— Поразительное и в чем-то туповатое упорство в намерениях. Гиперборейцы в очередной раз попытались найти средство воздействовать на звериную сущность племени Карающей Длани, — бросила магичка. — Чуть позже мы спросим Эгарнейда подробнее и запишем его признания, а сейчас появилось неотложное дело — отыскать тех, на кого пробовали наложить ча-

ры. Одно такое создание уже мертво. Я имею в виду нищего по прозвищу Волчец. Одно живо и находится в безопасном месте — девочка Мави. Осталось еще пять или шесть человек, Эгарнейд в точности не знает и тут он не лжет. Блистательный замысел принадлежал Унтамо, тот своими тайнами ни с кем не делился, даже с соотечественниками. Однако у Унтамо что-то пошло наперекосяк. Ловушка обернулась против охотника, и, по законам высшей справедливости увлекшийся колдун пал от руки той самой девочки, которую пытался подчинить.

— И что нам теперь с ней делать? — Мави по-прежнему сидела в подвале крепости, шараясь от любых попыток заговорить с ней и ведя себя более как дикое животное, нежели человек. — Это поддается какому-нибудь... лечению, что ли? И знаешь, Рени, мне ужасно не нравится известие о том, что где-то в городе болтается без присмотра еще несколько таких тварей. Где их искать? Как? Ждать, пока учинят очередную резню?

— Девочку я попробую вернуть к прежней жизни, — не очень уверенно ответила стигийка. — Хотя, боюсь, моего опыта и знаний может не хватить. Вот если отвезти ее в Радужную Школу... Что касается одержимцев, то их имена сгинули вместе с Унтамо. Крэган, безусловно, знает, только этот орешек нам не по зубам. Он будет молчать, даже если мы запихаем его в горящий очаг и продержим там денька два-три. Я пошарю, как смогу, Заклятием Поиска, однако многого не обе-

щаю... Мое предположение — зачарованных людей, а точнее — оборотней, нужно искать среди окружения обитателей посольства или кого-нибудь, кто поддерживал отношения с гиперборейцами, давно живущими в городе. Кто-то ведь имел с ними дело, доставлял в усадьбу на Медовой аллее провизию или просто встречался с магиками чаще прочих, так?

— Хлипкая, честно говоря, получается ниточка, — хмыкнул ширриф. В ответ Ренисенб только развела руками — знаю, мол, а что поделать?

В отличие от одержимых оборотней, поиски брата Бомбаха не затянулись. Он объявился сам — сначала в дававиний ему столько лет приют храм на Ветреном холме, откуда бодро промаршировал к воротам коронной цитадели. Стражникам у входа и примчавшемуся на шум Грайтису монах невозмутимо заявил, что признает себя виновным в учинении беспорядков и способствовании оным, а потому намерен разделить тяготы наказания со своими единомышленниками. Темвик брызгал слюной и требовал отдать монаха на расправу лично ему, но и Грайтис, и сам управляющий понимали: такие высказывания — лишь дань уязвленному самолюбию месьора Магнуссона. Будучи человеком дисциплинированным и рьяным слугой закона, Темвик прекрасно сознавал невозможность самосуда, тем более в столь щепетильном деле.

Задержанные «единомышленники» почтенного брата, числом до полусотни, пребывали в городской тюрьме, ожидая королевского вердикта,

каковой определил бы их дальнейшую судьбу. Особых угрызений совести погромщики не испытывали — рассуждая здраво, если б не они и не брат Бомбах, подлые замыслы гиперборейцев так и остались бы тайной за семью печатями — и оттого пользовались молчаливым одобрением тех тюремных постояльцев, что пребывали в заведении за совершение иных противозаконных деяний.

До принятия устраивающего всех решения монахи решили поместить в подземелья цитадели. Святой отец духом не пал, хотя соседство полубезумной Мави (а позднее еще нескольких одержимцев, почти бескровно отловленных стараниями Рэфа, проявившего в ходе поисков удивительной верности чутье) не нравилось звонарю категорически. Явно воображая себя преемником блаженного Эпимитриуса, призванным нести людям свет божественного откровения, он изводил приставленных к нему стражей душеспасительными беседами, перемежаемыми распеванием священных гимнов.

Таким образом, к прибытию высочайших особ неприглядные трупы были убраны, кровавые лужи засыпаны опилками, виновные скучали за решетками, а доблестные стражи порядка старались выглядеть как можно бодрее. Единственным темным пятном оставалась мрачноватая замкнутость Рэфа, исправлявшего свои обязанности с какой-то пугающей целеустремленностью, но не рвавшегося принимать участие в наскоро состряпанном заговоре. Возможно, дознаватель

полагал замысел изначально обреченным на неудачу, но не хотел разочаровывать своего начальника и его сообщников.

Эртель Эклинг возвратился в Вольфгард ранним вечером двадцать третьего дня Первой лунной луны. Грайтис и управляющий замка короны встретили кавалькаду подле Бронзовых ворот столицы, сойдясь во мнении, что пребывание в лесах пошло на пользу всем участникам поездки.

— Кто бы знал, как неохота портить Эрту хорошее настроение, — украдкой поделился с шпирифом Темвик, пока кортеж неспешно продвигался по городским улицам к стенам цитадели. — Особенно когда повсюду болтаются аквилонцы и ждут — не дождутся, когда мы еще разок проявим во всей красе свое варварство. А промолчать не удастся — гиперборейцы не позволят. Спорим, к концу лета нас закидают возмущенными требованиями покарать виновников погрома?

— В Халогге будут так звенеть оружием и трясти магическими побрякушками, что мы услышим вопли даже из-за Граскаала, — согласился бритуниец. — Придется самим во всем признаться... и надеяться на королевскую милость.

— Держи карман шире, — буркнул в ответ Магнуссон. — Помилует он нас, как же.

24 день Первой лунной луны.

Изводимая дурными предчувствиями троица невольных заговорщиков шла через безлюдную Пападную Галерею, минуя чередующиеся полосы

теней и ослепительного солнечного света, лившегося из высоких и узких окон с мелкими цветными стеклами. Слева проплыла уходящая под потолок массивная двустворчатая дверь, украшенная бронзовым литьем с изображениями различных уголков страны. Имелся там и людской город над речной поймой, и гномское подземное поселение среди причудливых скальных выступов, и густой бор, вдоль опушки которого рассыпалась волчья стая.

За дверями скрывался тронный зал — огромный, гулкий и использовавшийся столь редко, что эти случаи пересчитывались по пальцам и всякий раз заносились в хроники. Последний раз Зал открывали совсем недавно, дабы достойно приветствовать аквилонского монарха и его свиту, но все прекрасно понимали, что удивить соседей не удалось. В Тарантии и не такие чудеса видывали. Подумаешь, замок распланирован и возведен двергами. За минувшую четверть века коронная цитадель Пограничья так и не приобрела неуловимой ауры обжитого человеческого жилья, оставаясь величественным пустоватым сооружением. Ходили слухи, будто, если как следует поискать, беспременно отыщутся уголки, куда за двадцать лет еще никто не заглядывал. Более-менее обжитой стала только полуденная часть, где располагались покои правителя — сначала старого Эрхарда, затем его преемника.

Чуть не дойдя до конца Галереи, посетители замедлили шаг и остановились подле охраняемой двумя гвардейцами скромной дубовой двери, с

которой скалилась деревянная рысья голова. Стремление не ударить в грязь лицом вынудило Магнуссона и Грайтиса с величайшей неохотой извлечь из сундуков и натянуть то, что в представлениях Пограничья считалось «приличным нарядом». Ренисенб же решила доказать, что любая волшебница в первую очередь все-таки остается женщиной.

Увидев ее сегодняшним утром, Грайтис невольно присвистнул, а Темвик со зверским видом изрек, что госпожа Рени весьма напоминает стигийскую принцессу, имевшую несчастье угодить в лапы к нордхеймским варварам. Теперь им с Грайтисом придется либо разыграть ее в кости, либо сразиться не на жизнь, а на смерть, выясняя, кому достанется столь великолепная добыча.

Магичка хмыкнула и удивленно взглянула на себя, словно только сейчас осознала, что на ней не привычная черная хламида с вышитым серебряной нитью изображением качающихся весов, но узкое платье из переливающейся сине-зеленой материи. Дополнением к одеянию служили браслеты из разноцветных бусин и широкое ожерелье с эмалевыми вставками и множеством мелких камешков, больше похожее на золотой воротник. Мужчины сделали вид, будто увлеченно обсуждают городские трудности, чтобы пропустить стигийку вперед и взглянуть, как она идет через Галерею, выбивая частую дробь каблучками сандалий и слегка покачиваясь.

— Как думаете, аквилонцы там будут? —

вполголоса поинтересовался ширриф, когда один из охранников скрылся за дверью с известием о приходе ожидаемых визитеров. — Мне почему-то кажется, что они обязательно явятся. Хотя какое, спрашивается, им дело до забот Пограничья?

— Мудрый управитель должен показывать гостеприимство и уважение к давним друзьям, — Ренисенб быстрым движением поправила украшавшую ее гладкие черные волосы золотую диадему с гирляндами звякающих подвесок. — Особенно если он желает... Ой!

Восклицание относилось к беззвучно появившейся рядом четвероногой серой тени, с интересом обнюхивающей подол платья стигийки. За первым зверем возникли еще трое, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся крупными остроухими собаками. Два пса щеголяли яркими ошейниками красной кожи, предупреждая, что перед вами не охотничьи овчарки, но пребывающие в звериной ипостаси оборотни. Судя по несомерно длинным лапам, дружелюбно машущим хвостам и весело поблескивающим глазам — подростки из числа дворцовой молодежи. Один из перевертышей наверняка был королевским пасынком, но Грайтис так и не научился безошибочно определять, кто тут есть кто. Вон тот, палевой, почти серебристой масти? Или второй, серый с бурыми подпалинами? С точки зрения человека, все оборотни и волки на одно лицо... то есть на одну морду.

Для Темвика загадка разрешалась простейшим образом: он мимоходом потрепал по загрив-

ку светлого волчонка и пропустил его перед собой в распахнутую дверь. Маленькая стая юркнула за вожаком, с пахально-деловитым видом обогнув вышедшую навстречу гостям хорошенькую (хотя по утонченным меркам офирского или немедийского двора несколько крупноватую и ширококостную) блондинку в ярком наряде асгардской девицы знатного рода. На миг раздраженно скривившись, девушка умудрилась ловко пнуть одного из подростков-оборотней в бок. Тот коротко взвыл и отскочил в сторону.

— Нейя, не обижай ребенка, — вступился Магнуссон.

— Ничего, ему не повредит, — отмахнулась девица. — Меньше проказить будет... Доброго дня всем, — она улыбнулась, но улыбка получилась слегка вымученной. — Эрт... то есть король уже начал думать, не потерялись ли вы по дороге. А Рэф где? Его ведь тоже звали.

— Он очень занят, — согрешил против истины Грайтис. Дознаватель, услышав о приглашении в королевский замок, решительно замотал головой, заявив: «Нечего мне там делать. Еще брякну чего-нибудь не то. Лучше присмотрю за городом. Может, наткнусь еще на кого из этих... одержимых».

Похожую на асирку белокурую девушку звали Нейей из семейства Раварта. Знавшие историю ее появления в Вольфгардском замке сперва завидовали, а теперь, в зависимости от характера, сочувствовали или ядовито посмеивались. Нейя Раварта уже третий год ходила в постоянных под-

ружках Эртеля. Шептались, будто она имела прекрасную возможность в недалеком будущем стать госпожой Эклинг, благо тоже происходила из Карающей Длани.

Однако случилось непредвиденное: по смерти дяди Эртель занял трон Пограничья и оказался перед тяжким выбором. Будучи оборотнем, он мог жениться только на своей соплеменнице. Тут весьма кстати поблизости оказывалась хорошая знакомая Нейя, ничего не имевшая против. Но как правитель, обязанный думать о благе страны, Эртель вполне представлял те выгоды, что сулит его брак с наследницей какой-нибудь благородной фамилии из соседней Немедии или Бритунии.

Только куда прикажете девать госпожу Раварту, с которой молодой король жил вполне счастливо и не собирался расставаться? Делать ее первой придворной дамой и признанной фавориткой? Смешно и как-то... неправильно, что ли. Такое возможно в любой иной стране, но не в Пограничье с его устоявшимися традициями и дедовскими заветами, частенько обретавшими силу закона.

Из Пайрогии же все чаще обиняками намекали: в королевском семействе подрастает младшая дочурка, скоро ей начнут подыскивать жениха. Отчего бы ко всеобщей радости и процветанию не соединить две граничные страны кровными узами?

Неудивительно, что Эртель и его подруга пребывали в растерянности и глубочайшей задумчи-

вости. Помочь им никто не мог, а обстоятельства все настойчивее требовали принять хоть какое-то решение.

Вбежавшие без приглашения волки и овчарки рассыпались по небольшой комнате с округлым потолком и маленькими оконными проемами, из которых открывался вид на зубчатые стены замка и далекую сизовато-голубую линию окружавших столицу Пограничья холмов. Покосившись по сторонам, Грайтис удрученно вздохнул: все-таки без посторонних не обойдется. Нейя не в счет. Она своя, при ней можно раскрывать любые городские секреты.

Но, помимо Эртеля Эклинга и госпожи Раварты, присутствовали и те, без кого — по мнению шпиррифа — вполне можно было обойтись.

Возле одного из окон стояли, глядя на кварталы Вольфгарда и вполголоса разговаривая, высокая темноволосая женщина величественного вида и мальчик лет двенадцати или тринадцати, с подвижной и чуточку хитровой физиономией. Белый волчонок закрутился рядом, подхалимски толкая женщину носом и добиваясь, чтобы его погладили. Разумеется, та восхищенно заахала, хотя Дженне Капах, аквилонской королеве, совсем не пристало впадать в умиление при виде самой обычной лохматой и зубатой твари.

Чрезвычайно довольный собой, подросток-оборотень юркнул под низкое кресло, одно из расставленных вокруг овального столика на причудливо изогнутых ножках. Стол и кресла недавно привезли из Офира, и они никак не желали

гармонировать с незамысловатыми предметами обстановки Вольфгардской цитадели.

В кресле, послужившем укрытием волчонку, благовоспитанно сложив перед собой руки, сидела девочка — чрезвычайно серьезная и отчаянно старавшаяся казаться старше своих десяти лет. Заметив входившую Ренисенб, девочка беззвучно ойкнула и удивленно расширила глаза, блеснувшие густой, почти фиолетовой синевой.

Ребенку еще ни разу не доводилось сталкиваться со стигийскими волшебницами, чего никак нельзя сказать об обернувшемся на цокот каблуков седеющем гиганте, только что увлеченно препиравшемся с Эртелем. Пристально-изучающий взгляд, как с легкой ехидцей отметил Грайтис, вынудил магичку на миг смутиться и пожалеть о выборе столь откровенного наряда.

Что ж, значит это и есть прославленный в сказаниях и множестве невероятных историй Аквилонский Лев, Конан из клана Канах, и его близкие — жена Зенобия, средний сын Лаэг и дочь Ричильдис, она же Принцесса Диса, самая младшая из королевского дома Аквилонии. Первенец короля, наследный принц Коннахар, уже почти достигший совершеннолетия юноша (незурядный молодой человек, если верить слухам), должно быть, по мере сил заменяет отца на временно опустевшем троне Тарантии.

Когда Грайтис впервые увидел Аквилонское семейство во время их торжественного прибытия в Вольфгард две седмицы назад, он даже предположить не мог, что настанет день и ему придется

сидеть с этими людьми за одним столом. Они жили в своем обособленном мире, а Грайтис Дарго и множество иных, ничем не примечательных людей — в своем. Но судьба известна своей склонностью к неожиданным шуткам, и бритуниец остро позавидовал Магнуссону, могущему похвастаться давним личным знакомством с королем Аквилонии и его супругой.

Зенобия Канах, которую в Пограничье чаще звали просто Дженной или Йенной, происходила родом из здешних краев. Ее отец, Стиварт Сольскель, возглавлял Гильдию торговцев мехами, пока в преклонном возрасте не уступил место преемнику и не перебрался на жительство в Бельверус. Эртель как-то упоминал, будто встречал Дженпу в ее молодые годы — мол, она и тогда была красотка хоть куда, и теперь выглядит ничуть не хуже. Звучало подобное высказывание чрезвычайно странно, ведь король Пограничья казался человеком лет тридцати, тогда как Аквилонке уже перевалило за сорок.

— Вы, несомненно, пришли доложить своему королю о положении дел во вверенном вам городе, — грозно начал Эртель Эклинг, взирая на вошедшую троицу безо всякой приязни. Лишь когда король перевел взгляд на стигийку, ледяной блеск в его глазах немного смягчился. — Очень хорошо, сделаете это прямо сейчас. От короля Аквилонии, моего старого и доброго друга, у меня нет и не может быть секретов. Конан, Дженна, кое-кто из этих троих вам незнаком. Это госпожа Ренисенб эш Шарвин, в отсутствие Тотланта наш

придворный маг. Темвика, думаю, представлять не нужно. Третий — ширриф Вольфгарда, Грайтис Дарго... — король Пограничья выпрямился в своем массивном кресле и возложил руки на широкие резные подлокотники. — Итак, мы слушаем.

— Ваше величество, позвольте вручить вам подробный письменный... — начал было Магнуссон.

Аквилонец довольно бесцеремонно перебил его, прогромыхав:

— Прости, Эртель. А ты, Темвик, обожди со своим подробным чем-то там. Что, разве Тотлант вас покинул? Сбежал в родные края, как давно грозился, греть старые кости на берегу Закатного Океана? Я был бы рад с ним повидаться, после стольких-то лет... — он повел плечами, устраиваясь поудобнее. Кресло, занимаемое киммерийцем, стояло рядом с тронем Эртеля и было столь же неподъемным, однако казалось тесным для огромного варвара. — Или вы решили обменять его на эту красотку? Не спорю, она смотрится куда приятнее, чем плешивый и ворчливый колдун в вечно прожженном балахоне, но есть ли от нее толк?

Кто-то приглушенно хмыкнул — кажется, Зенобия. Эртель нахмурился, а ровный голосок стигийки зазвучал, словно бьющиеся сосульки с края граскаальского ледника:

— До сих пор у моего короля и моего наставника не возникало причин сомневаться в моей верности или в моих знаниях. Кроме того, Его ве-

личество напрасно именует меня чужим титулом. С разрешения короля и одобрения настоящего придворного волшебника мне милостиво позволено в течении нескольких дней замещать отсутствующего в столице Тотланта Луксурского. Когда он вернется — а произойдет это не позднее дня начала Летнего Торжища — я займу подобающее мне место...

— Да не переживайте так, дорогая, — добродушно вмешалась Дженна Канах, оторвавшись от рассеянного созерцания заоконного пейзажа. — Никто не сомневается — вы отлично разбираетесь в своем ремесле. Иначе с чего бы Тотланту брать вас в ученицы и в каждом письме расписывать, какая вы умница? Просто мой супруг прознал, якобы в Пограничье случился избыток магов, вот и пытается сманить вас в Тарантию. Эрт, ни в коем случае не позволяй ему украсть эту милую девушку! А ты лучше помолчи, — теперь она обращалась к мужу, — потому как Эртель желал выслушать месьора ширрифа.

— Эта женщина совсем меня не уважает, — ворчливо пожаловался правитель Аквилонии, вызвав смешки даже у собственных детей. Осмелевшая девочка решилась заговорить с Ренисенб:

— Вы в самом деле приехали из Стигии? И умеете творить настоящие чудеса?

— Я родилась в Кемии, маленькая госпожа, — волшебница на удивление быстро взяла себя в руки. — Что же до чудес, то, боюсь, в жизни они редко выглядят такими грозными и удивительными, как в сказках. Представление уличного

фокусника или лицедейской труппы бывает куда красочнее и интереснее... Если маленькой госпоже угодно, она всегда может навестить меня — я живу здесь, в крепости, в Драконьей башне, что в восточной части замка.

— Мы придем, — опередил сестру мальчик. Похоже, оба королевских отпрыска без труда поддались очарованию и загадочности стигийки, решив непременно раззнакомиться с ней поближе.

— Ладно, а теперь я могу узнать, что творится в моем городе? — рявкнул Эртель Эклинг, в течение всей этой шутилой перепалки наливавшийся нетерпеливой злостью. Подростки-оборотни и собаки поджали хвосты, укрываясь под предметами мебели и в темных углах комнаты. Стоявшая позади кресла короля Пограничья госпожа Нейя подалась вперед и зашептала на ухо сердечному другу что-то успокаивающее, но Эртель с досадой отмахнулся от ее увещаний. — Выкладывайте, прах вас побери!

* * *

Рассказ вышел кратким, но емким и впечатляющим — об этом свидетельствовали изумленно вытянувшиеся физиономии слушателей. Память и умение в нужных обстоятельствах бойко говорить не подвели, и теперь Грайтис надеялся, что никто не обратил внимания на кое-какие шероховатости в его обманчиво гладком повествовании. Темвик Магнуссон и Ренисенб в нужные моменты поддакивали; вдобавок магичка, не позво-

лив никому опомниться, произнесла речь, посвященную героизму и предусмотрительности месьюров человекоохранителей — донельзя хвалебную и насквозь лживую. После такой оды заезжим гостям надлежало придти в безграничное восхищение и не задавать лишних вопросов. Подробности вполне можно рассказать Эртелю потом, без свидетелей.

— Таким образом, налицо доказательства магического заговора гиперборейских чернокнижников, приведшего к смертоубийствам и в конце концов к бунту городской черни, — подводил итоги приободрившийся Магнуссон, время от времени сверяясь со свитком. — Сотни свидетелей видели оживленного запретной магией покойника. Имеется также письменное признание Эгарпейда, старшего письмоводителя. Второй, назвавшийся Крэганом Беспалым, молчит как камень, но само его пребывание в Вольфгарде незаконно: он не был представлен в составе посольства и входит в число лиц, коим пересекать границы королевства воспрещено высочайшим эдиктом... После того, как пожар в посольстве Халогии общими силами удалось погасить, мы перерыли то, что осталось, сверху донизу. В ходе розысков в подвале обнаружили предметы, используемые для практикования некромагии. Оные вещи и приспособления изъяты при свидетелях, опознаны госпожой Ренисенб и сейчас находятся в каземате коронной цитадели. Помимо того, найдено тело убитого охранника Унтамо в состоянии... 9-9...

Магнуссон запнулся и беспомощно оглянулся на стигийку. Ренисенб эш Шарвин чуть заметно поморщилась. При мысли об увиденном в уцелевших после пожара посольских подвалах ее против воли охватывало отвращение.

— Они пытались провести над мертвым асиром некротический ритуал, так называемое «Последнее Прощание», — нехотя разъяснила она изумленным слушателям. — То же самое совершили с мертвым Унтамо, но успешнее. Унтамо им почти удалось... обратить, а с его охранником что-то не заладилось или просто не хватило времени. Но и на то, что успели натворить гиперборейские мясники, лучше на сытый желудок не смотреть.

— Отчего же? — полюбопытствовал киммериец. Гримаса брезгливости на выразительном лице стигийской волшебницы сделалась явственней.

— Во-первых, ритуал Последнего Прощания предусматривает размещение внутренностей покойного в определенном порядке вокруг тела... — начала она и сбилась. — С вашего позволения, прочие живописные подробности я бы предпочла опустить. Здесь, как-никак, дети.

— Ренисенб, а зачем гиперборейцам нужны живые мертвецы? — недоуменно спросила Нейя Гаварта.

— Традиции Белой Руки отличаются от всех других известных магических школ, — пояснила магичка. — В первую очередь adeпты Круга преуспели в общении с миром мертвых и в подчинении людского разума. Что до живых мертвецов,

то они могут служить, например, посредниками между умершими и живущими. Через них опытный маг Круга способен практически невозбранно призывать великие силы из царства Нергала и общаться с духами давно ушедших колдунов... Обращенный же маг, тем более умерший насильственной смертью, как Унтамо — для некромантов Белой Руки вообще бесценная паходка. Сила его удесятерится, он получает доступ к знанию, закрытому для живущих. Хотя, не скованный никакими запретами и законами мира людей, обращенный маг — или, как таких называет чернь, умрун — крайне опасен и для самих создателей. Откровенно говоря, не представляю, что могло бы начаться, не вмешайся этот митрианец со своей отчаянной атакой...

— Ладно, хватит, — мрачно буркнул Эртель. — Но чего добивались все эти колдуны и чернокнижники, чтоб им пусто было? Зачем наложили заклятие на девчонку и этого злосчастного нищebroда?

— Ваше величество, — Ренисенб сокрушенно развела руками, — у нас есть некоторые предположения... но, боюсь, ни одно из них вам не понравится. Итак, гиперборейцы, в число коих входили Унтамо, Эгарнейд, Крэган и еще двое, убитые при штурме, пытались воздействовать на разум представителей Народа Карающей Длапи. Известно, что оборотни — лишь наполовину люди, другая же половина в них — от хищника. Человеческой натурой управлять тяжело, но если сделать так, чтобы в определенных обстоятельст-

вах зверь брал верх... В нордхеймских преданиях частенько встречается такое понятие — «скогра». Так называют человека, попавшего под власть заклинания, лишаящего его способности владеть своим рассудком. При виде пролитой крови или услышав тайное слово, скогра бросается на любого, кто окажется поблизости, и начинает убивать. Представляете возможности использования подобных созданий? Допустим, живет себе человек как человек, вернее сказать, оборотень. Ходит рядом с другими людьми. Рядом с вами или со мной. Но стоит кому-нибудь из нас, например, случайно порезать палец, и случится то, что произошло в таверне месьора Далума. Если таких, с помраченным сознанием, двое или трое — что ж, это идеальные убийцы, в особенности если кто-то вхож ко двору. А если их сотня, или пять сотен, или десять? Много ли стоит оборона Вольфгарда, если гвардейцы из числа Народа Карающей Длани набросятся на тех, кто рожден людьми? Кстати, скогру очень тяжело убить. Раны почти мгновенно заживляются...

— ...а отрубленные конечности отрастают, — пробормотал король, прервав магичку повелительным жестом. — Довольно, мне все понятно. Ты видишь, Конан? Не правда ли, интересные дела творятся в тихом захолустном Пограничье?

— Да, нескучно живете, — задумчиво протянул Конан Аквилонский. — Надо же, сколько били этот проклятый Круг, а они никак не угомонятся... Эртель, тебе не кажется, что тут имеется отличный повод для маленькой победоносной вой-

ны? Ты предаешь огласке творимые на твоей земле бесчинства, и через луну-другую к гиперборейским рубежам выдвигается отлично обученная и вооруженная армия. Проходит еще две седмицы, и земли Халогии становятся протекторатом, а круг Белой Руки в полном составе болтается на шибенице... Или лучше на костер, как полагаешь?

— Какая, к демонам, война? — буркнул Эртель, не почувявший подвоха. — Где я тебе сыщу хорошую армию? Разве что просить хирд у гра-скаальских гномов. Только гномы и хирд не дадут, и на смех поднимут.

— Пустяки, — небрежно отмахнулся варвар. — С удовольствием одолжу тебе парочку легионов, по старой-то дружбе. Будут получше хирды, а самое главное — обойдутся куда дешевле. Правда, не представляю, на кой Аквилонии сдался протекторат аж за Граскаалем и как им управлять, но ничего, выкрутимся.

— Его величество шутит, — пояснила Дженна со вздохом. — Конан... Порой ты бываешь просто несносен. Дела-то и вправду невеселые.

Киммериец смущенно кашлянул.

Эртель в задумчивости побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Что ж, я вас выслушал, — сказал он наконец, вновь обращаясь к замершим в ожидании Магнуссону, ширрифу и стигийке. — Надеюсь, вы не лжете, потому что иначе остаток жизни вам придется провести в карцере. Но даже если сказанное вами — чистая правда, наград от меня не ждите. Вместо того, чтобы опережать события,

вы только и делали, что трупы подбирали. Заговор они раскрыли, понимаешь! Дождались, пока звонарь народ не поднял, а то так и сидели бы в блаженном неведении и в глубокой луже... Кстати, о бойком монахе. Ширриф!

— Ваше величество? — незамедлительно откликнулся Грайтис, чувствуя противную пустоту под ложечкой.

— Из того, что я услышал, явствует — погром был заранее спланирован, притом со всем прилежанием. Начать хотя бы с того, что некоторые из погромщиков несли с собой оружие, полученное в караулах городской стражи. И этот их таран, да зажигательные горшки... Что скажешь?

— Ваше величество, среди арестованных зачинщиков — двое десятников городской стражи, из коих один приходится звонарю двоюродным братом, ученик алхимика из Красильного цеха, а также... — ширриф запнулся на полуслове, увидев выражение лица Эртеля Эклинга.

— Я не о том! — гроыхнул Эртель. — Арестовывай хоть капитана дворцовой гвардии, если он замешан, это твоя забота, не моя! Стражники с погромщиками якшаются, чернь горячее зелье варит тайком, а где шляются твои осведомители? Ладно — гиперборейцы, Сет их ведает, что они там магичили, но про любое лихо, какое замышляют чернецы и ремесленный люд, ты должен первым узнавать и давить, еще не дав начаться! Да что с тобой такое, Грайтис Дарго! Постарел, разжирел, обленился? Неужто я должен объяснять тебе твои собственные обязанности?

— Я виновен, ваше величество, — пробормотал бритуниец, смертельно побледнев и с трудом удерживаясь на ослабевших вдруг ногах. Король, подавшись вперед, буравил его гневным взглядом.

— Виновен! Да еще как! Из вас троих ты в самом незавидном положении! Имей в виду, сегодняя тебя спасла лишь бывшая репутация. Ошибешься еще раз, хоть бы даже в самой пустяшной мелочи, и ляжет твоя голова на плаху!

— Так что нам делать с этим злосчастным митрианцем? — Магнуссон, рискуя навлечь королевский гнев на себя, попытался направить разговор в более безопасное русло. — С одной стороны, он зачинщик погрома, приведшего к смертоубийству, поджогу и очередной ссоре с Халогой. С другой же, если по справедливости, вот его-то как раз впору наградить. Послужил раскрытию колдовского заговора, и вообще... умруна забил...

— Я его награжу. Вздерну на главной площади, — буркнул Эртель, остывая, — с почетным караулом и на самой лучшей веревке.

— Эртель, — негромко произнес варвар, наклоняясь поближе к королю Пограничья, — ты, конечно, в своей власти и волеи поступать как заблагорассудится, но послушай доброго совета. Вешать монаха? Тебя не поймут, тем более, что в народе его почитают за героя и истребителя чернокнижников.

— Предлагаешь его в верховные жрецы произвести? — огрызнулся Эртель. Киммериец хмыкнул.

— В верховные жрецы производит только Священный Собор. Я бы поступил так: устроил показательный суд над зачинщиками, пусть их приговорят, как положено. Пускай постоят на эшафоте. Очень, знаешь ли, способствует осознанию и просветлению. А в последний миг помилуешь злоумышленников высочайшим указом. Причастных стражников, само собой, придется разжаловать, на всех наложить виру за ущерб королевской собственности, ну, тут уж городская Управа пускай считает... А вообще-то монахамитрианца может судить только его орден, если мне память не изменяет.

Эртель поглядел на варвара с любопытством.

— Что-то новенькое, — признал он. — Мне доводилось видеть тебя на воинском ристалище и за доброй трапезой, ты был превыше всяческих похвал и в первом, и во втором, но когда это ты успел столь поднатореть в судейской премудрости? Однако ты, пожалуй, прав. Темвик, оставь свой отчет здесь. Я ознакомлюсь с ним позже. Вы свободны. Можете идти.

Выражение, каковое в просторечии именуется «гора с плеч свалилась», при этих словах столь явственно вспыхнуло на лицах всех троих, что Конан сдавленно хрюкнул, а госпожа Канах и Нейя Раварта обменялись понимающими усмешками.

Лишь Эртель Эклинг оставался по-прежнему мрачен. Даже та пескываемая и весьма комичная поспешность, с которой ширриф и стигийская магичка, едва откланявшись, покинули комнату, не

заставила его улыбнуться. Уставившись невидящим взглядом перед собой, Эртель потирал виски, словно мучимый сильной мигренью.

Темвик Магнуссон, однако, вернулся, едва взглянув наружу и обменявшись там с кем-то парой слов.

— Ваше величество...

— Что еще? — раздраженно вскинулся Эртель.

— Прошу прощения, мне только что сказали...

У тронного зала дожидаются посланцы от старшины гномской общины в Вольфгарде. Все при параде, вид озабоченный. Что прикажете передать?

На какое-то мгновение Конану показалось, что Эртель сотворит с назойливым управляющим нечто чудовищное. Однако король Пограничья сдержался. Возможно, причиной тому послужили ласковые руки Нейи, гладившие его по плечам. Эртель только пробормотал невнятное ругательство и хмуро осведомился:

— Фрам с ними?

— Нет, но...

— Тогда к демонам подземным тронный зал. Эти мне гномы с их церемониями... Пускай их проводят прямо сюда. Примем по малому ритуалу.

Темвик кивнул и немедленно испарился.

* * *

— Надеюсь, эти явились с хорошими вестями, — проворчал король Пограничья, проводив взглядом своего управляющего. — Хватит с меня на

сегодня гиперборийских ходячих мертвяков и собственных верноподданных с заговорами, питыми гнилыми нитками...

— Темвик сказал — вид у них озабоченный, — напомнил киммериец. Нейя тревожно спросила:

— Эрт, что с тобой? Ты какой-то... странный. Может, тебе нездоровится?

— Пустяки, — отмахнулся Эртель, рассеянно отвечая на ласки подружки. — Я здоров как волк, просто... Нет, пустое. Немного голова болит, и все.

— Приказать лекаря? — Нейя подалась к дверям. Эртель остановил ее резким жестом.

— Сказал же — пустяки. Конан, ты еще помнишь Фрама? Гнома из Граскаальских копей?

— Фрама? Э-э... — варвар призадумался, потом лицо его просветлело. — Теперь вспомнил! Уж не хочешь ли ты сказать, что старейшиной общины в Вольфгарде тот самый Фрам?!

— Он. Совершенно не изменился, разве что отпустил бороду еще длинней да прибавил солидности. Такой ревнитель традиций — будь здоров! Прием не иначе как в тронном зале, представление полным титулом — а титул у него теперь, должен сказать, немаленький. «Старейшина Каменного Свода, хранитель Малой Печати и Золотого Пояса, доверенный советник у правой руки Подгорного Короля...», дальше уже не помню. Словом, чин высокий и власть нешуточная. У нас ведь гномов чуть ли не четверть всего населения и у них в руках треть всей торговли. Оружейный цех, ювелиры, камнетесы, само собой... В Восход-

ном конце есть даже настоящая гномская таверна под названием «Кузнечный двор». Говорят...

— Хранитель Боевой Кирки и Двойного Топо-ра, Дорин, сын Кхазда, и старшина Граскаальской Торговой палаты, Хранитель Ключа Гроин, сын Трора, к его величеству королю Пограничья Эртелю Эклингу с посланием! — провозгласил, распахивая двери, Темвик, и, впус-тив гостей, скрылся в коридоре.

Двое, неторопливо и важно прошеествовавшие вслед за тем на середину комнаты пред очи короля Эртеля Эклинга, были типичнейшими представителями подгорного народа — малорослые, долгобородые и неимоверно кряжистые, поперек себя шире. Как и предупредил Магнуссон, гномы явились «при параде», то есть разряженные в пух и прах. От массивных цепей с тяжелыми цеховыми знаками и золотого шитья на камзолах из драгоценного бархата по комнате запрыгали яркие блики. Оба посланника носили широкие золотые пояса, символ принадлежности к гномьему дворянству.

— Высокого полета птицы, — успел шепнуть киммерийцу Эртель. — Военный вождь и старший над купцами.

Один, у которого на поясе висели маленькая золотая чернильница и набранный из драгоценных камней абак, держался чуть позади. В руках он сжимал продолговатую серебряную шкатулку, украшенную замысловатой резьбой. У другого, очень широкоплечего даже для гнома, за пояс была заткнута маленькая церемониальная секир-

ка, а роскошная белая борода заплетена в две косицы. Он выступил вперед и неспешно, с достоинством дважды склонил голову — сперва перед королем Пограничья, затем перед властителем Аквилонии.

— От имени подгорного народа, по поручению Старейшины Фрама, сына Дарта, первого среди равных, я, Дорин, сын Кхазда, начальник над воинами, приветствую тебя, король Эклинг, — голос у дверга оказался под стать, звучный и низкий. — Да пребудет Благодать Творца с тобой и твоими подданными. Королю же Аквилонии, великому властителю и воину, чье имя гремит в легендах, старейшина Каменного Свода велел передать, что пребывание Конана Киммерийца на земле Пограничья наполняет его сердце радостью. Он будет счастлив видеть тебя, когда ты только того пожелаешь.

— Благодарю за добрые слова и благие пожелания, — учтиво ответил Эртель, невольно подражая велеречивой гномской манере изъясняться. — Да ниспошлет вам Творец силу и умение, процветания купцам, уважаемый Гроин, сын Трора, и отвагу твоим воинам, Дорин Кхаздул. Сейчас подадут лучшее вино из моих погребов, дабы могли мы поднять кубки за наш союз.

— Твои вина превосходны, и такое предложение — великая честь для нас, — серьезно ответил посланник, — однако прежде я предпочел бы передать королю то, что велел мне Старейшина Фрам, сын Дарта. Не прогневайся, король Эклинг, но мы явились по не слишком приятному

поводу — как для людей Пограничья, так и для подгорного народа. Старейшина велел сказать, что гномы Граскаала не смогут участвовать в Летнем Торжище. Более того. Мы вынуждены на некоторое время закрыть Великие Врата, и сами уйдем в глубину.

Эртель оторопело откинулся на спинку кресла. Дверг тем временем принял из рук своего спутника серебряную шкатулку и с поклоном протянул ее королю. Откинув плоскую крышку, Эртель достал хрустящий пергаментный свиток с печатью зеленого воска, развернул его и пробежал глазами. По мере осознания смысла прочитанного лицо его приобретало все более мрачное и вместе с тем опарашенное выражение.

— Не понимаю, — наконец сказал он, бросая свиток на стол, и гневно повторил. — Не понимаю! Почтенный Дорин Кхаздул, что это означает? Если отбросить многословные извинения, коими досточтимый Фрам наводнил свое послание, остается только одно: накануне Большой Ярмарки подгорный народ покидает Вольфгард. Со всем! Закрываются лавки, оружейни, мастерские ювелиров, более того, вы закрываете свои жилища и уходите в ваши пресловутые копи, накрепко запершись изнутри. Такого еще не бывало с тех пор, как между Пограничем и Каменным Сводом заключено соглашение о вечном союзе! Скажи мне только одно: почему? Во имя Творца, Дорин, почему?

— Я всего лишь начальник над воинами, — с сокрушенным видом развел руками дверг. — По-

мыслы правящих под Каменным Небом мне неведомы. У меня приказ...

— Да полно! — взревел Эклинг. — Ты, второе лицо в общине после самого Фрама, не знаешь причин вашего, иначе не назвать, повального бегства? Ты полагаешь меня глупее, чем я есть? Что это, Дорин, — оскорбление? Для подобного поведения должны существовать самые веские причины, и, может быть, они в полной мере затрагивают народ Пограничья. Поэтому, демон меня раздери, я имею право их знать, я просто обязан их знать! Вы, гномы — великие рудознаты и чувствуете самую душу камня. Может, ваши ведуньи предсказали, что в первый день второго месяца лета земля разверзнется и поглотит мой город? И ты не хочешь мне об этом сказать? Скажи мне правду, дверг, во имя союза между нашими народами! Говори же!

Во время этой пылкой речи оба гнома стояли как каменные, не пошевелив даже бровью. Ни единая морщинка не выдала испытываемых ими чувств, только по яростному блеску в угольно-черных глазах Дорина Кхаздула можно было судить, что гном глубоко задет и, вероятно, едва сдерживается. Тем не менее его ответное слово прозвучало вполне спокойно, хотя в нем и звучала изрядная нотка язвительности.

— Уверю тебя, о король, я сказал правду. Я действительно не знаю причин такого решения и не уверен, что сам Фрам знает о них. Мы, как ты понимаешь, подданные Короля-под-Горой, а не вольные мастера, и обязаны подчиняться его

указам. Ведь у Каменного Свода могут быть причины для скрытности, потому не суди строго. Допускаешь ли ты, что и в Подгорном Королевстве могут быть свои внутренние неурядицы? Во все ли свои решения и замыслы ты посвящаешь своих воевод? Я понимаю твои чувства, но ничем помочь не могу. Если бы Старейшина Фрам желал или мог объяснить тебе все...

— Так он не желает или не может?! — рявкнул Эклинг, окончательно наплевав на этикет. — В таком неслыханном деле он мог и должен был явиться сам, в конце концов! Если ты ничего не знаешь, то какого рожна он тебя прислал, такого разодетого, с никчемными извинениями?! Или наш союз для него — пустой звук? Так пусть вспомнит о собственной казне! Может, он не соображает, что исход гномов без всякой видимой причины в канун Ярмарки породит панику? Сколько из нынешних торговцев на следующий год не приедут в Вольфгард? Проклятье, что у вашего народа каменное — сердце или башка?!

Почтенный Дорин Кхаздул вспыхнул и сжал здоровенные, привычные к секире кулаки. Гномы весьма вспыльчивы, и Конан, зная об этом, оценил самообладание оскорбленного воина. Тот побагровел, затем побледнел, но отвечал с прежним достоинством и не сдвинувшись с места. Правда, теперь в его голосе звенел боевой металл:

— Ты, видно, сам не понимаешь, что твоими устами сейчас говорит злость... и страх. Теперь я вижу, что решение покинуть Вольфгард — пра-

вильное. Я передал, что мне было велено, король Эклинг, и большего сказать не могу. Я приношу извинения от имени моего народа, не надеясь, что они будут услышаны. В знак доброй воли я и мой собрат не станем передавать старейшине Фраму твои опрометчивые слова. Но память у гномов долгая. Дорин, сын Кхазда, впредь будет иметь в виду, что кое-кому корона пока великовата.

После ухода послов некоторое время никто из присутствующих не решался заговорить первым. Эртель сгорбился в кресле. Лицо его было чернее тучи, взгляд прикован к валяющемуся на овальном столике свитку с печатью зеленого воска. Конан сокрушенно покачивал головой, Нейя и Дженна избегали глядеть друг на друга, дети и волчата старались сидеть тише мыши и по возможности даже не дышать. Наконец Эртель Эклинг пристукнул кулаком по подлокотнику и решительно поднялся на ноги.

— Сглупил я. Погорячился, — признался он, ни к кому в особенности не обращаясь. — Скверный день. На сегодня все приемы закончены. Мне нужно отдохнуть, а потом посоветоваться с тобой, Конан. Вот что, я полагаю, хорошая совместная трапеза где-нибудь перед закатом многое поправит. Я велю накрыть стол в Малой Охотничьей зале и после седьмого колокола буду ждать вас всех там.

Глава четвертая

Долгий полдень

24 день Первой летней луны.

казать правду, по лестницам и переходам крепости Грайтис шел, в прямом смысле не чувствуя под собой ног и пару раз споткнувшись на ступеньках. Подобной выволочки он не получал с времен давно минувшего невинного детства, когда его угрозало попасться под горячую руку отцу. И то тогда меньше досталось, чем сейчас. А самое досадное — влетело совершенно заслуженно. Да еще в присутствии аквилонского монарха!

Стыд-то какой, впору пойти и удавиться. Или подать в отставку. Причем немедленно. В крайнем случае, нынешним вечером. Чтобы король слегка остыл и не вздумал лично устранить нерадивого ширрифа от дел путем усекновения головы этого самого ширрифа. Ну, или завтра, ко-

гда удастся разобраться с навалившимися делами и неразрешенными загадками.

Что-то протяжно булькнуло. Грайтис обнаружил, что пребывает в Нижнем дворе цитадели, подле высокого каменного круга Серебряного колодца, самого старого из замковых источников, туповато пялясь на зажатый в руке жестяной ковшик. Тонкой струйкой лилась вода, исчезая в темной глубине колодца.

Неподалеку, привалившись к почерневшему от времени столбу навеса, стояла Ренисенб. Вид у магички был такой, словно она чудом выскочила из горящего дома или вовремя убралась с пути летящей вниз снежной лавины.

— Повезло, — вяло проговорила она. — Незаслуженно и внезапно повезло... Я уже прикидывала, за сколько золотых можно нанять пару хороших повозок.

— И куда бы ты подалась? В Аквилонию или домой, на Побережье? — вполне серьезно осведомился бритуниец. — Охрана тебе, случаем, не нужна? Отправились бы вместе, и Темвика прихватили, вместо сторожевой собаки. Жизнь в Пограничье, как я все чаще убеждаюсь, становится опасной.

Ренисенб, смотревшая куда-то через плечо собеседника, вдруг сдавленно прыснула. Ширриф не успел оглянуться — на него с размаху налетело нечто огромное и невнятно бормочущее,хватило ковшик и принялось жадно хлебать оставшуюся воду, пока не закашлялось.

— Благодарение всем богам, сколько их ни

есть, мы живы и самую малость здоровы, — отдышавшись, заявил Темвик, чью природную жизнерадостность не могло поколебать ничто, включая королевскую немилость. — Еще немного, и Эртель кинулся бы рвать нас на клочки, не хуже тронувшегося умом оборотня. Что это на него нашло? Или он перед Аквилонцем пытался изобразить строгого, но справедливого монарха? Ладно, пускай бушует. Все равно через пару дней простит и забудет... Кстати, вы с двергами не столкнулись, когда обратно шли? Они отирались под дверями тронного зала, да просчитались — король сегодня не в настроении разводить церемонии. И чего им понадобилось? Я убрался поскорее, а зря. Надо было задержаться и послушать, о чем они станут толковать...

— Какие такие дверги? — должно быть, от испытанного только что волнения Магнуссона пробрала внезапная говорливость, и Грайтис еле-еле отыскал лазейку, чтобы задать вопрос. — Мы возвращались не через Парадную Галерею, и шикого не видели.

— Дорин Кхаздул и Троир, сын Гроина, то есть Гроин, отец Торира... Тьфу на вас, совсем запутали! В общем, один от воинов, один от купцов. Может, Фрам прислал их с соболезнаваниями по случаю приезда Аквилонца? Разряженные оба, что твое весеннее деревце, носы кверху, бороды торчком... Ладно, потом узнаем, а сейчас — пошли!

— Послушайте, месьор управляющий, у меня хлопот по горло, — стигийка безуспешно попыта-

лась высвободиться из медвежьей хватки Темвика, сгребшего ее за плечи. — Проведать этих бедолаг в подвале, перевернуть вверх дном напшу библиотеку, найти что-нибудь касательно того, как вернуть им разум...

— Кстати, если ты не расслышал: король сулился отправить меня на виселицу, коли я не справлюсь со своим долгом, — безрадостно напомнил Грайтис. — Так что можешь составить мне компанию по дороге к Управе, — ширрифу внезапно пришла в голову отличная мысль: — Созову всех своих бездельников и никчемных дармоедов и сообщу: Его величество нами крайне недоволен и повелевает казнить каждого десятого. Может, хоть это заставит их встряхнуться.

— Оба несете сухую ерунду, — перебил Темвик, под шумок увлекая своих спутников в сторону конюшен. — Мы честно заслужили право на краткую отлучку. Вольфгард не рухнет и одержимые волкодлаки не разбегутся, коли мы слегка проветримся. Обещаю, вернемся к шестому или седьмому вечернему колоколу. Эртель за это время наверняка одумается и прекратит злиться.

— Ну, если ненадолго... — подозрительно быстро уступила волшебница. Должно быть, ей и самой хотелось выбраться за пределы замка. Грайтиса уговаривали чуть дольше — пока седлали коней и ехали к выходу из замка.

— Три дня назад я бы повел вас к почтенному Далуму, — с сожалением вздохнул Темвик, когда тройца миновала Оленьи ворота и неторопливо спускалась вниз по склону холма. — Госпожа Ре-

ни, как по твоему высокоученому мнению, он придет в себя?

— Надеюсь, что да, — кивнула стигийка. — Месьор Далум не одержим никакими злыми духами и не пребывает под влиянием заклятий. Просто он очень сильно испуган. Никакой страх не длится вечно, и, если с ним почаще разговаривать, он найдет в себе силы вернуться к прежней жизни.

Справа появилось приземистое здание «Короны и посоха» — некогда гостеприимно открытая дверь заперта, окна закрыты ставнями, на крыльце скучают и маются от жары двое стражников, лениво отсалютовавших проезжающему мимо ширрифу и его спутникам. Через улицу, у входа в «Дуб и желудь», где еще лушу назад еле набирался с десятков посетителей — кучка беседующих горожан почтенного вида, сизоватый дым над трубой и ряд разномастных лошадей у коновязи. Убедительное и живое доказательство того, что природа не терпит пустого места.

— В этой суматохе никак не успеваю спросить, — Магнуссон удрученно глянул на любезную его сердцу «Корону» и повернулся к магичке: — Каким образом ты проведала о подземном ходе в гиперборейском посольстве? Нет, мне известно, что он там есть... то есть был, но вряд ли кто-то, помимо самих посольских, знал, куда он выходит. Кстати, сам его милость посол и кое-кто из челяди смылись гораздо раньше — еще до того, как началась заваруха. Как это ты так точно подгадала с беглыми колдунами?

— Учужала, — серьезно, без тени усмешки от-

кликнулась Ренисенб, и выразительно потянула носом воздух. — Есть, знаешь ли, довольно несложные заклатья... От них прямо-таки несло испугом и готовностью в любой миг пустить в ход какую-нибудь убийственную магию, не задумываясь о последствиях. Кроме того, я заподозрила, что покойный Унтамо, торча во дворе и запугивая простецов, отвлекает внимание от чего-то важного... Темвик, куда, собственно, мы направляемся?

— В гости, — торжественно заявил королевский управляющий. — К моему дражайшему дядюшке Урманлофу. Собственно, он мне не родной дядюшка — так, нашему забору троюродный плетень. Просто ему чрезвычайно льстит, что малыщ Темми, взобравшись на сияющие вершины, не забывает родичей. Я ведь прижимистый деревенский парень из захолустья, привык считать каждый медный талер. Коли дядюшке охота хвататься таким родственничком, как я, пусть расплачивается. Хорошая выпивка и славная компания нам обеспечены. Отчего не слышно благодарных возгласов?

— Бойкий мальчик из провинции, — вполголоса хмыкнул Грайтис, припомнив, как однажды Магнуссон красочно повествовал о своей родне. Управляющий Вольфгардского замка появился на свет в Лерзаке, маленьком поселке-бурге, расположенном неподалеку от Немедийских гор и аквилонской границы. Удачное стечение обстоятельств позволило ему в молодые годы оказать ценную услугу старому Эрхарду, а собственная предприимчивость и настойчивость привели ту-

да, где Темвик обретался ныне — к подножию трона королевства Пограничного.

— А как твои почтенные сородичи отнесутся к появлению такой диковины, как я? — настороженно поинтересовалась волшебница.

— Будут ходить следом и восхищенно тарашиться, — заверил ее Темвик. — Рени, о тебе или о Тотланте слышал почти любой житель города, хотя ты безвылазно сидишь в своей башне. Хоть в этом году сделаешь одолжение, посетишь ярмарку?

— Возможно, — раздумчиво протянула стигийка, придерживая коня. Ее спутникам пришлось сделать то же самое, ибо перед ними через улицу одна за другой пересекли четыре крытые повозки, запряженные низкорослыми мохноногими коньками. На холщовых полотнищах виднелся герб — наковальня со скрещенными поверх киркой и двулезвийной секирой, над которыми размещалось изображение ограненного кристалла. Символ Граскаальского Королевства-под-Горой отлично знали не только в Пограничье, но и за его пределами — таким клеймом дверги традиционно помечали изготавливаемые ими вещи.

— Странно, — Грайтис проводил взглядом удаляющиеся вниз по склону фургоны и шагающих рядом приземистых, угрюмо-деловитых владельцев. — Готов поспорить, они направляются к Гиперборейским воротам. Повозки нагружены до отказа, даже не громыхают. С чего бы гномам покидать Вольфгард накануне самых больших торгов в году?

— Уедут эти — взамен явится сотня других, — беспечно отмахнулся Магнуссон. — Впрочем... В последние дни в гномском квартале подозрительное затишье. Обычно перед ярмаркой у них дым стоит коромыслом, стук-звон-лязг слышны за пределами города. И на разгроме посольства Халогии я не приметил ни одного дверга, хотя у них давние счеты с Гипербореей. Помните, когда Эртель только-только нацепил корону, Фрам сотоварищи приносили ему челобитную с настойчивой просьбой выставить гиперборейцев прочь из столицы и вообще из страны? Может, стоило прислушаться к мудрому предложению?

Лошади протопали по деревянной мостовой, свернули в неширокую, но уютную Ольховую улицу и остановились подле украшенных яркими оранжевыми и зелеными полосами ворот под новельким, еще не успевшим облупиться навесом. Темвик свесился с седла, протягивая руку к болтавшемуся на цепочке медному колокольчику, но позвонить не успел — распахнулась калитка и наружу высыпало с десятков радостно голосящих подростков вкупе с вертящимися под ногами собаками. То ли они ждали заранее, то ли издали углядели приближение знакомой личности и выбежали встречать.

* * *

В заметках путешественников гостеприимство обитателей Полуночных земель иногда именуется «сокрушительным», и это — чистейшая прав-

да. Иное дело, что не всем и не всегда удастся добиться подобного расположения к себе, но уж если вам повезло... Ловите миг своей удачи, чтобы было о чем вспомнить на склоне прожитых лет.

Знакомство с загадочным дядюшкой Урманлофом позволило ширрифу составить самое точное представление о том, каким станет Темвик Магнуссон спустя полвека (или, учитывая долгую жизнь народа Карающей Длани — через добрую сотню лет). Дядюшка железной рукой управлял обширнейшим семейством, насчитывавшем никак не меньше двух или трех десятков близких и дальних родичей, ему принадлежала процветающая скорняжная и меховая лавка, и вдобавок он имел какое-то отношение к торговле с двергами. В этом шумном доме — смахивавшем на разветвленное и запутанное барсучье логово — искренне обрадовались внезапно свалившимся на головы гостям и огорчились, узнав, что те могут задержаться только до вечера.

Молодежь разбежалась хлопотать и накрывать на стол, почтенный Урманлоф, напустив на себя присущую случаю важность, завел с ненаглядным племянником и его друзьями неторопливую беседу о городских новостях, быстро обернувшуюся взаимным обменом сплетнями о жизни в замке и в Вольфгарде. Не обошлось без упоминания о сваре у посольства — и дядюшка неохотно признался: в Медовой аллее околачивались его отпрыски, успевшие вовремя скрыться при появлении гвардии. Впрочем, это не спасло их от заслуженной кары по возвращению домой.

Гиперборейцы, никто не спорит, все как один черпнокнижки премерзостные, но это еще не причина для бунтов и поджогов. Как там Его милость Эртель, не шибко прогневался? А о войне с Гипербореей, ежели не секрет, речи пока не велось?

Расспрашивая, хозяин нет-нет, да и косился на стигийскую волшебницу: сперва с тщательно скрываемым опасением, чуть позже, пообвыкнув — с любопытством. Ренисенб же удивленно озиралась по сторонам, будто ей никогда раньше не доводилось бывать в обычном жилище зажиточного горожанина.

Как обещал Темвик, обед был выше всяческих похвал. Даже у Юпты Далума или в королевском замке такой редко стряпали. Вокруг стола, принося и унося блюда, крутились смешливые девицы, и Грайтис заподозрил, что Магнуссон задумал навестить дальнего сородича еще и ради встречи со своими многочисленными подружками. Так сказать, соединил полезное с приятным. Управляющий то и дело выбирался из-за стола, оправдываясь насущной необходимостью прогуляться во двор, однако совсем не торопился назад, в общую залу.

Сам ширриф пребывал в некоей бездумной рассеянности. Должно быть, сказывалось постепенно улетучивавшееся душевное напряжение минувших дней. Он отвечал на обращения к нему вопросы, надеясь, что его слова звучат разумно, краем сознания отмечал приход и уход каких-то людей, игру солнечных бликов на бревен-

чатых стенах — на улице раскачивалось под ветром дерево. Всякий раз, будто притягиваемый помимо воли, его взгляд упрямо возвращался к женщине напротив. Ее сосед — младший сын или внук Урманлофа — увлеченно рассказывал ей что-то забавное. Магичка беспечно смеялась, ее смеху вторил тонкий перезвон золотых украшений.

Дослушав историю до конца, Ренисенб пригубила из стоявшего перед ней тяжелого чеканного кубка и, извинившись, встала со скамьи. Ее немедленно качнуло в сторону — разнообразные ягодные настои исподволь совершили свое коварное дело. Несколько вовремя протянутых рук под добродушные возгласы удержали стигийку от падения, а какая-то из девушек помогла добраться до дверей.

— Эй, — вернувшийся из очередной отлучки Темвик озабоченно потеревил бритунийца за плечо и полупепотом осведомился: — Ты, случаем, не спишь сидя? Вид у тебя, по правде говоря, как у осоловелою филина днем. Тут дальше по коридору слева, под лестницей, есть пустующий чуланчик. Иди вздремни, а как соберемся обратно в крепость, я тебя растолкаю. Дядюшка с домочадцами не обидятся, ежели ты уйдешь.

— Заботливые, однако, у тебя родичи, — пробормотал ширриф. — Мне бы таких... Подскажи-ка, как попасть во двор?

— Пройти дальше. Там дверь черного хода, она вечно болтается нараспашку — сам увидишь.

Краткий путь по узкому, полутемному кори-

дорчику благополучно окончился на крыльце в две ступеньки, выходящем на задний двор усадьбы. Жизнь шла своим чередом — работники, не особо поспешая, грузили в повозку мешки, из пристройки, торчавшей по правую руку, доносилось приглушенное, ленивое мычание. Истощенно кудахтала курица, зачем-то вспорхнувшая на борт телеги. Все выглядело на удивление мирным, благополучным и разумно устроенным. Неурядицы, сотрясавшие коронный замок, долетали сюда обрывками досужих сплетен, и уж конечно, никто из здешних жильцов не собирался якшаться с гиперборейскими колдунами, чтобы потом носиться по городу и нападать на ничего не подозревающих обывателей...

Справившись с кое-какими потребностями, Грайтис отыскал неизменную в любом хозяйстве бочку с дождевой водой, умылся и решил, что спать его больше не тянет. Надо бы поблагодарить Магнуссоновых родственников за угощение и откланяться. Долг зовет, и его укORIZненные вопли, звучащие прямо в твоей голове, не заглушить ничем.

Он уже собирался вернуться, когда заметил одинокую фигурку, державшуюся в отдалении от обыденной суеты. Женщина безучастно разглядывала пыльный проулок за каменной оградой и не оглянулась, хотя наверняка слышала приближающиеся шаги.

Со столь близкого — рукой подать — расстояния ширриф заметил две изрядно удивившие его вещи. Во-первых, только что от души хохотавшая

Ренисенб эшШарвин выглядела очень печальной и какой-то растерянной. Во-вторых, в ярком солнечном свете ее темно-карие глаза неожиданно приобрели искрящийся вишневый оттенок, то пропадавший, то возникавший снова.

«Либо она испепелит меня на месте и распыляет прах по здешнему огороду, либо велит оставить ее в покое, либо... Второго такого случая может и не быть... Я свихнулся. Точно, совсем свихнулся, и все из-за нее. Она нарочно приехала в Пограничье аж из Кеми, чтобы заставить меня спятить... Ну и пусть. Кто бы возражал, а я — ни за что в жизни. Как, молния сразу ударит или чуть попозже?»

Мысли, похожие на несущийся через узкое ущелье и сбивающий друг друга с ног табун лошадей, галопировали по закоулкам сознания Грайтиса Дарго все те краткие и невероятно растягивающиеся мгновения, которые занял старый, как небеса и земля под ними, ритуал. Он крайне незамысловат — нужно всего лишь обнять стоящую рядом женщину, повернуть ее лицом к себе и отыскать ее губы. Дальше остается только надеяться на лучшее, не забывая, что ваша мечта имеет титул посвященного мага и, значит, вполне способна постоять за себя.

Опешившая волшебница сперва попыталась отстраниться. Однако вскинувшиеся для создания простейшего заклятия руки изменили хозяйке, зарывшись в густую светлую шевелюру наклонившегося над стигийкой человека. Вкрадчивый же шепот убеждал: «К чему вырываться? Пе-

рестань обманывать сама себя. Ты давно этого хочешь, просто боишься возникающей привязанности».

— Таю, я таю, — еле слышно пробормотала Ренисенб, жмурясь от удовольствия и вставая на цыпочки. — Отпусти меня... а лучше — не отпускай, не слушай, что я несу...

Один из батраков дядюшки Урманлофа понимающе хрюкнул, и, подтолкнув соседа, многозначительно ткнул большим пальцем в направлении самозабвенно целовавшейся парочки. Ответом стал дружеский совет меньше глазеть по сторонам, хотя сам приятель отводить взгляд в сторону не торопился. Напротив, одобрительно хмыкнул, оценив сложение и темперамент смуглой чернявой девицы. Та совсем потеряла голову и требовательно льнула к высокому мужчине, в коем без труда узнали вольфгардского капитана городской стражи.

Мешки в повозку летели все реже и реже. Дремавший на передке телеги старый возчик с отвращением проворчал, мол, лезть ведьме под юбку может только тот, кому жизнь надоела, и смачно сплюнул. Из уважения к его милости кое-кто отвернулся или ушел в другой конец двора, но большинство продолжало глазеть под изумленные смешки. Казалось, еще немного — и месьор Грайтис со своей зловещей подружкой рухнут прямо посреди скудной огородной зелени да займутся тем, что обычно творится под праздничный вечер на сеновалах.

Разорвать объятие и заставить влюбленных

опомниться смог только не слишком пристойный совет, отпущенный почти в полный голос. Ширриф сообразил оглянуться, заметил кучку немедленно принявшихся за труды работников и быстро смекнул, что к чему. От намерения проучить зубоскалов его удержала магичка, зашептав что-то на ухо. Должно быть, ее доводы звучали весьма убедительно: притихшую девицу подняли на руки и унесли в дом.

Как верно заметил кто-то из невольных свидетелей, действие смахивало на диковинный свадебный обряд, проведенный без жреца, толпы ахающих родственников, сочувствующих друзей жениха и завидующих приятельниц невесты. Напрасно спугнули — занятное было зрелище.

Милостью Иштар по коридору Грайтису с его на удивление легкой ношей удалось проскочить незамеченным, а дверь комнатухи под лестницей распахнулась будто сама собой. Не такая уж это оказалась пыльная кладовка — маленькое уютное помещение с узкими окошками под низким потолком, вязанные коврики на полу и широкий топчан из горбыля, накрытый целым ворохом мягких овечьих шкур.

Засов удалось задвинуть с большим трудом, нашарив его свободной левой рукой. Как еще прикажете запира́ть дверь, коли ваше внимание целиком отдано прекрасной и настойчивой женщине? Стигийка откровенно изнывала от желания под своим тонким одеянием — удивительно, как оно еще не начало дымиться и обугливаться.

Однако вскорости появилось затруднение, вылившееся в обескураженный вопрос:

— Рени, прости... как снимается эта проклятая штуковина? — на сине-зеленом портновском шедевре не обнаружилось положенных шнурков, лент или хотя бы потайных застежек, словно одежду выкроили из единого куска. — Она у тебя, случаем, не заколдованная?

— Просто вещь с секретом, — лукаво хихикнула волшебница, переводя дух. Она небрежно швырнула в угол золотую диадему и запрыгала на одной ноге, стягивая сандалии.

Разувшись, магичка с наслаждением потянулась, забросив руки за голову и соблазнительно изогнувшись всем телом. Натянувшаяся ткань обрисовала плавные очертания напрягшейся маленькой груди, плоского живота и длинных стройных ног. Освобожденные иссиня-черные пряди, шелковисто поблескивая, струились по узкой, гибкой спине. Такое зрелище и покойника бы заставило воспрять к жизни, а у Грайтиса сладко перехватило дыхание. Эта невероятная, головокружительная женщина соглашалась хотя бы единожды принадлежать ему — и какая разница, что будет потом?

— Ты ведь дознаватель? — Ренисенб опустилась на край постели, рассеянно пропуская меж пальцев завитки овечьей шерсти. — Так разгадай мою загадку и получишь награду. Это легко, почти как изловить злоумышленника. Нужно только отыскать ту нить, что разматывает весь клубок.

Как позже согласился бритуниец, это и в са-

мом деле было нетрудно. А еще ему не раз приходила в голову шальная мысль о потаенных и неудовлетворенных желаниях — особенно женских — которые, как известно, сильнее всего и не признают никаких запретов. Порой они толкают человека на столь внезапные поступки, о которых он, будучи в здравом уме, и помыслить не мог.

* * *

...С трудом заставив себя ступать как можно тише, Темвик Магнуссон приблизился к маленькой неприметной дверце под крутой лестницей на второй этаж дядюшкиного дома, и, склонив голову набок, прислушался. Изнутри долетали весьма красноречивые звуки: скрип раскачивающейся кровати, быстрое, прерывистое дыхание мужчины и гортанный вскрик женщины, перешедший в нежный умиротворенный стон. Потом наступило затишье, сменившееся безмятежными смешками, невнятной возней и разговором, который Темвика не слишком интересовал.

Главное — эти двое отлично поладили.

Именно такой цели и служила поездка в гости, затеянная королевским управляющим при молчаливом, но явственном одобрении госпожи Ренисенб. Его друзьям позарез требовалось поскорее придти в себя, и, по мнению Темвика, такой способ подходил лучше всего. В конце концов, Грайтис уже четвертый год сохнет по стигийской волшебнице, а Тотлант, при всех его несомненных достоинствах, острейшем уме и об-

ширнейших познаниях, вряд ли развлекает свою ученицу чем-то, помимо совместного выдумывания заклятий и копания в старинных рукописях.

Остается только пожелать ширрифу удачи. Говорят же знающие люди, будто уроженки Полуденного Побережья весьма искусны в любовных играх. Но распространяется ли это правило на магичек, коим вроде бы положено хранить целомудрие? Надо потом за кружкой-другой эля намекнуть Грайтису — пусть поделится впечатлениями и открытиями.

Магнуссон удалился, довольный успехом своего замысла, и решив, что щедро дарует парочке на болтовню, выяснение отношений и прочую милую чепуху еще колокол. Сам он уже успел получить причитающееся, и даже с избытком.

Вот только бы перестала ныть голова... Изводящая боль преследовала Темвика уже третий или четвертый день, порой усиливаясь настолько, что, казалось, череп вот-вот расколется изнутри. Ледяные примочки и настой копачьей травы вроде бы помогали, но, если подобная гадость не сгинет в ближайшую седмицу, придется идти на поклон к дворцовому лекару или той же Ренисенб. С чего бы это? Никогда в жизни Темвику не приходилось жаловаться на здоровье, а тут подвалило огорчение... И как невовремя — постоянно надо быть на ногах, соображать, отдавать приказы, а ему, видите ли, занедужившая головушка покоя не дает!

Глава пятая

Чужие тайны

24 день Первой летней луны.

пустя некоторое время после отъезда Темвика Магнуссона, Грайтиса и госпожи Ренисенб коронный замок Вольфгарда украдкой покинули еще две примечательных личности. Они предпочли отправиться пешком, сперва с удрученным видом постояв у изгороди запертой «Короны» — точно помянули дальнего сородича, на днях ушедшего в далекое безвозвратное странствие.

Затем пара — походившая на уроженцев какой-нибудь из Полуночных стран, ведущих себя с достоинством людей, знающих свою высокую цену — спустилась вниз с Коронного холма и свернула к восходной части города. Встречные прохожие частенько замешкивались и сбивались с шага, чтобы глянуть им вслед. Некоторые, постар-

ше летами и явившиеся в Вольфгард среди торговых гостей, начинали озадаченно хмуриться, словно пытаясь вспомнить: не сводила ли их судьба раньше с этим мужчиной или этой женщиной?

Воспоминания приводили к тому, что почтенные торговцы либо с облегчением переводили дух, либо хлопали себя по лбу и, позабыв о прочих делах, торопливо устремлялись к приютившим их постоялым дворам, бормоча себе под нос что-то маловразумительное.

Парочка же спокойно шла своей дорогой — через Круглую площадь, вдоль Железных Рядов. Там они снова приостановились: мужчине возжелалось непременно глянуть на доставленные из Немедии и разложенные в надлежащем порядке на огромном прилавке образчики прямых тяжелых мечей. Женщина со стоическим видом ожидала, пока спутник удовлетворит свое любопытство, но под конец не выдержала и утянула его за собой, сорвав едва не состоявшуюся покупку.

— Скажи на милость, с чего ты взял, будто с тобой они станут разговорчивее? — Дженна упрямо пыталась подладиться под размашистые шаги супруга, с грустью отметив, что совершенно разучилась ходить в обыкновенных козловых сапожках и широченной домотканой юбке, наскоро сооруженной из длинного отреза шерстяной материи в броскую черно-алую клетку. — Раз они не пожелали ничего говорить Эртелю, значит, не скажут никому. В том числе и тебе. Приглашение

Фрама — только вежливые слова. Ты больше не его близкий приятель, которому можно раскрывать тайны, забыл? В лучшем случае он потолкует с нами о старых добрых временах, в худшем тамошние караульные состроят каменные лица и пробурчат, что почтенный староста крайне занят и у него нет времени беседовать со всякими мимоходящими... как там у подгорного народца принято оскорблять людей — дыдами или кривыми оглоблями?

— Между прочим, я тебя не звал. Сама напросилась, а могла бы сидеть с детишками, — съязвил Конан.

— Знаешь, что мне сказали ненаглядные отпрыски? — бархатно-напевный голос Зенобии разительно переменился, став очень похожим на тонкий выговор дочери: — «Мамочка, у отца такой вид, словно он задумал что-то сотворить. Или натворить. Наверное, его рассердили эти подгорные карлики, и он собрался к ним навещаться. Ты бы сходила вместе с ним... так, на всякий случай». А твой наследничек заявил, что ему заранее жаль бедных dwarves и он постарается спрятать все режущие предметы, каковые могут попасть тебе на глаза.

— Я этому малолетнему остроумцу... — грозно посулил правитель Аквилонии. — Иен, ну растолкуй ты мне — в кого он таким уродился? Почему у него каждое слово с подковыркой? Отчего любые вертихвостки — что у нас дома, что здесь, в Вольфгарде — бегают за сопляком двенадцати лет? Не за Конни, обрати внимание, а именно за

его младшим братцем? Что начнется в Тарантии, когда он подрастет?

— Мальчику досталось твое умение быстро находить общий язык со слабым полом, — хмыкнула Дженна. — Скажи спасибо, что пока он не злоупотребляет этим талантом... Не увиливай от ответа! Ради чего мы отправились к дворгам, причем вот так, корча из себя простецов? Ты хоть знаешь, куда идешь?

— Дом старосты гномской общины стоит на Холодном Ручье, о чем тебе скажет любой житель здешней столицы, — откликнулся варвар. — Что же до причины... Сама видишь, мирный Вольфгард превратился в сплошной кавардак. Эртель, как верно заметил тот мрачный дворг, покуда не ощущает себя настоящим правителем. Уверен, затея с посланием учинялась именно ради меня, а уж потом — для нашего волчонка в короне. Мы, конечно, могли бы притащить с собой свиту в пять десятков человек, но к чему лишнее внимание? Кроме того, надо обернуться побыстрее — чтобы имелось, о чем потолковать с Эртелем. Может, все не так уж страшно, как мы горяча подумали.

— Съездили в гости, отдохнули, развеялись, — желчно проворчала аквилонская королева, прыгая по растрескавшимся доскам мостовой. — Ладно, я привыкла верить в твою удачу. Надеюсь, дворги не захлопнут ворота прямо перед нашим носом. И не пытайся уговорить меня лазать через заборы! Я уже не в том возрасте!

— Разве? — изобразил искреннее удивление

Конан. — Я как-то не заметил. Эй, дряхлая старушка, поделись секретом — какая зловредная магия помогает тебе сперва целый день носиться по лесу за кабанами, а потом ночь напролет не давать мне покоя?

— Ума не приложу, как можно вытерпеть общество этого чудовища больше одного мгновения? — спросила Дженна у пестрой лавочной вывески. Подобные перепалки давно уже стали неотъемлемой частью жизни правящей четы — они помогали сохранять здравый смысл и чувство юмора в любой заварушке.

— Потому что в глубине души я милейший человек, только никто этого не замечает. Скажем, я вполне мог бы предоставить Эрту выпутываться из передряг самостоятельно, так ведь нет! Здесь направо... или налево?

— Налево, — Зенобия первой углядела мостик через мелководную речушку и крепкие ворота, украшенные двумя гербами — Пограничья и дворгского Королевства-под-Горой. Сбоку, на заборе, висела внушительного вида литая бронзовая доска, испещренная угловатыми руническими письменами гномов, а рядом торчал дверной молоток — оскаленная мордочка диковинной ящерицы с кольцом в зубах.

На стук приоткрылась низкая, где-то на уровне человеческого пояса, калитка и выглянул стражник — косматое создание в звякающей кольчуге и при неизменной секирке. Окинул неожиданных гостей быстрым подозрительным взглядом снизу вверх из-под нахлобученного на самые гла-

за островерхого шлема, открыл было рот для заранее приготовленного «Шли бы вы, почтеннейшие...», но, приглядевшись внимательнее, сдавленно кашлянул и юркнул обратно.

— Стоило бы побиться с тобой об заклад, — с сожалением заявил киммериец, пока за воротами шла торопливая возня, громыхали отпираемые замки, а караульный то многословно извинялся за задержку, то возмущенно покрикивал на сородичей на рокочущем наречии dwarves. Должно быть, отсылал кого-то к старосте с известием о высоких гостях или требовал немедленно прибрать во дворе. Раздалось частое буханье десятка кованых подошв по камням, потом непонятный тягучий шорох пополам с быстрым топотком. — Старый хитрюга Фрам заранее догадывался, что мы придем!

— Ошибаешься. Сторож принял тебя за злостного должника, явившегося кланить об очередной отсрочке уплаты, — невозмутимо возразила Дженна.

Гном наконец справился с засовами. Воротина, вся в железных полосах и медных шляпках гвоздей, грузно колыхаясь, поплыла в сторону. Открылся просторный двор, мощеный камнем, в обрамлении добротных хозяйственных служб, и собственно подворье — деревянный дом непривычной человеческому глазу постройки с множеством изломов, клетушек и флигелей, выраставший на фундаменте из огромных замшелых валунов.

Перечеркивая двор, от ворот до высокого

крыльца с навесом тянулась узкая, не более двух локтей, полоса расшитой ткани, играющая радужным многоцветьем и переливами вспыхивающих искр.

По обеим сторонам дорожки через равные промежутки живыми изваяниями застыли стражи усадьбы. Позади них толпились прочие обитатели вольфгардского квартала dwarves, на востоке, в распахнутых дверях, различались еще двести приземистые фигуры — должно быть, Старейшина и его ближайшее окружение. Над двором висела сторожкая, напряженная типшина, никто не перешептывался, не болтал и не сплетничал, только где-то в отдалении ровно, как быющее сердце, постукивал молот.

Оценив размах встречи, аквилонский монарх едва не присвистнул, а его спутница, глянув себе под ноги, выдохнула быстрым полушепотом:

— Даже жалко топтать эдакую красоту грязными сапогами...

Обитатели Тарантийского замка совершенно справедливо замечали, что подлинный блеск монархии придала именно Зенобия Канах, хотя откуда, спрашивается, купеческой дочурке обзавестись замашками и привычками истинной королевы? Однако девица из Пограничья столь рьяно настаивала на соблюдении требований этикета, что добилась почти невозможного — постепенно приучила к ним своего упрямого супруга, по возможности избегавшего участия в любых долгих церемониях.

Опыт многих лет не подвел. Рука об руку они

шли по расстеленной дорожке — также, как привыкли выступать в Тарантийской коронной цитадели, во владениях своих друзей и подданных. На миг Дженне померещилось, будто она слышит размеренное уханье старинного гонга в Золотой Зале, по традиции отмечающее каждый шаг правителей Аквилонии.

Слаженно лязгнули поднимаемые в приветственном салюте тяжеловесные двергские алебарды. Приветственные кличи так и не раздались. Согласно гномской традиции, их заменяла странная для обитателей поверхности трескотня и слитный перезвон, производимый с помощью жестянок с монетками либо камешками, связок медных колокольчиков и рокота маленьких, но невероятно гулких барабанчиков. Неподготовленного человека эта внезапно грянувшая лавина звуков вполне могла заставить в ужасе подпрыгнуть или оглушить на несколько ударов сердца.

Стоявший на крыльце гном величественно (удивительно, однако даже при его малом росте это не казалось забавным) спустился по ступенькам и сделал пять тщательно выверенных шагов навстречу гостям. Эртель сказал правду — почти три десятка минувших лет мало сказались на Фраме, сыне Дарта из колена Торольва Раскалывателя. Он оставался таким же — необычно рослым для дверга и потому изрядно сутулящимся, с длинной бородищей смолянисто-черного цвета, заплетенной в множество тонких косиц, перехваченных серебряными кольцами — и, как

понял бы любой мало-мальски проницательный человек, тщетно пытался скрыть под торжественной важностью грызущую его нешуточную тревогу.

* * *

Положенные речи были сказаны и выслушаны, обитатели усадьбы разошлись по своим делам, гостей провели в дом, к поспешно накрываемому столу — а витавшее повсюду напряжение становилось с каждым мигом все заметней. И Конан, и Зепобия кое-что знали о гномских обычаях, потому их сразу же неприятно поразил вид обширной горницы, где Старейшина принимал посетителей. Обыкновенно здесь повсюду красовались разнообразные шедевры двергских или людских оружейников, редкостные вещицы из дальних стран и пестрые ковры — подгорный народ имел тягу к ярким цветам, предпочитая закупать изделия туранских или иранистанских ткачей. Нынче из бревенчатых стен сиротливо торчали опустевшие крючки, и только светлые пятна отмечали местоположение убранных в сундуки украшений.

Беседа не клеилась, несмотря на старания Дженны, пытавшейся как-то заполнить тягостные паузы между фразами, становившиеся все длиннее и длиннее. Каждый надеялся, что неприятная тема будет затронута не им, а собеседником. От обстоятельных расспросов касательно здоровья, семейных дел и заграничных новостей

правитель Аквилонии медленно, но верно стервел. Дверг, выслушивая краткие ответы, только побряхтывал да опрокидывал чарку за чаркой прозрачную едкую жидкость — изготавливаемое в подземном королевстве сгущеное вино. Пить его могли единственно сами рудознатцы, а прочие народы именовали «сущей отравой».

— Не такой мне представлялась наша встреча, — наконец не выдержал старейшина гномского квартала в Вольфгарде, доверенный советник у правой руки Короля-под-Горой, носитель Золотого Пояса и хранитель Малой Печати. — Обстоятельства порой оказываются куда сильнее нас... — он запнулся, снова приискивая спасения в содержимом золотой чаши.

— Спрашивается, кто в этом виноват? — раздраженно осведомился варвар. Фрам испустил еще один берущий за сердце вздох и устало поинтересовался:

— Что, Эртель так здорово разозлился? Дорин и Гроин вернулись сами не свои, но посвящать меня в подробности своего похода к Его величеству Эклингу не пожелали. Сказали только, что поручение выполнено, а ты и твоя госпожа стали всему свидетелями. Тут я и смекнул, что в скором времени нужно ждать дорогих гостей. Памятуя о твоих былых привычках, я собирался нагнать во двор десятка три оружных воинов, а потом решил — если ты захочешь войти, значит, войдешь. Только, если ты явился за внятными и подробными объяснениями, ты их не получишь. У меня их нет.

— Тогда, может, почтеннейший Фрам хотя бы приоткроет завесу тайны над причинами, вынудившими его поступить именно так, как он счел необходимым поступить? — как можно убедительнее проворковала Зенобия. Одновременно каблук ее сапожка с изрядной — но наверняка недостаточной — силой вонзился под столом в лодыжку Аквилонского Льва, умертвив тем самым готовое вот-вот родиться на свет живописное проклятие. — Уважаемый старейшина наверняка осознает сложность того положения, в коем оказался молодой Эклинг. Сперва недавние шумные волнения подле гиперборейского посольства, а теперь — внезапное, лишенное каких-либо причин решение двергов покинуть столицу. Король Эртель имеет полное право возмущаться и недоумевать. К тому же он должен что-то сказать своим подданным, когда те неизбежно начнут задавать вопросы. Допустим, Эртель и его приближенные сумеют придумать достойную причину, оправдывающую в глазах прочих жителей Пограничья и гостей страны спешное исчезновение гномов, но как долго продлится это отсутствие? Седмицу? Год? Десятилетие?

— В жизни не поверю, чтобы подгорный народец так запросто бросил нажитое добро и разбежался прятаться по своим норам... гм, жилищам, — поддержал супругу ничуть не утомившийся Копан. — Или ваши колдуны в самом деле напроорочили Вольфгарду быть пусту, а ты решил, что будет очень неплохо заодно избавиться от

этого юного зануды Эртеля и прочих людишек вкуче с вечно крутящимися под ногами оборотнями? Отличный замысел! Всего-то хлопот — просто промолчать. Только на кой ляд ты прислал вестников с извинениями? Совесть, что ли, покоя не дает?

Джепна обреченно возвела глаза к потемневшим массивным стропилам: кажется, ее мужу без особого труда удалось довести старого дверга до состояния, в котором руки сами собой тянутся к рукояти оружия, а язык немеет от злости.

— Напророчили... предсказали... Да не колдуны, а колдун! — яростно и крайне маловразумительно возопил Фрам, размашистым жестом перевернув золотую чарку, откуда немедленно вытек белесый, резко пахнувший ручеек. — Один-единственный распроклятый колдун, да поразит его безумную голову Молот Великого Кователя, да разверзнется под ним сама земля и рухнет он в Изначальное Пламя!! Чтоб его Темные Демоны сожрали и кости отрыгнули!..

Жалобно скрипнула приоткрывающаяся дверь, в горницу сунулась чья-то встопорщенная борода. Убедившись, что пришлецы не собираются покушаться на жизнь, честь и имущество Старосты, но зачарованно внимают горячечной речи, немедленно исчезла.

— Демоны, это конечно, да... — протянул король Аквилонии, когда дверг, высказавшись, слегка успокоился и потянулся к хрустальной бутылке со сгущенным вином. Руки у него тряслись, поэтому обязанности чапницы временно

перешли к Зенобии. — Это я понимаю... Теперь скажи то же самое, но толком и по порядку. Что за колдун такой вдруг у вас завелся?

— Заводятся крысы в погребе, а колдун был всегда, — отрезал гном. — Он служил еще деду нынешнего Подгорного Короля и старше чем ты, госпожа Йен и я, вместе взятые. Мы называем его Офейгом, Слушающим Голоса Камней — это прозвище пристало к нему неизвестно когда, а настоящее имя уже давно все позабыли. Думаю, Офейг и сам его не помнит. Раньше он почти не вылезал из своей пещеры в Граскаальских Копях, но, когда в горах куролесил Бешеный Вожак, а потом создавалось Вольное Пограничье, ему вдруг захотелось перебраться сюда, в город. Возразить никто не рискнул, даже Дьюрин, и это ярмо повесили мне на шею. Я что, я не жалею... — он яростно засопел, бормоча на наречии карликов, но, опомнившись, вернулся к понятному людям языку: — Офейг в мои дела больше нужного не вмешивался, я в его тоже не лез. Жили себе спокойно, горя не знали, к Ярмарке готовились, да вот аккурат четыре дня тому снизошло на дряхлого пня откровение...

— И он напророчил землетрясения, ливни из жаб, явление разъяренного Сета во плоти и конец мира, — докончил киммериец, удостоившись неприязненного взгляда дверга и укоризненного — собственной жены.

— Если бы, — Фрам как-то поник и осунулся. — Тогда бы мы знали, как поступить. И уж точно поделились бы своим знанием с теми, кого зовем

друзьями и союзниками. Но Офейг... Офейг сказал... В общем, напугал он нас всех крепко.

Конан вовремя удержался от непроизвольного удивленного возгласа. Если дверг признается в собственном испуге, значит, увиденное или услышанное им действительно выходит за пределы, установленные богами для рассудка любого разумного создания. В этом, как ни странно, поведение гномов очень напоминало традиции уроженцев Полуночных земель, готовых умереть, только бы не допустить, чтобы их заподозрили в способности поддаваться страху. Фрам же продолжал говорить, неотрывно буравя взглядом из-под сдвинутых бровей какой-то сучок в полированной столешнице.

— Когда он начал вещать, рядом с ним находились двое — Кьяр, его воспитанник и Скафти, его правнук. Скафти побежал за мной, но я замешкался и пришел слишком поздно. Впрочем, я все равно не понял бы и половины — Офейг говорил на Древнем Наречии. Кьяр пытался переводить, но получилось скверно. Мы разобрали что-то о грядущем безумии прошлых времен и льющейся крови... Я-то думал — он закончит прорицать, очнется и растолкует нам, что к чему. Так всегда происходило. А его вдруг корчить начало, потом и того хуже — болтать, понятное дело, перестал, вытянулся и затих. Ни жив и ни мертв, а так, что-то среднее. Он до сих пор такой — молчит и таращится в ту темноту, где звучит неслышимый для нас голос...

Фрам помолчал, испустил еще один тяжкий

вдох, заглянул в заботливо наполненную Дженой чашу, но пить не стал.

— Вот так-то... Самое скверное — Офейг, хоть и вонючий старый гриб, но колдун первостатейный, в Подгорном Королевстве иного такого вряд ли сыщешь. А как он есть придворный ведун и ближний советник самого Короля-под-Горой, то наплевать на всю эту историю я, сам понимаешь, не мог. В тот же день созвал Круг, об-сказал, что да как, и мы порешили: лучше переоценить опасность, чем недооценить. Ежели спустя пару седмиц выяснится, что Офейг по-просту снятил по старости лет либо же мы его неверно поняли, мы вернемся. Тогда я лично извинюсь перед королем Эртелем и возмещу причиненные убытки. Если он выскажет желание, чтобы мои соотечественники или лично я больше не показывались ему на глаза — пусть так и станется. Признаю, я опрометчиво поступил с этим посланием, но ничего иного я придумать не сумел...

Дверг раздраженно махнул рукой и наконец одним глотком опорожнил кубок с огненной жидкостью.

— Теперь понимаю, отчего твои посланники столь упорно заверяли нас в собственном неведении, — сказал киммериец, когда стало ясно, что Фрам закончил свое повествование. — Эртель и так шипел, что твоя жаровня, ежели в нее плюнуть. Узнай он, что причиной всему — бред какого-то дряхлого колдуна, который к тому же толком и не разобрали... Не в обиду вам будет сказа-

но, к гномским ведунам люди относятся не слишком уважительно.

— Так же, как и гномы — к людским, — хмыкнул Фрам. — Тотланта в счет не беру.

— А как быть горожанам в ожидании, пока минуют отведенные вами две седмицы? — осторожно заговорила Дженна. — Следует ли из речений вашего предсказателя, что беда угрожает всем — и нам, людям, и Племени Карающей Длани?

— Агать не буду — не знаю, — колебавшись, ответил Старейшина. — Проклятье! Клянусь Молотом Предвечного Творца, я согласился бы обрить бороду, если б кто-то объяснил мне самому, в чем тут дело! Будь моя воля, я бы на всякий случай отменил Летнюю Ярмарку или хотя бы отодвинул ее начало на десяток дней позже. Чует мое сердце, грядет какая-то большая дрянь... А ты, — он повернулся к озадаченно хмутившемуся варвару, — ты забирал бы своих близких и возвращался обратно, в Тарантию. Уж кого-кого, Конан, а тебя дела Пограничья касаются менее всех прочих.

— Бросив Эртеля на произвол судьбы? — едко переспросил Конан. — Когда, по твоим же словам, готовится невеста какая гадость? Полагаешь, ему недостаточно вашего бегства?

— Так и знал, что ты не двинешься с места, — грустно кивнул Фрам. — Впрочем, поступай, как знаешь. Вы точно не хотите выпить?.. Я вот уже который кувшин за эти четыре дня употребляю — и спокойнее на душе становится. Вроде как за-

бываешь обо всем, будто это и не с тобой происходит.

* * *

В усадьбе старосты dwarves аквилонский король и его спутница пробыли довольно долго, о чем свидетельствовали удлинившиеся тени и отдаленный перезвон курантов на башне Цитадели. Торопиться обратно в замок не имело смысла, и варварская парочка, не сговариваясь, зашагала вверх по улице куда глаза глядят. Оба помалкивали, размышляя над услышанным.

— Провалиться мне на этом месте, если я поняла — чего именно так напугался почтенный Фрам! — неожиданно изрекла Зенобия Канах, когда они миновали пару кварталов, а остроконечная драночная крыша гномского жилища скрылась за другими строениями. — Туманные намеки — вот чем вдоволь попотчевал dwarves их спятивший предсказатель! Я не очень хорошо знакома с обычаями подгорного народа...

— Кто с ними знаком? — буркнул Конан.

— ...Но мне доподлинно известно: уж чем-чем, а зловещими предсказаниями гномов не проймешь. Они слишком мудры и слишком близки к земным корням, чтобы обращать внимание на всякую словесную дребедень. Дверги верят в то, что можно рассмотреть глазами, потрогать руками или разбить киркой.

— Значит, у Фрама есть осязаемые и убедительные доказательства верности слов их провид-

ца, — пожал плечами король Аквилонии. — Которые он предпочел держать при себе. Хочешь сказать, что предупреждала заранее и мы остались ни с чем?

— Не собираюсь, — отреклась Дженна. — Кроме того, нам удалось вызнать кое-что полезное. Этот хмурый гномский военачальник, что приходил в королевскую крепость, рек сущую истину: у живущих под Каменным Небом есть свои тайны и свои неурядицы, о которых прочим знать не обязательно. Эртелю придется смириться с отсутствием dwarves на этой Ярмарке, но, думаю, они вернутся.

— А если нет?

— Тогда ни ты, ни Эртель Эклинг, ни даже сам Митра не сможете ничего исправить, — развела руками Зенобия. — Из названия Пограничья придется выбросить упоминание о гномах, страна окажется по уши в трудностях, но пройдет время — и все как-нибудь наладится.

— То есть ты полагаешь, что людей с оборотнями эта неведомая гадость не коснется? — уточнил киммериец.

— Не путай меня с госпожой Меланталь, — невесело хмыкнула Дженна. — В отличие от нее, я не обладаю даром видеть будущее. Я умею только слушать, сопоставлять и делать выводы. Не отрицаю, мне тревожно... Пожалуй, я бы согласилась отослать домой детей и часть свиты, но мы, то есть ты и я, повременим с возвращением. Возможно, и даже наверняка, участие в Летнем Торжище самого Конана Аквилонского с се-

мейством успокоит купцов и с лихвой исправит ущерб, причиненный странным исходом подгорного народа. Поспешный же наш отъезд, притом именно сейчас, окончательно подорвет репутацию Вольфгарда...

— Меня другое беспокоит, — Конан свернул в малолюдный чистенький проулок, засаженный вдоль обочин молодыми липовыми деревцами. — Нет ли тут совпадения? Колдовские игрища гиперборейцев и решение dwarves удалиться под землю произошли почти в одно и то же время. Случайность это или нет? Гномы и Белая Рука давно на ножах. Может, Фрам сотоварищи признали что-нибудь эдакое о гиперборейцах, после чего им стало никак невозможно оставаться в одном с ними городе?

— Сомневаюсь, — покачала головой Зенобия. — В этом случае гномы сделали бы все возможное, чтобы известить своих недругов под корень... Эй, это еще что за?..

В конце проулка внезапно появилась крупная легая собака, похожая на гончую-полукровку. Пес летел изо всех сил, вывалив мокрый язык и прижавшись носом почти к самой земле. За ним, привязанный к широкому ошейнику в шипах и заклепках, волочился длинный ремень с петлей на конце. Собака пыльным вихрем пронеслась мимо удивленной пары, не удостоив их даже мимолетного взгляда, и занятая только преследованием неведомой добычи.

Следом за пегой борзой возникло другое живое существо — тоже пес, но черной масти в жел-

тых подпалинах и более поджарый. Зверюга так спешила, что едва не шлепнулась на повороте, однако сохранила равновесие и прыжками ринулась догонять товарку. Эта псина также могла похвастаться грубым ошейником с медными накладками, и вид у нее был столь же целеустремленный.

Изрядно отстав от животных, уже успевших скрыться из виду, в переулочек с шумом, тоном и одышкой ввалились их хозяева — числом трое, все в потрепанной одежде казенного вида, темно-зеленой с желтым кантом, весьма напоминающей форму городских стражников. Один из них, придерживая лихо болтающийся на боку меч и стараясь не снижать набранной скорости, на бегу рявкнул невольным свидетелям:

— Куда они побежали?

— Туда! — на редкость единодушно откликнулись двое людей, представлявших королевский дом Аквилонии. Варвар на всякий случай махнул рукой в сторону, где одна за другой исчезли собаки, и крикнул вдогонку стражникам: — Что случилось-то? Кого ловите?

Ответ, если он и прозвучал, заглушил яростный собачий брех, перемежаемый низким, утробным рычанием и пронзительными взвизгиваниями. Блюстители дружно перешли с бега на осторожный шаг, и, судя по вспыхнувшей перепалке, решали, как быть. Шум звериной свары, становившийся все громче, неизбежно привлек внимание горожан. Захлопали открывающиеся двери, над заборами выныривали головы любопытст-

вующих. Кое-кто рискнул выглянуть за ворота, настороженно озираясь по сторонам и не забыв прихватить увесистую дубинку.

— Умоляю, ради всех богов и моего душевного спокойствия — не встрейай... Конан?.. — Дженна слишком поздно заметила, что разговаривает с пустотой.

Гвардейцы наконец пришли к общему решению. Один из них, что помоложе, рысью устремился вниз по переулочку — надо думать, за подкреплением. Двое других принялись разгонять собиравшуюся толпу, с фальшивой бодростью заверяя, будто ничего особенного тут вовсе и нет.

Из тупика между двумя высокими деревянными изгородями, где исчезли псы, донесся приглушенный чавкающий звук, какой бывает, если здоровенный кусок сырого мяса с размаху бросить на деревянную колоду, и болезненный собачий взвизг. Галдеж мигом стих, и в наступившем молчании кто-то испуганно выкликнул: «Люди добрые, так они, небось, заклётого оборотня изловить хотят!»

Зеваки мгновенно порскнули по домам, и теперь посреди опустевшей улицы стояли двое городских стражников да изрядно обескураженная женщина, смахивавшая на хозяйку средней руки усадьбы где-нибудь в Нордхейме или Темре.

Блюстители, впериw напряженные взгляды в заросший бурьяном тупичок, нехотя потянули из ножен казенные клинки. Только сейчас госпожа Канах сообразила, что при выходе из Цитадели ни она сама, ни ее сумасбродный муженек не за-

хватали с собой почти никакого оружия — тонкий стилет у нее в рукаве и кинжал на поясе киммерийца не в счет. Ну какая опасность может грозить легендарному Конану из Киммерии в захолустном Вольфгарде? И, демон его подери, где он сам?..

Аквилонская королева в сердцах ругнулась так, что сама не поняла сказанного, и устремилась вдогонку за исчезнувшей дражайшей половиной их диковинного боевого союза. Ее не пустили. Ближайший из стражников преградил ей путь, яростно прошипев в самое ухо:

— Куда лезешь, дура? А ну назад!

Как позже заверял приятелей невезучий страж, если бы взглядом можно было испепелять, от него точно остались бы жалобно шипящие угольки. Так что он поспешно выпустил рукав непонятой женщины — вроде бы не благородной дамы, но и не зажиточной простолюдинки — и на всякий случай попятился.

— Там скрылся скогра, одержимый оборотень? — резко осведомилась черноволосая, на варварский манер носившая поверх обычной рубахи с вышивкой перекинутый через плечо широченный отрез красно-черной ткани. Почти так же выглядел и высоченный гигант подозрительно-диковатого обличья, за миг до того тенью шмыгнувший в проулок. С ним стражники дружно решили не связываться: неизвестный казался человеком, вполне способным одолеть медведя-людоеда, притом голыми руками.

— Так точно! — неожиданно для самого себя

бухнул гвардеец. — От самых Меховых Рядов гоним, он там драку затеял и смылся. Лишь бы не махнул через забор, а то опять ищи его по всему городу! А он, похоже, в полное забытие пришел, вот-вот обезумеет и начнет пластать направо-налево... Госпожа, ты бы покликала своего приятеля, а? Он, конечно, здоровенный, что твой лось, но с оборотнем никому не тягаться... Ох, вот он, оборотень, — затаился, зараза! Госпожа, сдайте назад, от греха!..

Узкий проем между двумя добротными заборами из деревянных плах тянулся десятка на два шагов, упираясь в замшелую бревенчатую стену какой-то постройки, овина или конюшни. Слева неопрятной кучкой валялся черный пес, под ним растекалось блескучее ярко-красное пятно. Клейкие темные сгустки обильно рассыпались по пыльным листьям лопухов, и Дженна с отвращением скривилась, заметив, что едва не наступила в кровавую лужицу.

Пегая борзая уцелела, поступив умнее своего собрата. Она держалась в отдалении, поджав хвост и безостановочно, глухо ворча — словно где-то рвали на куски длинную холстину. Заметив появление людей, собака начала медленно отступать под их защиту, передвигаясь на негнущихся, вытянутых как палки лапах.

Предмет ненависти и испуга животного скорчился в дальнем углу. Он (оно?) сидел на корточках в густых зарослях репейника — взгляд различал только горбящуюся спину да взлохмаченную голову, медленно раскачивающуюся из стороны в

сторону. В очертаниях фигуры что-то выглядело неправильным, не-человеческим, но Зенобия не стала задумываться, что именно.

Ее куда больше волновало, что поблизости от этой наверняка крайне опасной твари находится человек, общества которого она не собиралась так запросто лишаться.

Киммериец, пригнувшись и напружинив присогнутые в коленях ноги, застыл в десятке шагов от непонятного создания. Широкий кинжал в его здоровенной лапище казался игрушкой. Прислушавшись, Дженна уловила тихое, невнятное бормотание и посвистывание — точно Конан пытался успокоить напуганную и оттого бросающуюся на все живое злую собаку.

В переулке тем временем произошли некоторые изменения — явилось подкрепление. Сначала прибыл верховой, за ним катился непритязательного вида фургон, запряженный парой чалых лошадок. Из повозки высыпало с полдюжины стражников, спешно принявшихся выгружать на мостовую мотки веревок и свернутые сети.

Отсиживавшееся в бурьяне существо, должно быть, заметило не сулящие ему ничего хорошего приготовления и завожилось в своем укрыище. Качнулись потревоженные стебли, гвардейцы сторожко вскинули мечи, а аквилонка непроизвольно шарахнулась к забору, больно ударившись спиной о шершавые горячие доски и выхватывая из ножен стилет.

Скогра прыгнул.

Не как человек, как животное — бросив себя

в воздух на невеликую высоту, но зато сразу вырвавшись из кустов и преодолев не меньше десятка локтей. Приземлился он на четвереньки, благо его ноги, кажется, изрядно укоротились, став одинаковой длины с руками и приобретя способность гнуться в любых направлениях. Более всего в облике твари поражала голова — небывало вытянувшаяся в длину, с острыми звериными ушами, перекошенным ртом и глазами, сместившимися ближе друг к другу. Это был не оборотень в миг перехода из одной ипостаси в другую, не лишившийся разума человек, считающий себя зверем, и не бешеный волк, но нечто среднее, монстр человековидного образа в болтающихся обпосках приличной некогда одежды, сквозь которые лезли пучки жесткой бурой шерсти.

Метил одержимый не в Зенобию, стоявшую все-таки чуть дальше, чем оба стражника, и не в самого киммерийца. Один из гвардейцев заорал и отмахнулся мечом. Сталь впустую рассекала воздух, но все же этот отчаянный удар спас стражнику жизнь — острые когти, вместо того, чтобы разорвать яремную вену, полоснули его по предплечью и опрокинули навзничь. Тварь двигалась столь быстро, что глаза Дженны восприняли только какой-то смутный промельк, однако киммериец был не менее быстр. В тот самый миг, как оборотень вновь оттолкнулся от земли мощными задними лапами, Конан обрушился на него всей тяжестью, повалив в дорожную пыль.

Вскипела быстротечная схватка. Чудовище взре-

вело и отчаянно забилося, пытаюсь освободиться из железных объятий варвара. Двое блюстителей с мечами наголо бестолково приплясывали рядом, опасаясь поразить не ту жертву, раненый проворно отползал к забору. Внезапно из тучи пыли вырвалось длинное, низко стелющееся над землей тело и метнулось прочь, затем вслед ему сверкнула серебристая молния и раздался короткий оглушительный вой.

Подоспевшие гвардейцы набросили на корчащееся в пыли бесформенное создание сразу две прочных веревочных сети и принялись затягивать узлы, наваливаясь вчетвером — похоже, скогра отличался недюжинной силой. Впрочем, Дженну Канах дальнейшая судьба оборотня перестала интересоваться, едва она заметила, как ее героический супруг неловко поднимается с земли, зажимая бок и болезненно морщась.

— Конан! Ты ранен?

— Проклятье, — пробормотал король Аквилонии, ощупывая ребра. В добротном сукне его просторной рубахи зияла здоровенная прореха, но ни капли крови не появилось на плотно утоптанной земле. Конан наконец убрал руку, и из прорехи масляно блеснули звенья тонкой стальной кольчуги, предусмотрительно надетой им перед выходом в город. — Нет, хвала богам. Не ранен... Только староват я уже гоняться за демонами... Ты как, цела? Эй, любезный, какого лешего у вас происходит?

— Что у нас происходит, уважаемый, не твоего ума дело, хотя за помощь благодарю, — не-

слышно подошедший долговязый тип с бронзовым знаком квартального надзирателя на шее суховато кивнул и рукоятью вперед протянул Конану кинжал. Широкое лезвие было густо вымазано чем-то липким, почти черным. — А у тебя верная рука — прямо под лопатку... Жаль только, просто так эту тварь не убьешь.

Словно в подтверждение сказанного, плотный кокон из сетей задержался, яростно урча и пытаясь вырваться из рук блюстителей, на всякий случай окручивавших добычу еще и широкими полосами холста. На миг сквозь паутину веревок протиснулась растопыренная когтистая пятерня, больше смахивавшая на лапу хищной кошки, тщетно пытаясь если не проложить путь к свободе, то хотя бы вцепиться в кого-нибудь из пленителей.

— Грузите его, — распорядился дознаватель. Завывающего оборотня поволокли к фургону, и тут спешно листаемая незримая книга памяти аквилонской королевы наткнулась на требуемое имя, почти исчезнувшее со страниц за давностью лет. Разве можно позабыть это выражение лица — морду старого гончего пса, повидавшего за свою долгую жизнь такое количество удирающих зайцев и грозно фыркающих кабанов, что теперь любая дичь вызывает только сдержанное отвращение — или эту скучающую манеру говорить, глядя куда-то сквозь собеседника?

— Рэф, — Дженна неуместно хихикнула, чувствуя несказанное облегчение от того, что маленькое происшествие благополучно заверши-

лось. — Ну конечно, ты Рэф из... как его... из Ильгорта! Ты меня не узнаешь? Я Йен, Йенна Сольскель, дочка купца Стеварта. То есть уже давным-давно не Сольскель, — поправилась она, уловив мрачно-намекающий взгляд супруга. — Это ведь ты сопровождал тогда отца и меня до немедийской границы, я помню! Неужели я настолько изменилась, что в родных краях меня совсем забыли?

Меланхоличная физиономия на миг стала озадаченной. Светлые, точно выпетшие глаза быстро оглядели Зенобию с ног до головы, уделили такое же внимание ее спутнику и пришли к совершенно правильному выводу:

— Ваше ве...

— Обойдемся без ползания на коленях и долгих извинений, — махнул рукой правитель Аквилонского королевства. — Сколько я понимаю, вы повезете его в замок? Тогда нам по пути.

Лошади, недовольно фыркая и опасливо косясь в сторону громыхавшей за ними повозки, откуда продолжали нестись сдавленные вопли пленника, трусили в сторону коронной цитадели. За фургоном шли гвардейцы, в очередной раз обсуждая подробности удачной охоты и ковыляла пегая гончая. Замыкал шествие дознаватель Восточного квартала, известный почти всему Вольфгарду Рэф и странноватая парочка варварского обличья, с двух сторон осаждавшая дознавателя настойчивыми расспросами. Отвечать Рэфу, похоже, не хотелось, но выбора ему не оставили.

— Скажи-ка мне, служивый, — допытывался

киммериец, — ширриф вот хвалился, будто твоими стараниями этих самых скогров, то бишь одержимых, вскорости переловят. Много их уже набралось?

— Восемь, включая того, что убили в «Короне и посохе», — последовал лаконичный ответ. — Этот девятый. Последний.

— Да ну? — поразился варвар. — С чего ты взял?

— Просто знаю, и все, — пожал плечами дознаватель. — Можно сказать, я их чую, Ваше величество. Я даже знаю, о чем эта тварь сейчас думает.

— И о чем же? — спросила Дженна.

— О том, как славно было бы кого-нибудь загрызть, — ответил Рэф.

Беспечный тон его слов обманул киммерийца, все еще разгоряченного схваткой, и Дженну, думавшую о чем-то своем. Однако ни тени улыбки не промелькнуло на узком лице их собеседника, а взгляд сделался на миг странно ожесточенным.

Глава шестая

Безмолвные голоса

*25 день Первой летней луны.
Поздний вечер.*

Нейя Раварта шла по галерее, ведущей к личным покоям короля Пограничья, неся в руках серебряный поднос и настойчиво убеждая себя: она не имеет права взять и снова разрыдаться. Собственно, она уже успела вволю похныкать — когда с четверть колокола тому умудрилась споткнуться на лестнице и выронить этот распроклятый поднос. Королевский ужин частью разлетелся по ступенькам, частью украсил подол юбки, а в довершение несчастий на это зрелище снисходительно взирала парочка случайно оказавшихся поблизости молодых людей из свиты Аквилонца.

Было бы смешно надеяться на их помощь, но благородные месьюры заодно воспользовались слу-

чаем от души посмеяться над безрукой девицей, которую они именовали «премилой служаночкой» и пару раз чувствительно щипнули такую за задницу.

Разумеется, они отлично знали, кто такая госпожа Раварта, но не идти же жаловаться на каких-то не в меру резвых оболтусов? И не объяснять же им, что порядки Вольфгардского замка вполне допускают, чтобы подруга короля сама относила ему ужин по вечерам, а не доверяла эту простую обязанность слугам. Эртель тоже полагал, что все правильно и сообразно: сперва устраивать малую парадную трапезу для друзей или гостей, а потом, поздним вечером, еще одну — только для них двоих.

Нейя вернулась в кухни, велела приготовить еще один ужин, а потом села в углу на косоногий табурет и разревелась в три ручья. От обиды, от злости и еще от страха. В последнее время она вдруг стала постоянно бояться. Не того, что ей вдруг придется покинуть замок и вернуться домой, не насмешек со стороны гостей, но чего-то иного, чего и словами-то не высказать.

Казалось бы, откуда взяться такой беспричинной боязни? Нейя прожила на свете достаточно, чтобы навидаться пугающих вещей — голодные зимы, тревожные времена затяжной войны с мятежными баронствами в Восходных землях Пограничья, и те события, что произошли два года назад — тогда довелось испытать едва ли не самое худшее. В стычке на границе с Гипербореей погиб Веллан, лучший друг и кровный брат Эр-

теля, наравне с ним считавшийся едва ли не приемным сыном старого короля Эрхарда. Спустя две или три седмицы отошел и сам Эрхард — сохранив ясный ум до последнего мгновения и публично назвав племянника новым правителем страны. Немедля вспыхнула такая свистопляска, до сих пор вспомнить жутко. Нынешние невзгоды — ерунда по сравнению с теми.

«Подумаешь, гномы удрали под землю, — девушка всхлипнула в последний раз, вытерла глаза и постаралась успокоиться. — Они вернутся. Аквилонский король сам ходил к dwarfgскому старосте и, как говорят, взял того за бороду да тряс до тех пор, пока гном не дал клятву воротить подгорный народец в Вольфгард к концу лета. И ярмарка, по общему уговору, немного потеряет — вместо ушедших dwarfgов их изделия станут продавать посредники из людей. А никакой войны с Гипербореей не случится — это все злопыхательские сплетни. Сперва мы и Халога будем долго-долго отписывать друг другу разгневанные послания, потом начнем торговаться — много ли они дадут за то, чтобы заполучить обратно своих колдунов, да желательно целыми и живехонькими? Все будет хорошо, надо только обождать чуток. Эртель сердится лишь оттого, что так невовремя стряслась эта неприятность с Гипербореей и dwarfgами. Безумных оборотней переловят, и Ренисенб обязательно придумает что-нибудь для того, чтобы к ним вернулся рассудок... — тут Нейя поневоле хихикнула: — Как только госпожа магичка сама начнет сообра-

жать о чем-нибудь, помимо общества его милости ширрифа».

Она боком толкнула скрипнувшую дверь и тихонько вошла. Из соседней комнаты падало рассеянное пятно света, слышался шорох перебираемых бумаг и разговор на два голоса, второй из которых, вне всякого сомнения, принадлежал помощнику коменданта крепости, явившемуся для обычного ежевечернего доклада.

Беседа прервалась громким вопросом Эртеля: «Нейя, это ты? Обожди, мы скоро закончим!»

— Конечно, — отозвалась госпожа Раварта, расставляя на столе приборы и мимолетно бросая взгляд в распахнутое окно. Солнце садилось куда-то за далекие Немедийские горы, и в закатном свете лежавшая среди холмов столица Пограничья выглядела на редкость тихим и спокойным городом. Трудно представить, что всего через четыре дня здесь начнется самое большое торжище на всей Полуночи. Вон там, на обширном лугу около восходной окраины, ночь напролет горят факелы и стучат молотки — возводятся новые и новые торговые ряды.

По деревянным дощечкам заклацали когти, послышалось вежливое сопение. Нейя привычно опустила руку, и в ладонь сразу ткнулся влажный звериный нос. Поздоровавшись, животное подбежало к окну и встало на задние лапы, пристроив лобастую голову на узком подоконнике и тоже разглядывая Вольфгард. Одного не понять, смотрит он туда подобно человеку — узнавая знакомые места или размышляя о чем-то, или

зверю (каковым вроде является) — бездумно следя за движениями огоньков в окнах и теней на улицах в ожидании, когда начнется ужин.

Волчонок-подросток палевой масти оглянулся, словно подслушав размышления девушки, и ухмыльнулся широко открытой пастью — как вполне разумное создание, которым он мог быть... а мог и не быть. В точности ответить на этот вопрос затруднялся даже придворный маг, Тотлант Луксурский, который, по общему убеждению, знал все на свете. Нейя собственными ушами слышала, как стигиец предложил считать четвероногого обитателя замка на удивление сообразительным, но все-таки животным, покуда не будет со всей определенностью доказано обратного. Эртель, выслушав доводы магика, рассудил по-своему: «В первую очередь это ребенок. Какая разница, кто он на самом деле под этой шкурой?»

Самым удивительным — или пугающим, как посмотреть — в этой запутанной ситуации представлялось иное. Ежели дотошно придерживаться буквы всяких уложений о наследовании, случись что с Эртелем или не пояись у него собственных законных отпрысков, престол и корона Пограничья переходят в руки... то есть в лапы подрастающего волчонка по кличке — или все же по имени? — Гвен. В переводе с бритунийского сие короткое словечко означало «светлый» или «белый».

Именно так позапрошлой мокрой осенью представляла маленькое лохматое создание внезапно овдовевшая и еще не пришедшая в себя Альвис,

подруга Веллана. Невзирая на все уговоры, она твердо решила уехать из Пограничья в родные края, то есть в Чарнину. Альвис увезла с собой и двоих отпрысков Веллана (чего Эртель до сих пор не мог ей простить), но третьего, этого самого непонятного белого волчонка, оставила — как постоянный живой укор. На прощание Альвис еще бросила, что «это отродье», прижитое ее покойным мужем непонятно от кого, признавать своим ребенком она не собирается.

Малыш поселился в Вольфгардском замке — приемышем Эртеля Эклинга и Нейи. Вскоре выяснилось, отчего Альвис зло поименовала маленькое существо «отродьем». Гвен представлял из себя редкий случай союза представителя Карающей Длани, пребывавшего в облике зверя, и самой настоящей дикой волчицы. Плоды таких встреч, если они умудрялись появиться на свет, не обладали даром оборотничества и мало чем отличались от обычных животных.

Однако Эртель вбил себе в голову, что дитя его давнего сотоварища будет исключением. Подтверждений тому пока не имелось, ибо за минувшие два с небольшим года Гвен ни разу не перекинулся в людской облик. Он казался умнее большинства живших в замке собак, но попытки обращаться к его разуму, как это происходит между оборотнями, ничего не давали. В остроухой голове с блестящими изжелта-голубоватыми глазами обитал зверь, а не человек, и Эртелю рано или поздно придется с этим смириться.

«Поживем — увидим, — пыталась ободрить

сердечного друга госпожа Раварта. — Может, мальчику на роду написано становиться человеком всего два или три раза в жизни. Мы, Карающая Длап, ведь бываем разные. Кто-то, вроде тебя, превращается довольно часто. Кто-то — очень редко. Я, к примеру, пусть и оборотень, а перекидывалась всего пару раз, когда была маленькой».

Насчет последнего Нейя ничуть не преувеличивала. Она действительно не испытывала тяги к смене облика, ощущая себя в большей степени обычной женщиной из рода людей, нежели лесной хищницей. Нейя даже мясные блюда предпочитала, и на парадных обедах украдкой скормливала свою порцию никогда не отказывавшемуся Гвену и его хвостатым друзьям.

* * *

Скверное настроение молодого короля Пограничья сегодня пошло на убыль. Тому имелись веские причины — в Вольфгарде за минувшие дни не случилось ничего из ряда вон выходящего. Бегство dwarves продолжалось, но уходили гномы маленькими караванами, в общем столпотворении не привлекавшими излишнего внимания. Внезапно помешавшиеся оборотни-скогры по улицам больше не бегали, кровавых убийств не происходило, а шумную свару в таверне «Сломанная подкова» затеяли самые настоящие люди — каковые теперь коротали время в городской тюрьме.

Эртель рассказывал, умудряясь между делом истреблять содержимое тарелок и кувшинов, госпожа Раварта слушала, белый волчонок изображал коврик перед камином и сонно зевал. Для него людские хлопоты не имели никакого значения.

— Да, чуть не забыл — самая свежая и увлекательная сплетня, разгуливающая по городу. Одно из замороженных умудрился изловить лично Киммериец. Приспичило ему отправиться вкупе с Йен шататься по городу и вспоминать былые развеселые деньки... Темвик клянется, будто столкнулся уже с доброй полусотней очевидцев, с пеной у рта повествующих о сем великом сражении, хотя на самом деле там околачивался только десяток городской стражи, — Эртель хмыкнул, в очередной раз поразившись размаху человеческого воображения. — Ладно, с этой обузой почти справились. Теперь бы еще благополучно пережить Ярмарку, и останется только сильно невзлюбившая нас Гиперборея... Слушай, у тебя просто такой грустный вид или ты о чем-то думаешь?

— Думаю, — Нейя поднялась из-за опустевшего стола и по давней привычке встала позади кресла Эртеля, немедленно ткнувшегося затылком в подставленные женские ладони. — Я очень рада, что все налаживается, только... Только меня кое-что беспокоит. К примеру, твоя голова — она по-прежнему болит?

— Ты прямо как моя матушка, — снисходительно проворчал король Пограничья. — Стоило мне разок чихнуть и она сразу решала, что я помираю.

— После рассказов Рени мне отчего-то показалось нелишним пойти и расспросить живущих в крепости оборотней, как они себя чувствуют в последние дни, — поколебавшись, девушка решила поделиться своими невеселыми открытиями.

— И что ты узнала? — рассеянно поинтересовался Эртель. Он как раз изловил пушистый кончик длинной косы подруги и стал разделять ее на отдельные прядки.

— Темвик сперва отмалчивался, а потом пожаловался на сильную головную боль, — добросовестно начала перечислять госпожа Раварта. — Говорит, она пропадает, то вспыхивает снова, и тогда ему мерещатся всякие вещи, которых на самом деле нету. Модран, старшина охраны в покоях гостей, сказал: его тянет бросить все, перекинуться и удрать на денек-другой в лес. Дама Серейда, ключница, обмолвилась, что к ней опять стали приходить сны о ее молодости, когда она едва не примкнула к Стае Бешеного Вожака и успела лишить жизни с десяток человек. Лути, одна из белошвеек, моя давняя подруга, уже четвертый день не выходит на работу. Я не смогла с ней толком поговорить — она заперлась у себя в комнате и твердит, что ей страшно. У Джия, помощника старшего ловчего, тоже ноет голова и вдобавок он слышит шепот, подбивающий его напасть на кого-нибудь. Этот голос, как он сам заметил, его не пугает, но... как бы это сказать? — околдовывает.

При каждом новом имени Эртель Эклинг едва

заметно кивал, словно Нейя каким-то образом подтверждала известные ему одному сведения. По его лицу блуждала странная, мечтательная полуулыбка.

— Наконец, я сама, — явно через силу выговорила Нейя. — У меня вроде бы нет головных болей, но я с недавних пор я вижу один и тот же сон. Меня преследует какое-то страшное существо, я убегаю от него на вершину крепостной башни. Снаружи ночь, подо мной город — не знаю, Вольфгард или нет — и в нем множество пожаров. Тут я понимаю, что сбежать не удастся, но есть выбор. Обернуться зверем и драться, либо остаться человеком и прыгнуть вниз. Я прыгаю и просыпаюсь... А вдобавок сегодня днем я за какой-то надобностью зашла в кухни. Там готовили баранину и вдруг, ни с того, ни с сего я тайком подобрала случайно упавший кусочек и съела. Сырой кусок мяса — это так противно, но я преспокойно его сжевала, можешь себе представить?

К собственному удивлению, она говорила вполне спокойно:

— С этим нужно срочно что-то делать. Люди, с которыми я беседовала, не имеют никакого отношения к гиперборейцам, но с ними творится неладное. А ты — разве ты не замечаешь за собой никаких изменений? Не обижайся, любовь моя, но ты стал не в меру раздражительным. Я уж не напоминаю про этот разговор с двергскими посланниками...

— И правильно делаешь, что не напоминаешь,

— резковато оборвал король Пограничья. — Из нас двоих лекаря, по-моему, нужно звать именно к тебе. Этими разысканиями ты себе напрочь голову заморочила: Поговори лучше с Ренисенб или с Тотлантом, когда он вернется — они умеют копаться в человеческих душах. Лично мне все рассказанное тобой кажется... э-э...

— Чепухой, — со вздохом подсказала Нейя, на шаг отступая от кресла. Вернее, пытаюсь отступить, ибо хвост наполовину расплетенной белокурой косы по-прежнему оставался в руках у Эртеля. — Думаю, мне лучше вернуться к себе.

— Сиди, — мотнул головой оборотень. — Сперва жалуешься, что видишь жуткие сны и таскаешь мясо с кухни, а потом собираешься ударить? Ты останешься здесь, зато кое-кто пойдет искать другое место, чтобы вздремнуть... Гвен! Я кому говорю?

Серебристый волчонок на протяжении всего путаного рассказа Нейи Раварты полулежал, наострив уши, будто понимал каждое слово. Заслышав же распоряжающийся голос отчима, зверь немедленно плюхнулся набок и отвернулся, прикрыв морду лапами.

— Гвен, пошел вон, — с нажимом повторил Эртель. — Не заставляй выбрасывать тебя за дверь, ладно?

— Да пусть сидит... — заикнулась Нейя, сразу же прикусив язык — кажется, владелец Пограничья снова начинал злиться. Возражать ему в такие мгновения не стоило. Понимал это и прие-

мыш: нехотя встал и исчез в темном коридоре, на прощание коротко и сердито рыкнув.

— Он мне мешает, — коротко пояснил Эртель, используя многострадальные локоны подружки вместо аркана, чтобы притянуть девушку к себе и заставить опуститься на широкий подлокотник кресла. — Ходит тут, подглядывает, вынюхивает, кланчит... Иногда я вообще перестаю понимать, ради чего мы держим его в замке. Он прекрасно жил бы и в лесу... а еще можно подарить его детям Аквилонца. Вместо игрушки или как новую тварь для зверища.

— Ты шутишь? — переспросила окончательно сбита с толку Нейя. — Гвен не бессловесное животное, чтобы запросто отдавать его кому-нибудь!

— Правда?! А какое же он животное, ежели не бессловесное? — фыркнул Эртель. — Или вы с ним втайне беседуете о поэзии Эрмирия Кудесника? Да, между прочим, по какому праву ты вечно перечишь своему королю? Вроде бы я правлю этой страной, значит, никакой нахальной девице не дозволяется пилить меня с утра до ночи и с ночи до утра. Нейя Раварта, по-моему, ты высказываешь неуважение к монархии. Таковой проступок подлежит наказанию, причем немедленно, — он дурашливо хмыкнул, и этот смех отчего-то заставил девушку испуганно шарахнуться в сторону.

— Я хочу уйти, — жалобно повторила она. — Ну пожалуйста. Все равно у нас сегодня ничего не выйдет...

— Слушай, да помолчи ты хоть немного! — в сердцах рывнул Эртель Эклинг.

Пожалуй, его высказывание стало последней разумной и членораздельной фразой, прозвучавшей нынешним вечером.

То, что последовало затем, больше смахивало на бестолковую и яростную потасовку между не желающим проявить хоть немного терпения мужчиной и женщиной, сопротивляющейся уже не из кокетства или для виду, а всерьез. Для начала опрокинулось набок тяжеленное кресло, его судьбу разделили стол и подставка для оружия — ее перевернула Нейя, в отчаянной попытке достигнуть дверей и выскочить наружу.

Эртель успел схватить ее за подол платья и, шипя от ярости, втащил обратно. Толчок в спину вынудил оступившуюся девушку неуклюже шлепнуться на пол.

Сражение продолжилось на новехоньком офирском ковре, вскоре завершившись для госпожи Раварты полным поражением.

Сил бороться больше не осталось, и королевская подружка сдалась, остатками здравомыслия решив, что проще немного потерпеть.

В конце концов, ей же не угрожают немедленной смертью, если она и дальше будет упрямиться. Вдруг, добившись желаемого, Эртель отпускает ее?

Нейя ошиблась.

Обычно ее друг и в постели оставался таким, как в жизни — немного самоуверенным; грубовато-ласковым, всегда готовым посмеяться и нико-

гда не прибегавшим к силе. Сегодня же она угодила в лапы к чудовищу, от которого любой женщине стоит держаться подальше.

Точно со стороны, она увидела: взъерошенная девица в непристойно задранных юбках и обрывках блузы стоит на четвереньках, беспомощно ожидая, когда насильно овладевший ею мужчина наконец удовлетворится и прекратит безжалостные мерные рывки взад-вперед.

Выражение лица жутковатого типа, которым обернулся давно знакомый человек, испугало девушку еще больше — оно стало рассеяннотрепанным, словно Эртель дремал с открытыми глазами.

И он продолжал размеренно двигаться, не обращая внимания на хриплые вопли Нейи, умолявшей его остановиться и чувствовавшей, как с тонким звоном рвутся хрупкие нити, удерживающие на привязи ее собственного Зверя. Медленно гаснущее сознание вдруг нарисовало картину: стены комнаты сменились древесными стволами, между которыми плывут клочья тумана, а на окраине поляны пара волков занимается тем же нехитрым действием.

В отличие от людей, звери явно испытывали удовольствие, и Нейе внезапно, до головокружения и судорог, захотелось оказаться в ночном лесу. Стать бездумным, нерассуждающим существом, довольным каждым прожитым днем и озабоченным только поиском добычи. Тогда никто, никто не заставит ее делать то, чего ей не хочется.

27 день Первой летней луны.
Утро.

— Никого там нету! — раздосадованный мальчишеский голос пролетел над винтовой лестницей Драконьей башни, а вслед за ним показался и его владелец — прыгающий через три ступеньки и ужасно возмущенный. Подросток навалился на тяжелую дверь, нехотя поддавшуюся его усилиям, и выскочил на открытую галерею, где дожидалась загадочная подружка и верная сообщница в любых проказах.

— Нету? — Принцесса Диса удрученно вздохнула. — Ты уверен?

— В следующий раз попрошу отца сходить и постучаться, — Лаэг оседлал каменные перила и скорчил недовольную физиономию. — Мне никто не открывает. Ее нет дома.

— Но я видела ее в замке, — настаивала Ричильдис. — Вчера днем.

— А сегодня утром она уже успела куда-то сбежать. Они тут все какие-то слегка умом тронутые, особенно с того дня, когда гномы затеяли учинить свой исход, — самоуверенно припечатал мальчик. — Не понимаю, отчего бы их правителю просто не приказать этим карликам оставаться в городе? Ладно, побывать в гостях у колдуньи нам пока не удастся. Чем займемся, пока не явилась дама Эмерельд и не начала нас воспитывать?

— Спрячемся! — немедленно обрадовалась девочка.

Вольфгардская цитадель не произвела на юных

наследников Аквилонского престола особенного впечатления, хотя, согласно правилам этикета и по соображениям вежливости они изо всех сил старались этого не показывать. Нехорошо, если старые друзья отца и матушки будут чувствовать себя обиженными из-за того, что им приходится жить в таком неприятельском замке. К тому же здесь на детей обрушилась внезапная свобода. Наставники и учителя остались в Тарантии, родители, словно вспомнив былые годы, заново увлеклись друг другом, и младшие из семейства Канах оказались целиком и полностью предоставлены сами себе. От этого жизнь сразу стала веселее, хотя Лаэг и Диса дружно сошлись во мнении: Пограничье вообще и Вольфгард в частности — замшелая провинция. Хуже, чем какой-нибудь форт Аргентум на границе с Пиктскими Пущами или отдаленные гандерландские крепости.

Но скучать здесь не приходилось — хватало любопытных событий и необычных людей. Скажем, неуловимая стигийская волшебница, которую никак не удавалось застать в отведенной королевским магикам отдельной башне.

— Прятаться от Эмерельд неинтересно, — отмахнулся Лаэг и заговорщицким шепотом предложил: — Но я придумал, где никто в жизни не подумает нас искать. В подвалах! Заодно глянем на одержимых оборотней, из-за которых поднялось столько шума.

— Нас туда не пустят, — не слишком решительно возразила Диса.

— Скажи честно, что боишься, — поддел сестру мальчик. — И вообще, кроме отца и мамы, никто не может нам ничего запрещать!

Сидевшая на ступеньках Ричильдис снизу вверх посмотрела на неугомонного братца. Как-то само собой получилось, что средний отпрыск Аквилонского Льва без труда вил веревки из окружающих, особенно из женщин. Первыми его жертвами стали многочисленные нянюшки, которые просто не могли ни в чем отказать врученному их попечению маленькому принцу. Родившаяся спустя два года Диса пополнила ряды обожательниц своего подрастающего брата, став его неотлучной тенью. Они всегда держались вместе, рано осознав нехитрую и грустную истину — все лучшее и вместе с тем самое трудное выпадет на долю первенца семейства, Конни. Младшим же брату и сестричке предстоит либо тихо обитать под сенью престола, когда Коннахар сменит отца, либо добиваться чего-то самим. Но, как верили дети, от взрослой жизни их пока отделяет целая бесконечность, и ее нужно провести с толком.

— Ничего я не боюсь, — запальчиво нахмурилась девочка, хотя на самом деле ей было немного страшновато. — Вот спорим, ты не знаешь, как попасть в эти подземелья?

— Пошли! — Лаэг свалился с ограждения галереи и помчался вниз по лестнице, не оглядываясь и в полнейшей уверенности, что Ричильдис послушно бежит следом. Он вообще редко в чем-нибудь сомневался: то ли по молодости лет, то ли по врожденному качеству характера.

Ребяческая самонадеянность сразу же наткнулась на взрослую обязательность. Караульные у входа в подземную часть Цитадели, пусть и дрогнули сначала перед твердым намерением коронованных детишек непременно войти в подвал, открывать двери не торопились. Это неминуемо предвещало небольшой скандал: если Лаэг Канах не получал желаемого, он начинал злиться, на глазах превращаясь из милейшего ребенка в ядовитого насмешника. Лаэг, надо отдать ему должное, никогда не ссыался на своего грозного отца и не пытался страшить возможными немилостями. Взамен он на удивление быстро отыскивал в собеседнике уйму черт, достойных осмеяния. В Тарантийском дворце давно свыклись с тем, что младшему королевскому сынку лучше уступить, чем возражать, но в Вольфгарде об этом пока не догадывались.

Ричильдис краем уха внимала оживленной перепалке брата с явившимся на шум десятником караула и думала: хорошо бы Лаэга все-таки не пропустили. Лазанье по подвалам выглядело не самым подходящим занятием для принцессы, а услышанные от фрейлин матушки сплетни об заклятых полуволокках-полулюдах сначала изрядно перепугали девочку.

Потом кто-то сказал, что всех скогров изловили, но Диса все равно не успокоилась. Она никак не могла понять, как может существовать подобное — зверь и вместе с тем человек? Либо одно, либо другое. Диковинные какие-то порядки в этом Пограничье. Похоже на сказку, а сказки,

как ей не раз объясняли, всего лишь забавная или поучительная выдумка.

Конец препирательствам положило явление отчасти знакомого лица — со стороны служб подошел месьор управляющий коронного замка. Следом пледся чрезвычайно удрученный пес серо-серебристой масти, чуть оживившийся при виде Дисы и вяло помахавший ей хвостом. Животное не возражало против того, чтобы его погладили и для смеху дунули в нос — длинная морда зверя немедля сморщилась, а губы задралась, открывая пока еще мелкие белые клыки. Ричильдис припомнила, что это все-таки не овчарка, а молодой волк. Зовут его Гвен и он считается приемным сыном и наследником здешнего короля. Такому утверждению Лаэг и Диса сразу не поверили: слишком уж оно невероятно звучало. Животное не может наследовать, тем более целое королевство, пусть и захудалое!

Выслушав обе стороны, месьор Магнуссон на краткое мгновение скривился и вынес решение: «Отпирайте. Хотят — пусть посмотрят. Я сам их провожу».

Залязгали ключи, загромыхало железо о железо, тяжело и внушительно скрипнула дверь. За ней потянулся самый обычный коридор — облицованный плитами серого и красноватого гранита, еще не успевшими покрыться следами копыт от постоянно чадающих факелов, низкий сводчатый потолок, через равные промежутки прерываемый изгибами арок, уходящими в стороны темными ответвлениями и дверями — то

деревянными, обшитыми для крепости полосами железа, то решетчатыми. Увиденное мало отличалось от подземелий Тарантийской крепости, даже запах схожий: тянет сырой прохладой, землей и почему-то перебродившим вином. Наверное, часть подземелий, как это заведено, используется под склады провизии.

Звуки людских шагов гулко отражались от потолка, переплетаясь с частым цокотом звериных когтей — Гвен бежал чуть впереди, порой бросая косой взгляд через плечо.

— Ежели не секрет — зачем вам понадобились спятившие оборотни? — по-свойски осведомился Темвик, в очередной раз наклоняясь и уберегая голову от близкого знакомства с выступами на потолке. — Сколько твердили — за этими дверями нужен глаз да глаз! Отгрохали громадину, но постоянно забывали — строят для людей, а не для своих приплюснутых сородичей!

Лаэг, к которому обращались с вопросом, здраво рассудил, что на сегодня спор достаточно, а требовать от провинциалов должного соблюдения правил приличия не имеет смысла. Здесь разговаривают так, как привыкли с детства.

— Интересно, — честно признался он. — Мы никогда не видели ничего подобного. Кроме того, когда мы вернемся в Тарантию, наш достопочтенный преподаватель словесности наверняка потребует от меня и Дис составить повествование об этой поездке. Вот я ему и напишу такое... чтобы по ночам кошмары снились.

Магнуссон оценил замысел и хрюкнул. В по-

вадках этого человека крылось нечто от большой и добродушной с виду собаки, вроде тех, что стерегут отары на пастбищах Таурана.

— Простите, а вы сами — тоже... э-э... оборотень? — рискнула встрять в разговор Ричильдис.

— Угу, — не удивился вопросу Темвик. — Самый настоящий. Можете спросить у своего отца — он подтвердит.

— А он? — Диса показала на серебристого волчонка.

— Насчет него — не знаю. Гвен какой-то неудачливый уродился. Вроде не зверь, но и не оборотень. Может, когда повзрослеет, станет ясно, что он такое.

Трое посетителей и волк свернули направо, спустившись по лестнице с крутыми ступеньками и выйдя в маленький полукруглый зал, вроде обычного караульного помещения. Там имелись люди — трое стражников, торопливо выскочивших из-за стола и вытянувшихся по стойке «смирно» (один, как успел заметить Лаэг, еле успел прибрать в карман маленький стаканчик и кубики только что метаемых на столе костяшек), и самые настоящие заключенные.

Узники размещались в камерах, выгороженных массивными решетками и больше смахивающими на клетки зверинца. Ричильдис с боязливым любопытством уставилась на непонятные силуэты и на всякий случай шагнула поближе к брату.

— Это не одержимые, — пояснил Магнуссон, — всего лишь не в меру буйные обыватели, кото-

рые сидят за погром гиперборейского посольства. Святой брат! — он возвысил голос: — Эй, брат Бомбах, как поживаем? Все также упрямо проповедуем истребление колдунов или собираемся покаяться в содеянном?

В темноте за решетками завозились, прокашливаясь и нехотя поднимаясь на ноги, смутно видимые силуэты. В моргающем свете масляных ламп ясно различалась выступившая к самой решетке коренастая фигура в оборванном балахоне, когда-то носившем гордое звание одеяния служителя митрианского ордена.

— Не раскаивался и не стану, — басовито заявил монах. — Ибо за веру святую и за землю отеческую лишения многие претерпеть готов. А вот добрых людей столько держать в неведении — нехорошо. Сказали б им, чего ждать, чтоб не маялись понапрасну.

— Чего с вами делать — это пусть король решает, — невозмутимо отрезал Темвик. — Приговор же будет выноситься аккуратно на Ярмарке, до которой осталось...

— Три дня, — с готовностью подсказал Лаэг.

— Ага, точно, — кивнул управляющий. — Три дня. Так что ведите себя тихо, а брат Бомбах поведаст вам что-нибудь душеспасительное. Ну что, не передумали? — он развернулся к невольным притихшим детям. — Пойдем знакомиться с нашими бедолагами?

— Пойдем, — упрямым и настойчивым младший из принцев Аквилонии вполне мог поспорить с собственным отцом.

* * *

Одержимых представителей народа Карающей Длани содержали по соседству. Требовалось только открыть дверь из караульного помещения и одолеть десяток ступенек вниз. Гвен, едва перешагнув порог, немедленно заворчал, низко пригнув голову и вздыбив шерсть на холке. Ему явно не хотелось входить; но и бегство он считал ниже своего достоинства.

Внизу оказалось темно — неуютный мрак разгоняли только робкие огоньки закрепленных на стенах факелов. Слышалось чье-то жалобное хныканье, неразборчивые причитания, мягкий топот безостановочного кружения запертого в клетку дикого животного. Пахло страхом, если, конечно, отвлеченное чувство может иметь запах — прогорклый и одновременно сладковатый, как в давно заброшенном склепе. Здесь царили отчаяние и настороженность, а еще — невероятное желание оказаться на свободе. Оно было столь сильным, что приобрело осязаемость, и эта бестелесная осязаемость со всего размаху обрушилась на маленькую Дису, оттолкнув ее к холодной стене. Девочка растерянно затрясла головой, и тут в темноте прозвучал вполне нормальный (отчасти слегка раздраженный) женский голос, произносивший слова с диковинным прищелкиванием на окончаниях:

— Какого демона?! Я же просила меня не беспокоить! Кого там носит?

— Это мы, — обескураженно произнес Темвик

Магнуссон. — Кажется, нас забыли предупредить... Рени, что ты здесь делаешь?

— Колдую, разумеется, — невидимая женщина зажгла еще одну лампу, став из смутной тени вполне живой и узнаваемой госпожой Ренисенбэш'Шарвин. — Оправдываю выдаваемое мне казной жалованье... Темвик, ты свихнулся? Зачем ты притащил сюда детей? — последние фразы переполняло неподдельное возмущение и испуг.

— Они сами захотели, — проворчал управляющий Цитадели. — Что в этом страшного?

— Мы хотели навестить вас, но в башне уже который день никого нет, — перешептывая добавила Лаэг. Временно позабытая всеми Диса присела на холодную ступеньку, обняв мгновенно оказавшегося рядом волчонка. Тот мелко вздрагивал и чуть слышно скулил.

— Не спорю, обещания надо выполнять, — магичка поставила лампу на колченогий стол, сооруженный из брошенных на козлы досок и заметно просевший под тяжестью огромных фолиантов и свитков, и принялась складывать в большую кожаную суму какие-то позвякивающие флакончики и медно поблескивающие коробки. — Что, наверху уже утро? Выходит, мы проторчали здесь почти всю ночь?.. Особых успехов я не достигла, так что вполне могу пойти принять гостей.

— «Мы»? — Темвик огляделся по сторонам, не решаясь приблизиться к клеткам. — В смысле, ты и они?

— В смысле, я, эти лишившиеся ума бедняги

и еще кое-кто, — госпожа Ренисенб махнула рукой в глубину помещения, откуда неторопливо выступил высокий силуэт. Магнуссон, завидев приближающегося человека, ехидно хмыкнул:

— Рэф, ты тоже решил заделаться колдуном на старости лет? Тебя-то какими ветрами сюда занесло?

— По моей просьбе, — отрезала стигийка. — Сложно объяснить, но вообще-то он мне помогает. Эти бедняги почти не разговаривают, а у господина дознавателя установилось с ними какое-то диковинное... взаимопонимание, что ли... Провалиться мне на месте, если я уразумела, как он это делает. Рэф! — позвала она. — О чем сейчас размышляет месьор Шелорис?

Месьор Шелорис, в недавнем прошлом содержатель пекарни на Медовой аллее, скорчился в дальнем углу неопрятной грудой, пряча от яркого света отвыкшие глаза и негромко подвывая. Рэф не торопясь шагнул к его клетке и несколько мгновений вглядывался во мрак.

— Очень напуган, — наконец сказал он негромко. — Много света. Много людей. Ему стыдно перед... не понимаю, что он имеет в виду... перед Грядущим Вожаком, что ли?.. за свою слабость. Он думает, из-за этого ему не позволят занять место в будущей Стае...

— Принцесса! — сдавленно ахнула магичка, перебивая. Зажатая в ее руке очередная склянка с треском разбилась о каменный пол. Волшебница сорвалась с места, взмахнув широкими рукавами черной хламиды, и ринулась к лестнице.

Она успела вовремя — на мгновение раньше, чем Диса, несмотря на все усилия Гвена поддержать ее, начала соскальзывать вниз со ступенек.

Маленькая аквилонка не потеряла сознания. Просто ей показалось, будто в ее голову, как завоеватели в покоренный город, разом ворвалось множество чужих, незнакомых и опасных личностей. Она стала этой жутковатой всклокоченной девушкой, сидевшей на корточках подле решетки, той самой, с которой возилась Ренисенб. Разум несчастной («Мави, ее зовут Мави, но скоро она забудет, что значат эти непонятные звуки») еще сохранил отдельные человеческие способности, осознавая, что происходит вокруг и что ей пытаются помочь, но обитавший внутри зверь видел только неодолимые прутья решетки, ощущал голод, стремление двигаться и полнейшую невозможность покинуть пугающее место, в котором он пребывает.

Еще Диса увидела себя — откуда-то снизу, как если бы она чудесным образом уменьшилась ростом до размеров собаки, всегда пребывающей на уровне человеческого колена. В этом видении мечущиеся вокруг нее фигуры не имели отчетливых выражений лиц, зато приобрели смутные мерцающие ореолы: тревожный красноватый, ярко-зеленый, прохладно-голубой и ее собственный — глубокого пурпурно-фиолетового цвета, совершенно не вяжущийся с бледным пятном лица и двумя темными провалами глаз в обрамлении черных прядей. Ее звали, голос брата с отчаянной настойчивостью повторял ее имя, и, уже

почти вернувшись обратно, в привычный мир, девочка сообразила — она умудрилась взглянуть вокруг глазами крутившегося рядом волчонка. Вот, оказывается, какими звери видят людей... Но почему Гвен так беспокоится за нее?

— Я же говорю — она просто струсила и шлепнулась в обморок, — немедленно заявил Лаэг, переживавший больше всех, стоило сестренке пошевелиться и разумно оглядеться. — Чего, спрашивается, тут бояться? Оборотни сидят за решеткой и в жизни отсюда не выберутся, правда?

— Мы должны сообщить об этом происшествии вашим родителям, — убежденно заявил Темвик Магнуссон, поднимая девочку со ступенек и устраивая ее на своем плече.

— Только не это! — взвыл мальчик. — Не надо! Тогда не видать нам ни Ярмарки, ничего — нас заставят безвылазно сидеть в замке или, чего доброго, отошлют домой! Не говорите им, а? Ведь с Дис не случилось ничего скверного!

— Ренисенб? — управляющий вопросительно глянул на магичку, словно право решать принадлежало ей. Женщина в задумчивости пощелкала тонкими пальцами. Лаэг и пришедшая в себя Ричильдис с трепетом уставились на нее.

— Если ваши высочества пообещают впредь ограничивать свою любознательность разумными пределами... — наконец изрекла стигийка. — И воздержатся от посещения мест, где их присутствие нежелательно...

— Обещаем, обещаем! — как всегда, младший из сыновей Аквилонца присвоил себе право гово-

рить и за сестру, и на его физиономии мгновенно появилось умильное выражение, способное разжалобить даже госпожу Тилинг, старшую фрейлину Зенобии Канах, даму, твердость решений которой не раз уподобляли камням в основании знаменитой Великой Пирамиды Птейона. Ренисенб тоже не устояла перед подобным напором, неуверенно подтвердив:

— Так и быть. Будем считать, что ничего не случилось.

— А приглашение в гости по-прежнему в силе? — немедленно воспрял духом Лаэг.

— В силе. Рэф, тебя не затруднит прихватить мою сумку?

Дознаватель, в течение всей суетливой неразберихи не проронивший ни единого слова и, кажется, даже не двинувшийся с места, молча подхватил тяжелое вместилище магических приспособлений и зашагал вслед за поднимающимся вверх по лестнице обществом. У нижней ступеньки он замешкался, глянув на темные клетки, где таились непонятные, сгорбленные силуэты с мерцающими отраженным светом зрачками.

Темница внезапно наполнилась воем и скрежетом когтей по камню. Словно получив некую недоступную чужому слуху команду, твари из темноты сорвались со своих мест, вцепились в решетки, заметались по тесным камерам. Мави по-прежнему сидела около самых прутьев, держась за них обеими руками и пристально глядя на удаляющихся людей.

Глава седьмая

Ярмарка

*1 день Второй летней луны 1313 года.
С полудня до третьего дневного колокола.*

Уже в который раз Темвик Магнуссон уподобил себя ткацкому челноку, безостановочно снующему по глади создаваемого разноцветного полотна. Пока не одна нить не оборвалась, не перепуталась с другими, вынуждая остановить мерно рокочущий станок и прибегнуть к помощи ножниц, и месьор королевский управляющий имел все основания гордиться собой. Будто осознавая всю важность и ответственность момента, даже голова прекратила ныть.

Вольфгардская Ярмарка торжественно открылась в назначенный срок. В первый день, конечно, особой торговли еще не велось — это время традиционно отведено под шумные увеселения.

К числу таковых в первую очередь относится проезд через Торговое Поле правящего монарха с семейством (если таковое семейство имеется) и свитой, а также представителями Гильдий, высокими гостями из-за пределов страны, частью гарнизона крепости и прочей блестящей мишурой.

Шествие удалось на славу. Обыватели и прибывшие на торг иноземцы дружно голосили, приветствуя всех подряд, девицы в пестрых нарядах поселянок бросали цветы, сверкали взлетающие над кавалькадой серебряные монеты, улетаая в толпу и мгновенно исчезая, ослепительно сияло летнее солнце — в общем, не придерешься.

Если, конечно, не обращать внимания на застывшую кривую ухмылку Эртеля Эклинга, выглядевшую так, будто ее насильно пришили к лицу молодого правителя.

В противоположность ему, Аквилонское Семейство казалось неподдельно оживленным и искренне увлеченным происходящим вокруг. Время от времени Конан или Дженна принимались теревить Эртеля, напоминая ему о необходимости хотя бы внешне изображать радушие. Тот нехотя подчинялся.

Причину королевского недовольствия Темвик узнал два дня тому, когда Эртель внезапно — и в тайне от всех — велел коменданту Цитадели принять меры к отысканию госпожи Раварты. В первый миг Магнуссон опешил: девица Нейя ведь не колечко и не безделушка, чтобы закатиться в пыльный угол и валяться там незамеченной.

— Она где-то в городе, — заявил Эртель, упорно глядя мимо управляющего. — Найди ее и приведи обратно.

— А если госпожа не захочет возвращаться? — брякнул Темвик, запоздало пожалев о сказанном. Эклинг немедленно оскалился, рыкнув:

— Меня не волнует, чего она хочет и чего не хочет. Она моя, и она должна быть здесь!

— Конечно, Ваше величество, — торопливо закивал Магнуссон. — Я все сделаю.

Однако в суматохе предьярмарочных дней разыскать сгинувшую неведомо куда из замка короны Нейю Раварту не удалось, да Темвик и не спешил с выполнением столь страшного поручения. Нет занятия неблагоприятнее, чем влезать в семейные дразги или пытаться мирить поссорившихся влюбленных, а, судя по всему, король и его подруга изрядно повздорили.

Для очистки совести Темвик наведася к знакомым и немногочисленным родственникам госпожи Раварты, узнав, что ни у кого из них она не показывалась, и с головой ушел в предстоящее устройство Летнего Торжища. Если Нейя захочет — сама объявится. Тащить ее силком бесполезно.

Требовалось совершить сотню дел, договориться с множеством различных людей, проследить за тем и за этим, и, в числе прочего, продумать устройство наказания злоумышленников, разгромивших гиперборейское посольство. Магнуссону совершенно не хотелось украшать Ярмарку столь зловещим предметом, как виселица.

Выход предложил старшина плотницкой арте-

ли, возводившей торговые ряды: соорудить требуемый эшафот, по столбы, перекладины и черное сукно приколотить, что называется, на честном слове. Как только все закончится, лишнее уберут, а постройка отойдет к лицедейской труппе — те как раз подыскивают подходящую сцену и готовы оплатить расходы.

Непонятно как, но в городе уже пронюхали, что никакой настоящей казни не предвидится, и оттого мрачная церемония прошла под сдавленные смешки и одобрительный свист. Назидательный финал, когда помилованные и облегченно переводившие дух зачинщики погрома, спотыкаясь, гуськом спускались вниз, к родным и друзьям, едва не был испорчен выкриками:

— А где брат Бомбах? Осудите его, как остальных, или выпускайте! Почему его держат за решеткой?

Требовательные вопли заставили короля Пограничья подняться со своего трона, установленного на специальном возвышении, и под его полным холодного бешенства взглядом крикуны испуганно смолкли.

— Не хотелось бы омрачать праздник, — процедил Эртель в наступившей тишине. — Надеюсь, мне не придется менять решение... пока виселицу еще не снесли. Что до буйного митрианца, он дожидается своего приговора в подземельях Цитадели и очень скучает. Если кто стремится разделить с ним камеру, пусть только подаст голос.

Желающих не нашлось. Обещание прозвучало

достаточно внятно и веско, чтобы крамольные возгласы стихли, как по магическому повелению, а Темвик украдкой перевел дух. Не хватало еще отправлять стражу вылавливать недовольных. И без того забот хватает. Но что, во имя светлых богов, стряслось с Эртелем? Никогда он так не разговаривал...

Вскоре дороги управляющего замком и коронованных особ разошлись. Эртелю Эклингу вкупе с приближенными надлежало развлекать гостей, принимать глав Гильдий и всячески способствовать улучшению мнения о Пограничье, а месьору Магнуссону наравне с ширрифом Вольфгарда — следить за порядком на огромном залильном лугу, отведенном под Летнее Торжище. В минувшие годы блюстители обращались к двергской общине, охотно выделявшей сотню-другую соплеменников в помощь стражникам, но теперь приходилось рассчитывать только на себя. И, хотя для надзора за Ярмаркой собрали всех, кого только смогли, увеличив обычное число патрулей по меньшей мере втрое, Темвик не сомневался — за предстоящие пять сумбурных дней что-нибудь неладное да стрясется.

Вот он и кружил по шумному и цветастому людскому скоплению, порой останавливаясь перекинуться словом с знакомцами, и с тоской отклоняя очередное заманчивое предложение распить кружечку. Вокруг, как море, плескались звуки, яркие краски, запахи — перебродивший хмель, кипящий жир, опилки, горькая вонь свежеработанной кожи и тончайший налет благово-

ний — мотались по ветру флажки и пестрые ленточки, что-то звенело, трещало, ухало и спорило на множество голосов.

Около второго дневного колокола.

От обилия запахов, звуков, красок у Дженны начинала кружиться голова. Конан же, казалось, не ведал усталости. На традиционной церемонии открытия, когда главы торговых и ремесленных гильдий подносили царственным особам свои дары, киммериец блистал за двоих, поскольку Эртель был рассеян и мрачен. Для каждого, кто подходил к покрытому алой парчой помосту с двумя тронами, у Конана находилось доброе пожелание или веселое напутствие.

Цех ювелиров преподнес двум владыкам золотые кубки, богато украшенные самоцветами, которые представитель зингарских виноторговцев тут же наполнил прекрасным игристым вином — зазвучали здравицы королевским фамилиям. Зенобии вручили рубиновое ожерелье с подвесками. Дородный торговец благовониями из Аргоса — пребывание в непривычно прохладном климате Пограничья ничуть не сказалось на его жизнерадостности — с поклоном положил к ногам господжи Канах сундучок сандалового дерева, полный редчайших и дорогих притираний (им, стоило матери отвлечься, немедленно завладела Ричильдис). Престарелый шемит в одеждах из драгоценного муара и кордавского бархата, с двух сторон почтительно поддерживаемый сыновьями, сде-

лал неприметный жест, и к замку, в винные погреба короля Эртеля, покатила тяжело груженная пузатыми бочками подвода.

Впрочем, гостей из столь далеких от Полуночи стран, как Аргос или Шем, прибыло немного. Гораздо больше купцов представляли ближайших соседей: Аквилонию, Немедийскую империю с ее протекторатами, Нордхейм и Бритунию. Киммериец и Эртель благодарили всех — один шумно и искренне, другой — почти не разжимая губ, словно снедаемый некими тяжкими раздумьями. Дженна сразу обратила внимание, что место за тронем Эртеля, где обычно стояла Нейя Раварта, пусто, и отнесла подавленность короля Пограничья на счет досадной размолвки с возлюбленной.

Подарок туранских конезаводчиков, однако, на некоторое время пробудил к жизни даже Эртеля. К помосту вывели двух великолепных жеребцов в роскошной сбруе — вороного могучей породы, разводимой в Немедии специально для рыцарских ристалищ, и легконогого буланого скакуна-саглави, завидев коего, варвар как-то странно крикнул и покрутил головой. Выяснилось, что киммерийцу предназначался как раз вороной.

Конан и Эртель приняли подарок, от всей души пожелав купцам удачной торговли, в очередной раз прозвучали заздравные речи, после чего коней увели, а Конан шепнул на ухо своей супруге:

— Надо будет поменяться с Эртелем. Этот ко-

нек напомнил мне кое-что из моей бурной юности. Потом напомни, расскажу.

Последними отдаривались оружейники. Эртель принял подношение почти равнодушно, у киммерийца же глаза горели азартным огнем, когда могучий длиннородый купец, внешнестью скорее смахивающий на подгорного жителя, одну за другой разворачивал чистые холстины на великолепных клинках. Развернув последнюю, оружейник чуть замешкался. Впрочем, долгие сомнения кузнецу были явно несвойственны, и колебался он лишь мгновение. Он кивнул подмастерью, и тот подал большой плоский сверток из тонко выделанной телячьей кожи.

— Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь из моих мастеров мог назвать это изделие своим, — прогудел купец, в то время как его руки неторопливо разворачивали сперва кожаный покров, а затем второй, холщовый. — Но — увы... Меня просил передать его один мой — и твой — большой друг. Прими сей дар, король-воитель, чье имя гремит от Пиктских Пущ до Гирканских степей. Тебе он будет как раз по руке.

Зрители, широким полукругом обступившие королевский помост, издали единый вздох изумления и восхищения.

В мозолистых ладонях оружейник сжимал древко массивной двулезвийной секиры, сталь которой заиграла в лучах солнца удивительным мягким и чистым светом. Топорище, сравнительно короткое, не более двух локтей длины, было сделано из черного дерева той породы, что не-

многим уступает по твердости железу, и усажено серебряными заклепками для большего удобства. В серебряное же навершие вделан крупный яркий сапфир. Купец повертел топор так и эдак, ловя солнечный свет, и стало видно, что сталь покрывает тончайший голубоватый узор, проступающий изнутри, а на каждом широком изогнутом лезвии отчеканена причудливая ярко-синяя руна. Изделие неведомого мастера поражало благородной простотой и завораживало странной соразмерностью — казалось невозможным ни убрать, ни добавить ни единой заклепки на рукоять, ни малейшей линии в узор.

В почтительной тишине Конан медленно поднялся с трона.

— Я полсотни лет провел у наковальни, — продолжал оружейник, — и только раз или два видел подобную сталь. Дверги выплавляют ее на Подгорном Пламени, а на то, чтобы сделать клинок, может уйти десять лет, а может и пятьдесят. Эта секира легка как перышко, но — смотри!

Купец повернул остро блеснувшее лезвие кверху и подбросил над ним клочок тонкого батиста. Зрители затаили дыхание. Ткань, коснувшись стали, распалась на два лоскута. И тут же толпа испуганно ахнула — развернувшись, оружейник сплеча рубанул по заранее подложенному на бревно железному бруску. Сноп искр, и кузнец продемонстрировал собравшимся разрубленный кусок железа толщиной в палец и сверкающее синеватое лезвие без единой шербинки.

— Может быть, в ней и волшебство какое за-

ложено, это уж я не знаю, — закончил купец, когда восторженные вопли смолкли. — Она твоя, король Конан. Это дар подгорного народа.

Около четвертого дневного колокола.

С большой площадки в закатной части Торгового Поля, отведенной для каруселей, балаганов и игрищ, доносился столь оглушительный визг, будто там отправлялось под нож по меньшей мере целое стадо свиней. Темвик повернул фыркающую лошадь туда: глазающая толпа возле балаганов наверняка считается у умельцев срезать кошельки чем-то вроде садка с откормленной и ленивой рыбой.

Подъехав ближе, он наткнулся на троицу городских стражников, препровождавших некую слегка помятую и потрепанную личность, явно не желавшую составить компанию блюстителям, но достаточно сообразительную, чтобы не вызывать о помощи. Вопрос «что стряслось?» был явно излишним — кого-то взяли на кармане с поличным. К концу Ярмарки в городской тюрьме будет не продохнуть от изловленных щипачей, игроков в зернь с фальшивыми костями и прочих мошенников. Можно подумать, здесь раскинулся шадизарский базар во всей его неприглядной красе, а не ярмарка в добропорядочной столице королевства Пограничного!

«Кстати, не предложить ли купцам скинуться и выстроить Белово капище? — всерьез задумался месьор Магнуссон. — Митрианский храм у нас

есть, и не один, иштарийский — тоже, даже для бритунийской Викканы недавно соорудили какую-то молельню. Почтим Обманщика, глядишь, и торговые дела пойдут лучше...»

Его внимание привлекла ослепительно яркая ало-золотая вспышка слева, поблизости от тяжело-весно взмывающего в бирюзовое летнее небо расписного деревянного дракона. Подле багряного шелкового сияния будто сам собой создался круг почтительного отдаления, ненавязчиво подчеркнутый черно-серебряными мундирами аквилонской гвардии короля. Внутри запретной черты переливалось и шелестело прекрасное общество — смотреть издалека дозволяется, но подходить близко не стоит. Управляющего вольфгардской крепости все-таки пропустили, потребовав спешиться и одарив взглядами, явственно намекающими, что подобной деревенщине нечего делать вблизи от сильных мира сего.

— Молодцы, вы все замечательно устроили, — заявила Дженна Канах, выглядевшая слегка задерганной, но по-прежнему живо интересующейся творившимся вокруг веселым разгулом. — Нас просто завалили подарками. Взамен я теперь из всех сил стараюсь проявлять близость к народу. Ты оценил мой подвиг?

— Я лично прослежу, чтобы это событие занесли в летописи, — обещал Темвик, стараясь не наступить на чей-нибудь длиннющий и расшитый жемчугами подол. Сопровождавшие Дженну благородные дамы и девицы немедленно отдалились на пару шагов, кое-кто из них украдкой намор-

щил носик. — Аквилонская королева на ярмарке в Пограничье — такое не часто увидишь. Между прочим, досточтимая госпожа, где твоя корона? Всегда полагал, что короли без венца на улицу не высовываются.

— Дома осталась, хвала моему супругу, упрямо не желающему идти на поводу у традиций, — уложенные наподобие изящных ручек амфоры косы Зенобии венчал тонкий золотой обруч с зубцами и разноцветными камнями. — Есть какие-нибудь новости? С четверть колокола назад мимо нас проезжал ширриф, месьор Грайтис Дарго. Он заверил, что пока все обстоит благополучно — насколько возможно при таком столпотворении, — Дженна сделала всеобъемлющий жест рукой, включающий в себя неправильной формы квадрат со стороной в добрую четверть лиги, занятый кипением Летнего Торжища. — Однако его беспокоят вон те тучки.

Упомянутые «тучки» — клубившиеся в полужночной части безукоризненно голубого окоема пухлые белые облака, подернутые снизу сизоватым налетом — внушали легкую тревогу и Темвику.

— Обойдется, — решительно заявил королевский управляющий, покосившись на коварные небеса. Дождь сейчас совершенно ни к чему, ведь ближе к вечеру, когда начнет смеркаться, должен начаться большой фейерверк. После него король с гостями проследуют в Цитадель, где их ожидает парадный ужин, а торгующим и покупающим выкатят бочонки с вином и выставят

угощение попроще. — Могу я осведомиться, где нынче пребывает... то есть пребывают...

Он запутался в словах, но женщина поняла безошибочно:

— Конан решил проехаться по всей Ярмарке, а Эртель и прочие, само собой, потянулись следом. У Эрта, кстати, опять тяжелейший приступ недовольства всем сущим, но Конан клятвенно обещал присматривать за ним, и, если что...

Не договорив, Дженна перевела помрачневший взгляд на лихо раскачивающуюся деревянную ладью с оскаленной головой чудища на носу и крыльями из холста. Над бортом качели высывались радостно улюлюкающие и машущие руками головы.

— Послушай, ты уверен, что эта кошмарная штукавина не развалится на мелкие кусочки? Как она вообще движется?

— Ее гномы придумали, — объяснил Магнуссон. — Она уже десятый год работает и пока ни разу не ломалась, а что?

— Моему отпрыску захотелось развлечься, — трагичным голосом поведала Зенобия. — Он уволок туда не только свою сестру и парочку моих девушек с их поклонниками, но и вашу стигийскую колдунью. Уверена, нынешним же вечером Лаэг объявит себя ее рыцарем и попросит у нее шарфик на память.

— Ему изрядно не повезло — место подле госпожи эш Шарвин уже занято, — многозначительно изрек Темвик и отправился дальше, посмеиваясь про себя. Надо же, впервые за время своего

проживания в Вольфгарде Рени отважилась посетить Ярмарку! Не иначе, Грайтис уговорил.

...У Бронзовых ворот, выходящих на ярмарочное поле, метался серебристо-белый длиннопалый волчонок-подросток в алом ошейнике, при знаке отпрыска Карающей Длани, то и дело рискуя угодить под колеса подвод. К недоумению стражников, волк с десятков раз промчался туда-сюда, то выбегая за городскую черту, то возвращаясь, и непрерывно принюхиваясь. Ждал кого-то, что ли? Или потерялся?

Наконец волчонок обнаружил требуемое — тонкую ниточку знакомого горьковатого аромата. Коротко и отчаянно взыв, он ринулся по краю шумящей Ярмарки, навывлет проскальзывая через скопления людей, сигая через прилавки и беспокоясь только об одном — не потерять бы тающий, улетающий след. Искомое находилось где-то рядом, поблизости, не понимающее, куда и зачем идет, но притягиваемое той силой, что заставляла птиц по осени сбиваться в стаи и устремляться к Полуденному Побережью.

В дрожащие черные ноздри ударила теплая, кислая вонь — отдаленный край Торжища, ряд недавно выкопанных ям, куда сваливаются мусор и нечистоты. Стайка бродячих псов, рыщущих в поисках съестного, увидев приближающегося галопом оборотня, немедленно порскнула в стороны. Запах пропажи усилился, и белый волк со всего размаху столкнулся с воющим и скулящим клубком собачьей драки. Где-то внутри этой разношерстной свалки затерялась та, кого он пытал-

ся разыскать уже третий день. Неудивительно, что он столько возился — кто мог предположить, что ее занесет в столь гиблое место?

Гвен зарычал, на миг заглушив визгливый собачий лай. Ему даже не пришло в голову, что псов здесь гораздо больше, чем он в силах одолеть. Одно из созданий, за которое ему суждено отвечать, попало в беду, а все остальное не имело значения.

Около седьмого вечернего колокола.

Исподволь наливавшиеся свинцовой хмуростью тучи, зародившиеся между утесов и вершин Граскаальских гор, ползли в направлении Полудня, цепляясь за высокие макушки деревьев и с трудом переваливаясь через холмы. Они отразились в россыпи озер Края Водопадов, стелясь над узкой дорогой и брызнув первыми тяжелыми каплями на маленькую группку всадников, торопившихся к стенам столицы Пограничья.

Верховых было четверо, в лиловых с черным камзолах служителей магической Школы Радуги. Все вооружены, к седлам приторочены легкие арбалеты. Однако понимающий человек по десятку мелких признаков — манере держаться в седле, например, или несподручно болтающимся на поясе сабельным ножнам — с первого взгляда различил бы, что к оружию всадники непривычны. Не лихие рубаки, а скорее вооруженная надворная прислуга или вроде того, в силу чрезвычайных обстоятельств призванная охранять от

превратностей дороги некое важное лицо. Порожденные кони шли тяжелым галопом. За ними, время от времени грузно подпрыгивая на ухабах, летел запряженный шестериком экипаж с фореитором и кучером в форменных ливреях Радужной Школы. То был черный фаэтон искусной и дорогой работы, запыленный, впрочем, настолько, что герб Школы — семицветное кольцо с изображением весов в центре — едва просматривался на лакированных дверцах. Шторки на окнах затянуты наглухо, возница немилосердно нахлестывает лошадей.

Придворный маг аквилонского монарха, астролог Трона Льва Озимандия спешил вернуться в Вольфгард. Спешил изо всех сил, более всего боясь не опоздать. Всякий раз, как старый волшебник вспоминал о причинах подобной спешки, его лицо искажала гримаса отчаяния, а с губ срывался мучительный стон, заглушаемый грохотом колес тяжелого фаэтона. Временами старик забывался и начинал рассуждать вслух. В такие мгновения, окажись рядом с ним в тесноте экипажа кто-либо еще, этот некто мог бы решить, что почтенный чародей слегка повредился рассудком.

— Черный ветер к полуночи мчит облака... к полуночи... облака... заклятье перемещения... Конечно, та самая гроза седмицу тому... У нас началось через три дня, депеша от Ренисенб пришла на четвертый, значит, везде одновременно... А я, дурак, отписал какую-то благоглупость... Старый, набитый дурак! Нет мне прощения! Ведь чуял,

чуял же, нельзя оставлять принца без присмотра... Сам ему ключ дал в руки... Пресветлые небеса, Тотлант, как на грех, в отъезде, а Ренисенб не поймет, откуда ей знать! Нельзя было уезжать из Тарантии, нельзя было покидать Вольфгард... Беда, ох, беда...

Он снова застонал, будто мучимый сильнейшей зубной болью. Экипаж подбросило на очередном ухабе. Озимандия с трудом удержался на узком бархатном диванчике, пробормотал проклятье, затем сорвался вдруг с места, отдернул пропыленную штору, выглянул наружу.

Порыв холодного ветра швырнул ему в лицо пригоршню мельчайших водяных капель. Мимо с пугающей быстротой проносились темные хвойные леса, мелькали крутые лбы гранитных валунов, поросшие бурым мхом, летела рыжая мокрая глина из-под конских копыт, звонко щелкал кнут в руках возницы. Один из верховых заметил, приблизился, склонился с седла.

— Далеко еще? — прокричал Озимандия, с трудом преодолевая свист ветра и стук копыт.

— Совсем близко, ваша милость! — проорал в ответ всадник, взмахнув рукой куда-то по направлению движения, будто бы маг из своей закрытой со всех сторон коробочки мог что-то разглядеть. — Уже башни Цитадели видать! Через четверть колокола доберемся!

И впрямь, четверть колокола спустя Гипербореиские ворота, высокие, пересеченные крест-накрест полосами грубого железа и с двух сторон подпертые массивными сторожевыми башнями,

заслонили собой темнеющий небосвод. Верховые спешили, Озимандия, с трудом разгибая затекшую поясницу, покинул экипаж. Высоко в небе перекатывались громадные жернова, суля близкую грозу.

— Подорожная есть? — скучно спросил вышедший из караулки гвардеец с нашивками десятника. От него крепко пахло вином, ворот рубахи был распахнут, а ремень с ножнами ослаблен. — Откуда, кто, зачем?

— Придворный маг Его величества Конана Аквилонского Озимандия, спешно, важно, — скороговоркой доложил один из сопровождающих мага людей. Гвардеец глянул на залепленный грязью герб магической школы, скользнул взглядом по взмыленным лошадям, оценил лихорадочный блеск нетерпения в глазах старого волшебника и мгновенно подобрался.

— Эй, там! Открыть немедленно! — гаркнул он в окошко караулки. За воротами завозились, снимая засовы. — Случилось что, ваша милость? Никак беда стряслась?

— Где сейчас король? — вопросом на вопрос ответил маг. Стражник пожал плечами:

— Который? Ежели Эртель Эклинг, то, говорили, он недавно в замок проследовал. Что до Аквилонца, ваша милость, так они с семейством еще на гуляньях, на Торговом Поле, подле Бронзовых ворот — вон, слышите музыку?

Снова, гораздо ближе, зарокотал громовой раскат, и десятник невольно глянул в хмурающееся небо.

Восьмой вечерний колокол.

— По правде сказать, милый, я уже чуть жива, — шепотом призналась Дженна Канах, опираясь на руку супруга. Лаэг и Ричильдис присутствовали тут же, и хотя, как подобает отпрыскам королевского рода, не позволяли себе проявлять на людях постыдную слабость, было заметно, как утомлены оба. Мальчик уже начинал раздраженно коситься вокруг и злословить, его сестренка украдкой зевала. Раз или два Диса потихоньку жаловалась матери на головную боль. Тогда Дженна пускала в ход испытанные средства: брала дочь на руки и доставала из-за кружевного обшлага флакончик с нюхательной солью. За спиной, в некотором отдалении, перешептывалась стайка фрейлин, уменьшившаяся на две трети. Многие отпросились, кто в город, кто — просто побродить между торговых рядов. Дженна не стала их неволить. — Может, вернемся в Цитадель? Все было чудесно, но и веселье хорошо в меру...

— Потерпи еще совсем немного, — вполголоса откликнулся киммериец. — Я вообще-то тоже изрядно устал. Мы, конечно, можем прямо сейчас покинуть Поле, но я хочу, чтобы дети посмотрели фейерверк. Эртель сулил нечто невиданное, устроителя огненных забав выписали аж из самого Кхитая за немалые деньги, а кхитайцы великие мастера на подобного рода увеселения. Еще четверть колокола — и все... Кстати, куда сам Эрт подевался? Эй, люди, где ваш король?

Праздничная толчея, хвала богам, помаленьку шла на убыль. Причиной тому служило закрытие большей части торговых палаток после шестого колокола, естественная усталость гуляющих, а также — в немалой степени — набежавшие к вечеру тучи, сулящие скорую грозу. Однако ж на ярмарочной площади все еще оставалось полно народу, заполняющего пестрый палаточный лабиринт, обступившего лобное место с тронным возвышением и помостом лицедеев в ожидании финала празднества — обещанного фейерверка с бесплатным угощением и танцами. Лоточники бойко торговали вразнос разнообразной мелкой снедью, пирожками и медовухой, неведь как ухитряясь лавировать в самой гуще возбужденно гудящей толпы. По обе стороны от Бронзовых ворот, перед которыми, собственно, и разворачивалось веселое действо, расставили множество бочек с бесплатным вином для гуляющих, и несколько дюжих стражников, засучив рукава и поплевав на ладони, уже примерялись вышибать бочонкам дно.

Куранты в Цитадели гулко прозвенели восемь раз. Вдалеке глухо откликнулся гром.

Стоя на тронном возвышении у правой руки мужа, Зенобия окинула взглядом напряженное людьми пространство. В следующее мгновение, повинуясь команде устроителей, служители на городской стене поднесли запалы к фитилям шутих, петард и хлопушек. В сумрачное вечернее небо, завешенное низкими облаками, одновременно взлетели сотни грохочущих салютов, рас-

сыпая разноцветные искры. Стало светло, как днем, но свет этот был призрачным, дрожащим, неровным, и увиденное на миг в этом колдовском отсвете осталось в памяти королевы Аквилонии навсегда.

Колан из Киммерии, незыблемым олицетворением мощи и властности восседающий на своем троне; прильнувшая к нему Диса, которую отец посадил к себе на колено — широко распахнутые глаза отражают бесчисленные искры салюта; она сама, Дженна, и Лаэг рядом с ней, в этот миг невероятно похожий на своего легендарного отца; строй Черных Драконов, ровным кольцом окруживший выстланный алой парчой королевский помост...

...и медленно, очень медленно вылетающие из ножен их клинки...

...Темвик Магнуссон, верный, надежный управляющий замка Вольфгард, упавший на четвереньки и уже не похожий на Темвика и вообще на человеческое существо...

...вскипевшая вдруг в десятке мест странной судорогой и воплями ужаса толпа внизу, брызги крови на чьем-то белом лице с выпученными глазами, коричневые клыки, вонзившиеся в плоть, палаш стражника, наискось пересекающий жуткую, неведомо даже какой твари принадлежащую голову и оскаленную пасть...

Как выяснилось потом, вначале одержимых на ярмарке насчитывалось не так уж много — не более полудюжины.

Однако момент для атаки скогры выбрали

безошибочно: в течение всего нескольких ударов сердца фейерверочные огни, близкая гроза, пролитая кровь и человеческий страх подтолкнули к изменению множество тех, кто пришел на Торговое Поле все еще в людском облике, хоть и с неясной смутой в сердце.

У людей, столпившихся на помосте, усталом ало-золотой драгоценной парчой и уже запятнанном первой кровью, времени на раздумья не оставалось.

Мгновение — и редкая цепь Черных Драконов прорвана, поглощена обезумевшей толпой. Еще миг, и кто-то лезет на помост, его сбрасывает пиннок гвардейца, из тех, что еще остались при Колане, но следом взлетает легким, почти изящным прыжком обращенная тварь, и аквилонский воин пятится от взмахов окровавленных лап, выставив перед собой меч...

Единственное, на что хватило Дженны — сгresti в охапку детей, прикрыть своим телом от подступающего ужаса. Но киммериец, закаленный в сотнях смертельных поединков и не раз встречавшийся лицом к лицу с опасностями, неодолимыми для простого смертного, уже стоял на ногах, сжимая в руке секиру из синей стали — он упрямо таскал драгоценный подарок с собой, невзирая на протесты супруги, поэтому, когда все началось, оружие покоилось под его правой рукой, прислоненное к подлокотнику трона. Первым же взмахом варвар обезглавил тварь, запрыгнувшую на помост. Уродливое — не волчье и не человеческое — тело, на котором еще сохра-

нились остатки одежды зажиточного горожанина, рухнуло наземь.

— Аквилонцы, ко мне! — взревел Конан, взмахнув окровавленной секирой. Даже в общем шуме и криках, в треске взлетающих фейерверков его призыв был услышан. Несколько воинов в черно-серебряной форме дворцовой гвардии аквилонского монарха бросились к нему. — Держаться вместе, спина к спине! Защищать королеву и детей, мы пробиваемся в замок!..

И прыгнул первым в кровавый хаос, коим столь внезапно обернулось веселое празднество.

Вокруг Дженны все завертелось с немыслимой быстротой. Ее подталкивали в спину, поторапливая безо всякой деликатности. Произительно визжали фрейлины свиты. Несчастные девушки из всех сил пытались держаться поближе к сплоченной кучке аквилонских гвардейцев, прорывающихся к воротам.

Однако Черных Драконов оставалось слишком мало, чтобы помимо Дженны с детьми прикрыть кольцом мечей еще и свитских, и безжалостный людской водоворот вскоре закрутил и унес в неизвестность табунок разряженных и перепуганных насмерть женщин. Мертвой хваткой стиснув Лаэга и Дису, Дженна старалась не упасть, и ее крик тонул в повисшем над ярмаркой общем паническом вопле.

В небесах распускались невиданные огненные цветы, красные, зеленые и золотые. Вторя фейерверку, рокотал гром. Рубя плашмя направо и налево, отряд Конана оказался под стеной невадале-

ке от ворот, когда сверху стали падать тела. Люди шарахнулись с новым испугом, тыча пальцами куда-то в небо. Дженна задрала голову и увидела быстро перемещающиеся по гребню стены горбатые страшные силуэты.

— Не отставать! — ревел где-то впереди неистовый киммериец. — Вперед! Спина к спине!

Вокруг творилось нечто непредставимое — казалось, все сражаются со всеми, и мгновенное безумие поразило не только народ Карающей Длани. На миг Зенобия решила, что им пришел конец — кто-то из стражников, охранявших въезд в кольцо городских стен, с перепугу распорядился закрыть Бронзовые ворота.

Увидев медленно смыкающиеся створки, толпа с ревом бросилась на штурм, безжалостно топчя унававших, и только благодаря отваге Черных Драконов и силе Конана, приумножаемой яростью, королеве с детьми удалось уцелеть. Лаэга едва не вырвали у нее из рук. Одна из жутких тварей бросилась на прикрывающих Дженну гвардейцев и убила двоих, прежде чем секира в руках киммерийца перерубила ее почти пополам. Бочки с дармовым вином перевернули, и ноги скользили в резко пахнущей грязи.

Они все же прорвались за ворота, потеряв еще одного гвардейца затоптанным толпой. За их спинами занимался большой пожар — случайная шутиха угодила в торговый павильон, носились, увеличивая общую суматоху, вырвавшиеся из загонов кони и тяжеловесные породистые быки... Конан был страшен. В отсветах пламени, в свер-

кающей кольчуге, которую он последнее время на всякий случай носил под просторной туникой и которая не раз уже за последние четверть колокола спасла ему жизнь, вооруженный тяжелой секирой гигант-киммериец походил на разъяренное воплощение бога войны.

Вливающаяся в ворота людская река протаскивала их не менее квартала. То и дело в разных местах вспыхивали драки между скограми и их жертвами. Слабая надежда на то, что внутри городских стен кошмар отступит, развеялась мигом. Посад наполнялся факельными огнями, тревожными криками и бегущими людьми, которые неслись сломя голову и не разбирая дороги. Один такой сослепу налетел на аквилонского гвардейца, и воин с проклятием схватил его за ворот:

— Не так быстро, кол тебе в глотку! Какого демона здесь творится?

— Оборотни, — прохрипел молодой парень в обсыпанном мукой холщовом фартуке, с исцарапанным лицом и круглыми от страха глазами. — Они все рехнулись! Мой хозяин пытался убить меня, а сосед... Эй, берегись!

Он вырвался и исчез, а в воздухе над головами мелькнула гибкая и быстрая тень. Одна из тварей бросилась с крыши ближайшего амбара, метая на плечи гвардейцу. Тот успел отпрыгнуть, и скогра промахнулся. Приземлившись по-кошачьи на все четыре лапы, существо зашипело, подало назад, готовясь к новому прыжку. Аквилонцы — еще с десятков Черных Драконов остава-

лось при короле — мигом вскинули мечи и встретили оборотня сталью.

— Нергал и все его демоны! — вскричал кто-то из гвардейцев — после короткой схватки тварь, издав вопль гнева и боли, неуловимым броском шарахнулась в проулок. — Да можно ли их вообще убить?! Я сам дважды проткнул эту мерзость, но...

Раскат грома, лопнувший, казалось, прямо у них над головами, и ярчайшая вспышка молнии прервали его речь, а в следующий миг небеса прорвались наконец ливнем.

Из последовавшего затем поспешного бегства через весь охваченный паникой город в цитадель на холме Дженна запомнила немногое — мельканье лиц, звон железа, внезапные крики и насквозь незнакомые узкие переулки, по которым ее и детей влекли с головокружительной скоростью, спрятав за широкими спинами аквилонских гвардейцев. Ветвистые молнии, полосующие небо, хлесткие струи дождя, ощутимо секущие спину, время от времени слитный блеск клинков, сине-багровый отсвет на полумесяце секиры киммерийца. И еще тоскливое удивление оттого, что Ричильдис не хотела идти, плакала и рвалась из рук, визжа что-то непонятное, и пришлось тащить ее едва ли не силой.

Серая громада коронной цитадели, смутно различимая в низвергающихся с неба потоках воды, возникла перед ними почти внезапно. В узких бойницах горели яркие огни. Несколько фигур суетились в воротах у механизма подъемного

моста, разведенного уже наполовину, и арбалетная стрела, прогудев, вонзилась в грязь под ногами Конана.

— Чума на ваши головы! — рявкнул киммериец так, что у Дженны заложило уши. — Здесь король Аквилонии, остолопы! Опустите мост, живо!

Мост дрогнул и поплыл вниз. Спустя мгновение маленький отряд уже бежал по нему к воротам, навстречу высыпали стражники, в кольчугах и при оружии, и впереди всех поспешал, опираясь на длинный посох, высокий длинноротый старик в бело-зеленой хламиде.

Когда решетка ворот опустилась за спинами аквилонцев, в тепле и безопасности караульного помещения, Зенобия вдруг почувствовала, что ее всю трясет и что ноги отказываются ей служить. Лаэг, чьи зубы тоже выбивали дробь от испуга и холода, увидев, что мать медленно сползает по стене, вскрикнул. Конан в два шага оказался рядом и подхватил почти потерявшую сознание супругу на руки.

— Отнесите королеву в ее покои. Дети пусть будут при ней, да сыщите лекаря... Мианта! Мианта здесь? Нет?.. А хоть одна из фрейлин уцелела? Разузнать, найти, живо! Галтран, я приказываю обеспечить мою жену постоянной охраной. Пусть рядом неотлучно находятся твои гвардейцы. Рад видеть тебя, почтенный Озимандия, хоть ты явился слишком поздно. А теперь я хочу знать, и немедленно: где король Эртель?..

Часть 2. В пасти безумия

Глава первая Ловушка

*1 день Второй летней луны 1313 года.
Около десятого вечернего колокола.*

В подземелья ярость бущущей грозы и разрывающего столицу безумия долетали смутными, еле различимыми отголосками. Брат Бомбах мог только догадываться о том, что сейчас творится наверху, на улицах и в крепости. Честно признаться, он не горел стремлением разузнать все поподробнее и, тем более, увидеть собственными глазами. Кроме того, он и не мог этого сделать — монах отчетливо слышал лязг падающего засова, надежно отрезавшего опустевшую темницу от прочих помещений.

Оставалось сидеть здесь, уповая на милость Солнцезарного и собственные силы, да стараясь

особенно не задумываться о том обществе, в коем довелось оказаться.

Общество не относилось к числу приятных. Десяток мертвецов, один полутруп, мечущееся за решеткой сущее порождение Тьмы, и вдобавок женщина, вид которой не предвещал ничего хорошего. Если она еще не спятила, то стремительно близилась к этому удручающему состоянию. Святой брат упрямо продолжал разговаривать с ней: не отвечает, то пусть хотя бы слышит по близости ободряющий человеческий голос.

— Кто-нибудь обязательно сюда придет, — в сотый или тысячный раз твердил митрианец, разгулявшееся воображение которого с готовностью подсказывало, *кто* именно может заявиться в отдаленный подвал. Ради таких гостей брат Бомбах старательно подпер дверь уцелевшими скамьями и обломками стола, а сам вооружился тяжелым палахом, одолженным у покойного стражника. Ни то, ни другое особой надежды не внушало. Будь на месте монаха человек чуть послабее духом, он счел бы вернейшим средством избавления от грядущей напасти немедленное самоубийство.

Ожидание тянулось и тянулось. Трещали, прогорая, факелы на стенах. Однажды долетел отдаленный толстыми стенами истощный вопль, и монах вознес моление за чью-то душу, покинувшую мир. Пару раз он спускался проведать пленника в нижнем подвале — тот яростно шипел на кошачий лад, и, вторя завываниям, по перекрестьям решетки кружились розовые и изум-

рудные призрачные огоньки. Товарка по несчастью не подпустила митрианца к своему подопечному, но, насколько мог рассудить монах, сотворенная ею ворожба не принесла толка — человек уже перешагнул грань между миром живых и умерших.

Внезапная тихая дробь снаружи едва не застала брата Бомбаха врасплох. Оцепеневшая в своей печали женщина встрепенулась, подняв голову. Кто-то вытащил засов и толкнул створку — к счастью, пока не шевельнувшись. Монах потянулся за палахом, мысленно убеждая того, кто скребся под дверью, бросить это занятие и приискать себе иную добычу.

Интересно, сколько времени понадобится одержимому оборотню, чтобы одолеть преграду и ворваться внутрь? Или он догадается сбегать за помощью?

Стук стал настойчивее, затем оборвался, заглушенный новым звуком — отчетливым топотом многих бегущих ног и встревоженными головами. Да, в коридоре разговаривали — отчетливо и внятно. Значит, это не околдованные: у тех дар разумной речи отнимался напрочь, заменяясь звериным ворчанием, скулежом и воем. Неужто в небесах вняли отчаянным призывам скромного служителя Всеединога и решили даровать спасение?

Толстенная дверь содрогнулась под увесистыми пинками. Подпиравшие ее доски и обломки опасно зашатались, угрожая вскоре рассыпаться. Вделанные глубоко в камень железные петли по-

скрипывали, и в узилище проник требовательный оклик:

— Есть кто живой? Отзовитесь! Эрт, ты там? Открой! Отопри немедленно, я тебе говорю!..

— Впусти их, — сказала женщина, но брат Бомбах не успел последовать совету.

Как завороченный, митрианец следил за возникающими на темном дереве белыми разбегающимися трещинами, зарождению каждой из которых предшествовало глуховатое размеренное уханье и свист летящего железа.

Трещины скалились острыми щепками, хлипкий завал из бывших предметов обстановки каральной окончательно развалился, но непонятное оружие продолжало крушить дверь, пока та не превратилась в чудом удерживавшиеся на петлях обломки.

Высокая, на удивление крупная фигура, нагнув голову, боком пробралась внутрь, оглядела учиненный разгром, пустующие клетки с дверями нараспашку, мертвых надзирателей и присви-стнула. Следом неуклюже протиснулся второй человек — долговязый, в белом одеянии, немедленно кинувшийся к свернувшейся под стеной женщины и удрученно зацокавший языком.

Спустя миг в камере стало тесно от прибывавших из коридора людей. Брата Бомбаха увесисто хлопнули по плечу, спрашивая, не видел ли он короля Эклинга и как им посчастливилось уцелеть?

— Загляните туда, — наконец связно выговорил монах, показывая на дверь в соседнее поме-

щение. — Остальные удрали... Вы, собственно, кто будете, добрые люди?

— Все бессмысленно, — бормотала Ренисенб эш Шарвин в ответ на настойчивые расспросы Озимандии. — Мы не успели. Они на свободе. Им не помочь, нам не спастись... а мне теперь все равно.

Она пыталась сказать еще что-то, но замолчала и болезненно съежилась, переживая очередную судорогу, холодным огнем сжигавшую ее правую руку — от ладони до запястья. Особенно доставалось безымянному пальцу, охваченному черным, словно проржавевшим ободком кольца.

* * *

В начале нынешнего дня колечко светлой меди привычно и отчасти легкомысленно поблескивало на положенном месте, свидетельствуя о том, что его владелица посвящена в тайны магии, а ее обучение начиналось в прокаленном солнцем городе, отстоящем за много лиг от столицы Пограничья. Ренисенб получила это кольцо в возрасте тринадцати лет, одолев первые ступени крутой и длинной лестницы, ведущей к недоступным прочим смертным тайнам.

Символическое украшение тогда оказалось слегка великовато и болталось на пальце.

С каждым прожитым годом оно становилось все теснее и теснее, срастаясь со своей хозяйкой и становясь ее неотъемлемой частью. У воинов — мечи, у менестрелей — лютни, у волшебников —

кольца, так повелось и так будет всегда. Что случится, если оно потеряется или его отнимут? Конечно, если ты — настоящий маг, то сумеешь обойтись и без помощи кольца, но это будет напоминать попытки хромого обогнать скаковую лошадь, причем отказавшись от костылей. Да, есть магические школы, применяющие вместо колец иные талисманы или пытающиеся обойтись вовсе без оных, но особенных успехов они пока не достигли...

Магичке в жизни не приходилось отвечать на столько вопросов сразу, а любознательность младших отпрысков Аквилонца, похоже, не имела пределов. Оставалось только посочувствовать тяжелой доле наставников Лаэга и Ричильдис, если им приходится каждый день выдерживать подобный напор двух подростков, желающих знать все обо всем. Терпение стигийки оказалось не столь крепким, и, воспользовавшись случаем, когда Лаэг вновь предложил прокатиться на каруселях, она сослалась на головокружение и улизнула.

Ярмарка Ренисенб понравилась, несмотря на постоянный гул, пеструю толчею и мелькание лиц. Она побывала на церемонии открытия, поглядела на вручение даров, и, беззастенчиво воспользовавшись положением придворной магички, не обязанной никому давать отчета в своих действиях, присоединилась к свите аквилонской королевы. Разгуливать по Торжищу в одиночестве стигийка поначалу не рискнула, но, рассудив, что черно-лиловая хламида волшебницы наверняка охранит ее от любых возможных опасно-

стей, отправилась на прогулку по торговым рядам. В глубине души Ренисенб надеялась столкнуться где-нибудь с ширрифом, хотя понимала — Грайтису сейчас не до нее. Они и виделись-то всего два или три раза: он пропадал в Управе или на застраивавшемся Торговом Поле, она — в замковой библиотеке и в подвалах, где содержали заговоренных.

По-молчаливому уговору происшествие в усадьбе на Ольховой улице старались не вспоминать. К тому же скоро в Вольфгард вернется Тотлант, которому совсем не обязательно знать о мимолетных увлечениях своей ученицы. Темвик не проболтается, значит, ничего и не было. Всего лишь полуденное паваждение. Вроде того, что охватило город в последние дни: странное затишье, предвещающее бурю. Ренисенб никак не могла отделаться от мысли, что она упустила нечто важное. Нечто, касающееся скогров, зачатых обратной, расплывчатое ощущение ошибочности всех ее выводов. Она ухватилась не за ту нить, сбилась с дороги и заплутала, а вместе с ней — те, кто положился на ее знания и опыт. Раз она колдунья, значит, обязана разбираться во всяческих заклятиях и уметь с ними справляться. А она, сколько не старается, не в силах даже пробиться к от природы скудному разуму девчонки Мави! Да, не будем еще забывать про Рэфа с его внезапно прорезавшейся способностью слышать мысли одержимых!..

Между прочим, сам месьор дознаватель — из народа Карающей Длани или нет?

Столь простой вопрос заставил стигийку остановиться прямо посреди прохода между лавками. Толпа обтекала ее с двух сторон, а женщина стояла, глубокомысленно изучая песок и камешки под ногами, пока не услышала:

— Госпожа Ренисенб! Эй, Рени! Ты что, уже вернулась?

— Не припоминаю, чтобы я куда-то уходила, — проворчала волшебница, щурясь против солнца и выискивая взглядом окликнувшего ее верхового. Тот подъехал ближе, раздвигая конем глазющих и приценивающихся к выставленным товарам обывателей, и оказался Грайтисом Дарго.

— Я тебя уже полдня ищу, — поделился бритунец, спрыгивая с лошади. — Хотел задать тебе два очень простых вопроса. Во-первых, зачем тебе понадобился Рэф? Я поручил ему распределять посты стражи на Ярмарке, и без него все вот-вот начнет трещать по швам, — он скривился и с легким раздражением в голосе добавил: — Второе: я знаю, вы там чего-то колдуете в подземельях, но неужели нельзя было выбрать другое время?

— Прости, я не понимаю, о чем ты говоришь, — дернула плечом Ренисенб. — Я не видела Рэфа с прошлого утра. Кроме того, мне бы в голову не пришло отвлекать его от дел службы.

— Стало быть, ты за ним не посылала и в Цитадель за какой-то надобностью не отправляла? — уточнил Грайтис, и невесело засвистел сквозь зубы. — Тогда и я ничего не понимаю...

— А что случилось-то? — магичка поневоле забеспокоилась.

— Рэфа нет на положенном месте, — коротко объяснил ширриф. — Он ушел, сказав помощнику, будто должен вместе с госпожой королевской волшебницей срочно наведаться в крепость, но постарается обернуться к пятому дневному колоколу. Сейчас уже шестой заканчивается, от Рэфа — ни слуху, ни духу, а Рени эш'Шарвин, как я вижу, преспокойно разгуливает по Ярмарке и не собирается никуда уходить.

— Именно что собираюсь, — возразила стигийка. — Ты можешь ненадолго отлучиться? Да? Тогда отвези меня в замок. Проверим, нет ли там нашего общего друга.

У Бронзовых ворот Грайтис придержал лошадь, потребовав к себе старшего над караулом и осведомившись, не показывался ли здесь дознаватель Восходного квартала Рэф. В ответ прозвучало неожиданное:

— Проезжал, проезжал, а как же! Вместе с Его величеством. Они вверх по Проезду поскакали. Не иначе, как к крепости.

— С которым из величеств? — Ренисенб, устроившаяся позади ширрифа на конском крупе, подалась вперед и едва не свалилась, вовремя вцепившись в седельную луку. — С Эклингом или Аквилонцем?

— Да с нашим королем, само собой, — удивился вопросу стражник. — Мы еще думали, куда он так торопится — ни свиты, ни охраны, только его дознавательская милость...

— Гони, — сухо потребовала магичка, не дослушав блюстителя. — Гони как можно скорее.

Длинный и широкий Верхний Проезд, тянувшийся от окружавшей столицу крепостной стены до замка короны, и в обычные дни отличался многолюдьем. Сегодня же главная улица Вольфгарда превратилась в полноводную цветастую реку, важно текущую по направлению к Торжищу. Обыватели направлялись поглазеть на фейерверки и получить обещанное угощение от казны.

Осознав всю безнадежность намерения добраться до Цитадели по прямой, Грайтис свернул налево, в переулки Кожевенного квартала — народу здесь оказалось поменьше, и лошадь могла идти легкой рысью. Стигийка беспокойно ерзала на своем месте, раздраженно молотя бедное животное каблучками сандалий по боку.

— Рени, оставь коня в покое, — через плечо попросил ширриф. — Мы почти приехали. Между прочим, мне станет чуток спокойнее, если ты растолкуешь, что мы такое затеваем. У короля вроде бы имеется законное право делать то, что он сочтет нужным. Он вполне может уехать с Ярмарки, не дожидаясь ее окончания, пусть это и будет выглядеть несколько... э-э... невежливо. Хорошо, вот мы примчались в крепость, и что мы скажем? «Ваше величество, ну-ка быстро возвращайтесь обратно, и, кстати, по дороге извольте открыть секрет — зачем вы прихватили с собой дознавателя Рэфа?» После такой выходки я смело могу подыскивать себе другое ремесло — где-нибудь подальше от Пограничья!..

— Замолчи, — огрызнулась в ответ госпожа колдунья, подкрепив требование коротким ударом маленького кулачка. — Лучше поразмысли, что для тебя дороже — должность или жизнь?

Она с неудовольствием глянула вверх, на видневшееся между крышами домов пепельное небо, становившееся все темнее. Сумеркам наступать вроде еще рано, значит, копившиеся весь день тучи решили порадовать Летнюю Ярмарку изрядной силы грозовым дождем. Гроза — это скверно. Очень скверно, и вовсе не потому, что ливень испортит церемонию завершения первого ярмарочного дня. Ренисенб заколебалась перед выбором — не предоставить ли Эртеля Эклинга и Рэфа их собственным судьбам (не маленькие дети, справятся) и не возвратиться ли обратно, на Торжище. Она могла бы обратиться к Аквилонцу или его жене, убедить их...

«В чем? — язвительно прикрикнула на себя стигийка. — В необходимости срочно вернуться в крепость? В том, что их давнему приятелю, правителю Пограничья, угрожает опасность, сущность которой она, посвященный маг, не способна разгадать? Или поделиться откровением, что мой бедный рассудок не выдерживает груза дурных предчувствий, не имеющих под собой никакой зримой основы? Что я чувствую беду и не знаю, как ее избежать?»

Но, пока она сомневалась, пегий конь с двумя седоками уже топтался подле Оленьих ворот коронного замка, а караульные гвардейцы охотно сообщили, что Эртель недавно прибыл. В край-

ней спешке, надо заметить. Прямо-таки свалился с седла и направился, что удивительно, к входу в нижние казематы. Да, и дознаватель Рэф с ним пошел. Точно-точно, именно Рэф из Восходного квартала. Кто ж его не знает?

— Пойдем следом? — полувопросительно, полуутвердительно спросил Грайтис. Он уже стоял на земле, а захваченная собственными размышлениями магичка продолжала боком восседать на спине лошади. — Рени, тебе не кажется, что нам не помешают спутники? Десятка человек хватит, как полагаешь?

— Что я собираюсь делать? — надтреснутым, прихваченным морозной коркой голосом произнесла Ренисенб, сверху вниз смотря на ширрифа. — Что мы собираемся делать?

— Идти в подвалы за Эртелем Эклингом и Рэфом, которые творят что-то несуразное, — без долгих колебаний отчеканил бритуниец. — Выяснить, имеют ли их поступки разумное толкование. Так кликнуть стражу или обойдемся собственными силами?

— Зови, — решила магичка. — Пропадать — так с шумом и треском.

* * *

Дворцовая гвардия вообще-то находилась в подчинении у управляющего крепости, Темвика Магнуссона, но у ворвавшегося в казарму ширрифа было такое выражение лица, что никто не рискнул оспаривать его право отдавать приказы.

Собственно, все, что ему требовалось — десяток стражников, а еще усилить караулы на всех воротах и быть готовыми... К чему — Грайтис не уточнил. Последнее распоряжение исходило от Ренисенб, уверенной, что обитателям замка грозит какая-то беда. В глубине души ширриф понимал, что заразился от магички этими самыми дурными предчувствиями, которые не высказать словами, но которые способны свести человека с ума.

В подземелье их пропустили не то, чтобы беспрекословно, но спорить с медленно закипавшей стигийкой, рывкнувшей, что ответственность за все происходящее лежит на ней и только на ней, не захотелось никому. Возражать магу — себе дороже. На что уж милейший человек Тотлант Луксурский, а вполне способен надолго испортить жизнь тому, кто вовремя не откроет ему дверь или отпустит несвоевременную шутку.

По узким полутемным коридорам Ренисенб едва ли не бежала, оторвавшись от сопровождения и напоминая идущую по следу охотничью собаку. Ей, похоже, не требовалось уточнять и спрашивать, не видел ли кто, куда именно ушли король Пограничья и его сопровождающий, она и так это знала. Грайтис еле успел удержать ее от намерения распахнуть дверь темницы и влететь туда со всего разбега. Магичка рывком освободилась и в течение очень долгого мига вспоминала, что за человек стоит рядом, самонадеянно пытаясь ей помешать.

— Сначала мы, — тоном, не признающим возражений, заявил бритуниец.

— Нет, я. Я волшебница, — зло напомнила Ренисенб.

— Вот именно, — согласился ширриф. — Хотелось бы сперва разобраться, что происходит, а ты в таком настроении вполне способна кого-нибудь убить. Рени, успокойся. Немедленно, иначе останешься ждать в коридоре.

На кончиках пальцев магички затанцевало и погасло еле различимое голубоватое пламя, она несколько раз глубоко вдохнула и неохотно кивнула:

— Ладно. Но ты тоже не рвись стать героем.

Из-за массивной двери, обшитой для крепости медными полосами, не доносилось ни звука. Десятник нацелился было ткнуть створку, но Грайтис жестом приказал ему оставаться на месте, осторожно потянув за поблескивающее от частого употребления бронзовое кольцо. Зловещего скрипа не последовало — петли хорошо смазывались. Дверь просто распахнулась, открыв пустое караульное помещение и перекрещенные решетками камеры. Сидельцы, само собой, отсутствовали — их еще утром доставили на Ярмарку, где они получили причитающееся и отправились кто по домам, а кто в городскую тюрьму. Однако стражниками надлежало по-прежнему оставаться на месте, надзирая за обитателями нижнего подвала.

Стигийка, мигом забыв об уговоре, протиснулась мимо ширрифа и, ступая едва ли не на цыпочках, вошла в камеру.

— Вон один, — без всякого выражения сообщила она, заглядывая за отодвинутый в дальний угол стол. — Мертв, полагаю. Обычно они несли караул втроем или вчетвером. Остальным, значит, тоже не повезло.

Грайтис перегнулся через стол, быстро осмотрел скрючившееся тело в некогда темно-зеленом мундире, теперь сменившем цвет на черный, и пропитанную кровью солому на каменном полу. Ренисенб помалкивала, выстукивая ногтями частую дробь по столешнице. Первый же из стражников, кто рискнул приблизиться к закрытой двери в нижние подвалы, был остановлен ее предостерегающим взмахом руки. В маленьком помещении стало на удивление тихо — гвардейцы, не очень-то разобравшиеся в сложившейся ситуации, вопросительно косились на ширрифа, тот ждал каких-либо указаний от госпожи эш'Шарвин, а женщина размышляла, становясь все мрачнее.

Молчание прервалось едва различимым звуком, вроде тихого «пст-пст», исходившего из недр одной из камер.

Темная куча тряпья осторожно шевельнулась, неуверенно поднимаясь на ноги, но тут же качнулась обратно — в чрезмерном усердии один из гвардейцев едва не ткнул в непонятное существо копьём через решетку. Узник немедля откатился подальше и вполне членораздельно — однако по-прежнему вполголоса — возмутился. Даже упавшие до громкого шепота, эти басистые раскаты с головой выдали своего обладателя, заста-

вив Грайтиса встрепенутся, отогнать блюстителей и подойти к решетке:

— Брат Бомбах?

— Тихо! — зашипел монах. — Ваше степенство, никак совсем жизнь надоела? Чего вы тут шатаетесь? Или до сих пор ничего не смекнули? Король-то наш спятил, заодно с соплеменниками своими! Ему теперь никто не указ и десятком стражи его в разумение не привести, а все через гиперборейцев клятых!

— Гиперборейцы тут ни при чем, — отчетливо выговорила колдунья, на лице которой появилось тоскливо-ожесточенное выражение. — Верно, они занимались попытками овладеть сознанием Карающей Длани, но в том, что происходит сейчас, нет их вины. Почему я не догадалась раньше!

В раздражении она шлепнула кистью по железному коробу замка. Внутри что-то жалобно хрустнуло, запертая дверь камеры отошла в сторону, однако брат Бомбах не спешил воспользоваться столь неожиданно обретенной свободой.

— Они спустились туда? — будто о чем-то незначащем, спросила Ренисенб. Монах торопливо кивнул круглой обритой головой:

— Ага. И король, и второй, что постарше. Явились, потребовали ключи у старшего над охраной, тот заикнулся возразить, ну, его и... — звонарь выразительно чиркнул кривым большим пальцем по воздуху. — А двоих других они с собой увели.

— Можно просто запереть их там и отпра-

виться за помощью, — раздумчиво протянула магичка. — Сомневаюсь, чтобы стражники еще пребывали в живых. Только как мы потом будем смотреть в глаза горожанам или, предположим, тому же Аквилонцу, если он захочет узнать о судьбе своего друга? Солжем, якобы у короля случился приступ нервической лихорадки и он в точности уподобился одержимым скограм? Может, сдвигающий лавину камешек еще не покатился по склону и мы успеем отвлечь его падение? Я должна пойти туда и узнать, чем они заняты, — деловито закончила она, — запирайте за мной дверь и ждите. Если у меня ничего не получится, у вас будет время, чтобы успеть скрыться. Если получится...

Она не договорила, ловко юркнув в приоткрывшуюся на миг и тут же захлопнувшуюся дверь. Грайтис, прорывав что-то невнятное, ринулся за ней, пропустив мимо ушей предостерегающий возглас гвардейского десятника, оставшегося в полном недоумении касательно дальнейших действий.

Крутую и узкую лестницу, ведущую во второй подвал, освещало тусклое мерцание, застоявшейся лужицей скопившееся внизу. На полпути бритунец споткнулся о мягкий и тяжелый предмет, без всякого удивления опознав в нем еще одного безнадежно мертвого тюремного охранника. Зыбкая тень Ренисенб пряталась за выступом арки, отмечавшей завершение лестницы. Грайтис шмыгнул за соседний каменный выступ и, собравшись с духом, осторожно высунул голову из укрытия.

В нижнем ярусе подземелья он побывал лишь единожды — когда изловили второго не то третьего одержимого, и он лично сопроводил добычу в замок. Как знал ширриф, пленили меньше десятка заклятых оборотней, но так ли это на самом деле, он сказать затруднялся — существа, приглушенно рыча, метались в камерах, отчего казалось, будто их тут целая дюжина.

Сквозь звериный вой пробился жалобный человеческий голос, надрывно и безнадежно твердивший: «Ваша милость, ваша милость»... Причитания оборвались коротким бульканьем — за решетками оживленно зашущукались — и мягким шлепком падения. Раздался короткий брякающий звук — некто, держа в руке связку ключей, рассеянно встряхивал ее.

Именно это жестяное лязганье окончательно и бесповоротно убедило Грайтиса в истинности увиденного. До того разум упрямо отказывался верить глазам, настойчиво твердившим, что вон та сгорбившаяся и ткнувшаяся лбом в каменную стену фигура, несомненно, является Эртелем Эклингом. Второй же силуэт, что небрежно помахивает связкой ключей, есть никто иной, как дознаватель Рэф из Восходного квартала, уроженец бурга Ильгорт, стоящего на сорок восьмой... или тридцать восьмой? — лиге Аквилонского тракта в королевстве Пограничном. Насколько можно судить в полутьме, и тот, и другой вроде бы не изменили человеческому облику, вот только голос у Рэфа словно обсыпали сверкающими колющими осколками битого льда:

— Возьми ключи и выпусти их. Давай, давай, время дорого.

Эртель, не глядя на собеседника, протянул руку к покачивающейся связке... и отдернул ее, словно обжегся.

— Н-нет, — пробормотал он. — Не хочу. Пусть остаются там.

— Щенок, — очень отчетливо и ясно произнес Рэф. — Трусливый, пускающий лужицы, безмозглый щенок. Даже твой так называемый приемыш сообразительнее, чем ты.

— Попридержи язык, помни, с кем говоришь!.. — вскинулся было Эртель, но тут же затих, съевшись, как получившая пинка собака. Среди одержимых пролетело невнятное шущуканье — если бы речь шла о людях, Грайтис назвал бы это смехом.

— Если дядюшка по доброте душевной оставил тебе корону, это еще не делает тебя истинным правителем, — равнодушно откликнулся дознаватель. — Неважно, кто отперет эту дверь — ты или я. От судьбы никуда не деться. У тебя нет иного выбора. Есть Карающая Длань, есть люди, и сегодня ночью будет проведена черта, что навсегда отделит одно от другого, — говоря, он подобрал нужный ключ и вложил в скважину замка, но пока не повернул. — Тебе придется пойти со своим народом, потому что куда ты еще денешься? К моей величайшей досаде, среди нас пока не сыскалось никого, достойного бежать впереди и указывать дорогу. Пока это место займешь ты, а потом... потом посмотрим. Хватить с

нас бессмысленных потуг стать тем, чем мы не являемся!

— Они кричат у меня в голове, — устало вздохнул Эртель Эклинг. — Не умолкая, днем и ночью. Если я открою клетку, они затихнут и уйдут? И больше не придется никого убивать?

— Стойте, остановитесь! — на протяжении всего непонятного разговора магичка безостановочно сплетала и расплетала пальцы — нервничала или готовила к действию какое-то заклятие. Теперь она сорвалась с места, в два шага оказавшись между Эртелем и Рэфом, мало удивившись ее неожиданному появлению. Возможно, они догадывались о присутствии сторонних зрителей, но для них это больше не имело значения. — Это ошибка, моя ошибка, которую еще не поздно исправить!

Она круто повернулась к дознавателю, предназначая свою горячую и сбивчивую речь в основном ему:

— Рэф, я все поняла неправильно! С самого начала, с самого первого убийства мы пошли не той дорогой! Это вовсе не происки гиперборейцев, о чем мы докладывали королю. Это не звериная магия, не голоса твоих богов, не повеление Вожака, в которое ты поверил сам, а теперь намерен любой ценой заставить поверить остальных. Это нечто иное, древнее, старше Карающей Длани и dwarves, старше развалин Птейона и руин альбийских крепостей. Оно живое — живое и безумное, и оно стремится заполучить тебя, потому что в тебе скрыто кое-что, полезное и подвла-

стное ему. Сперва эти бедолаги, потом ты, потом Эртель, потом оборотни Вольфгарда, а потом? Что будет потом? Реки крови, разобщенные народы и погибшая земля, как в прошлые времена?

— Возможно, — из своего укрытия Грайтис различил, как меняется лицо старинного знакомого, человека — ладно, не человека, оборотня — которого он считал своим лучшим другом. Рэф не превратился в жуткую тварь, наподобие изловленных им заклятых оборотней, наоборот: словно дикий лесной зверь из всех сил пытался казаться существом из рода людей. Ширриф уже устал удивляться или пугаться, он просто ждал, как ждут окончания затянувшегося кошмарного сна. Смысл запутанных рассуждений волшебницы ускользнул от него, и по привычке Грайтис тревожился лишь об одном: есть ли возможность удержать Эртеля и Рэфа от замысла отпереть клетку? Полузвери, оказавшись на свободе, наверняка ринутся искать выход из замка. Не приведи боги кому-нибудь оказаться на их пути... — У тебя имеются предложения?

— Оставим все, как есть, — стигийка перевела дыхание, — уйдем отсюда. Скоро должен вернуться Озимандия. Он знает больше меня, и я верю — он непременно найдет средство одолеть кружащую над Вольфгардом тень. Зачем приглашать в дом собственную гибель?

На какое-то мгновение ширриф поверил, что Ренисенб сумеет уговорить оборотней. Во всяком случае, Эртель смотрел на магичку с надеждой, не делая попыток дотянуться до торчащих из

замка ключей. Заклятые притихли, еле слышно поскуливая.

— Слишком поздно, — в голосе Рэфа звучало явственное сожаление, не помешавшее ему быстрым движением повернуть ключ в скважине. Раздался двойной щелчок, скрежетнула отброшенная в сторону решетка.

Вырвавшиеся из заточения обезумевшие дети Карающей Длани в слаженном, едином порыве устремились вверх по лестнице — прыжками, на четвереньках и двух ногах.

Донесся грохот срываемой с петель двери, истошные, отдающиеся раскатами протяжного эхо, вопли угодивших в ловушку гвардейцев, и удаляющийся топот. Грайтис был уверен, что навсегда запомнит этот легкий, отдающий запахом мокрой шерсти ветерок, поднятый мчавшимися мимо скограми. Ширриф не показался им подходящей добычей — а может, кто-то запретил им нападать на бритунийца.

Стигийка в отчаяние схватилась за голову, ее лицо исчезло за взметнувшимися и упавшими черными прядями. Дознаватель коротко хмыкнул и пожал плечами — мол, что сделано, того не поправишь. Потерявший всякую способность к здравому размышлению Эртель слепо тыкался в стену, подвывая и бессмысленно шаря по ней в поисках выхода. Скривившись, Рэф ухватил короля Пограничья за рукав и потянул за собой.

— Оставь его! — внезапно завизжала магичка, выпрямляясь и отрывая руки от лица. — Я не позволю тебе сделать из него жоака безумцев!..

Без того спертый воздух подземелья сгустился настолько, что им вполне можно было захлебнуться, как водой. Вокруг Ренисенб за клубилось желтоватое туманное облачко. Повинуясь резкому жесту колдуньи, оно свилось крученой плетью, хлестнувшей точно между Рэфом и Эклингом. Бывший дознаватель с криком боли отдернул руку, Эртель качнулся, словно падая с уступа, и головой вперед влетел в открытую дверь камеры, захлопнувшейся за ним с лязгом сработавшего медвежьего капкана. Руки волшебницы в широких рукавах метались, вычерчивая причудливые фигуры и оставляя за собой еле заметный, расплывчатый голубоватый след. Прутья решетки налились багрянцем и ослепительно вспыхнули, заполнив подвал невыносимой яркости светом, проникавшим даже сквозь плотно зажмуренные веки.

Полуослепший Грайтис скорее ощутил, чем увидел появившуюся рядом темную фигуру, проскользнувшую ему за спину. Перед глазами плавали радужные пятна, никак не желавшие соединяться в что-то целое и понятное, но голос дознавателя ширриф узнал безошибочно:

— Собственно, против тебя я ничего не имею. Дело в твоей подруге, обожающей путаться под ногами. Так что извини — если тебе от этого легче — и прощай.

...Произнеся завершающие строчки Заклятия Оков, госпожа эшШарвин с десятков ударов сердца стояла, покачиваясь взад-вперед и собирая воедино разлетевшиеся неведомо куда мысли. По-

добное колдовство давалось ей с изрядными трудами, но теперь она твердо знала — кроме нее самой, никто не выпустит Эртеля Эклинга из его узилища, и, что немаловажно, не сможет причинить ему вред. Пусть посидит там до утра, пока вновь не изловят разбежавшихся скогров, а потом она что-нибудь придумает. Но Рэфа нужно задержать в первую очередь и упрятать под замок! Как она могла упустить из вида то обстоятельство, что вернейший из соратников постепенно теряет рассудок?..

Магичка обернулась. Чадающий факел, узкая арка, уходящие в темноту ступеньки. Лежащий ничком человек, вывернувшийся в последнем усилии привлечь ее внимание. Крови почти нет, только тихие шелестящие звуки — вроде поскрипывания заржавевшего жестяного флюгера под налетающим ветром. Поворот, еще один... а потом вязкая тишина.

Глава вторая

Охотники и добыча

1 день Второй летней луны.

Восемь причудливых, отдаленно смахивающих на людей созданий, коротали время в ожидании девятого, признанного ими за старшего, имеющего право отдавать приказы. Существа не оспаривали этой власти, напротив — они испытывали облегчение и уверенность, зная, что отыскался некто, способный позаботиться о них. Без старшего они бы наверняка пропали, сгинули в этой жуткой каменной норе, не в силах примирить враждующие стороны своих с рождения раздвоенных душ — человеческих и звериных.

А потом пришел тот, кто успокоил их и растолковал, что в скором времени непременно выпустит их на волю, где им предстоит совершить кое-что полезное. Скогры согласились, хотя каж-

даый миг, проведенный в подвалах Цитадели, казался им невероятно растянувшимся годом.

Когда дознаватель Рэф наконец вышел из каземата, бывшие обыватели Вольфгарда бросили выпотрошенный труп гвардейца, служивший им игрушкой, и приветственно заскулили. Рэф тщательно запер дверь на три массивных засова и внушительного вида замок, и повернулся к восьми парам уставленных на него глаз, чей цвет менялся от тускло-зеленого до медно-оранжевого. Кто-то нервно, с подвыванием зевнул, кто-то заскреб когтистыми лапами по камням. Произносимых вслух человеческих слов скогры почти не понимали, зато у них всецело сохранялся талант Карающей Длани переговариваться, обращаясь к разуму собеседника и выстраивая череду быстро меняющихся образов. Мысленное изображение бегущего животного, к примеру, беспрекословно подняло маленькую стаю с места и отправило в путь.

Пока замысел развивался успешно, плавно переходя от одной ступени к другой. Рэф почти не надеялся, что волшебница и ширриф попадутся в уготовленную им ловушку, но эти двое, похоже, изрядно поглупели. В городе, конечно, остались другие маги, но ими скоро займутся. То, что пришлось пожертвовать Эртелем — не беда. Слишком долго он болтался среди людей и совсем очеловечился. Эклинг ничего не понял, испугавшись надвигающихся перемен. А он, Рэф, догадался о тайном смысле явленных знамений, безошибочно признав в них редчайшую возмож-

ность не только проявить себя, но и возродить былую славу Карающей Длани. Может, через год или десятилетие — куда спешить тем, чей срок жизни намного протяженнее кратких и жалких мгновений, отпущенных людям?

И начало грядущим изменениям будет положено именно сегодня. Рэф ощущал их близость, как звери предчувствуют наступление грозы. Так пускай же хлынет очищающий дождь, смывая прошлое и унося его за собой!

При всей своей неприязни к племени дворгов Рэф мысленно поблагодарил строителей крепости за множество переходов, галерей, винтовых лестниц, неожиданных поворотов и укромных мест, позволивших ему и его спутникам без особого труда проскользнуть незамеченными стражей. Дознаватель предусмотрительно выяснил и о потайных лазах, два из которых вели в город, а третий завершался за пределами стен Вольфгарда, на окраине большого заливного луга. К началу этого подземного прохода он и держал путь.

Дверь потерны пряталась за винными бочками в одном из подвалов, отведенных под склад провизии. Открыв ее позаимствованными ключами, Рэф заглянул внутрь, увидев вымощенный камнем узкий проход. Стая ринулась было внутрь, но послушно остановилась, уловив раздражение Старшего, и, потолкавшись, расселась полукругом. Рэф дернул углом рта, представив, сколько мучений придется испытать, прежде чем он внушит подопечным, какие именно действия им надлежит совершить. К сожалению, скогры раз-

мышляли, подобно животным или детям — в их головах ничто не задерживалось подолгу. Кроме того, они все время хотели убивать. Это желание переполняло их жестокий, немудрый разум, как разлившаяся река, грозящая вот-вот выйти из берегов.

— Ладно, начнем, — вслух произнес он, присаживаясь на какой-то ящик. Раз в его распоряжении имеются пока только эти восемь тварей, он выжмет из них все, на что они способны.

Сосредоточившись, для начала Рэф как можно подробнее обрисовал Ярмарочное Поле и шумную людскую толпу, собравшуюся подле Бронзовых ворот в ожидании начала фейерверков. В темнеющее небо, свистя, шипя и разбрасывая искры, взлетела первая шутиха, плотное людское скопление качнулось, забуллив беспорядочной мешаниной взмахивающих рук, раскрытых в беззвучных воплях ужаса ртов и вытаращенных глаз. Одержимые заерзали, пытая и скалясь — призрачная картина припала им по душе. Значит, они ее не позабудут и станут теми шальными искрами, от которых займется пожар.

Дознаватель торопливо добавил фигуры личностей, могущих представлять опасность, сделав особенный упор на Аквилонца и его близких. Этих людей необходимо прикончить, а если не удастся — напугать так, чтобы поскорее убрались из Пограничья, не оглядываясь и не раздумывая. Также Рэф настоятельно приказывал разыскать белого волчонка-подростка — от него всенепременно нужно избавиться — и девицу

Нейю Раварту, в каком бы облике она ни пребывала. Женщину не трогать и по возможности охранять.

Над следующим заданием Рэф какое-то время колебался: его никак не удавалось облечь в четкие и ясные образы, доступные скудному пониманию оборотней. Он и сам толком не понимал, что или кого именно пытается найти. Оно представлялось неуловимым мерцающим огоньком, обладавшим нешуточным могуществом и совершенно не умеющим его использовать. Этот человек — или зверь? — бродил где-то поблизости, не позволяя увидеть себя и узнать. Может быть, скограм, как созданиям более восприимчивым, повезет натолкнуться на нечто похожее?

Вслушав, члены стаи один за другим исчезали в темном проеме. Рэф не рассчитывал увидеться с ними вновь, да этого и не требовалось — к завтрашнему рассвету к нему явятся сотни подобных созданий. Вполне достаточно, чтобы при необходимости стереть Вольфгард с лица земли. Рэф подумывал над возможностью захватить крепость, куда Эртель и его гости шляются по Ярмарке, но решил не рисковать. Так и быть, пусть люди прячутся за стенами, которые они ошибочно считают неприступными. Их ждет глубокое разочарование.

«А для вас у меня есть кое-что особенное», — напомнил он двум созданиям, не спешившим уйти вслед за сородичами. Те насторожились, готовые мчаться туда, куда он прикажет.

В отличие от оборотней, которым отводилось

всего три облика — человеческий, волчий и нечто среднее между ними — скогры, похоже, запознали способность изменять обличье в зависимости от обстоятельств и по желанию. Они еще не овладели толком новым умением, и смотреть на плоды их усилий порой было страшновато даже Рэфу. Вот и сейчас одна из внимавших ему тварей смахивала на огромную куницу с непомерно длинными лапами и плоской мордой, искаженно повторяющей человеческие черты. Существо предпочитало двигаться не по земле, а скакать, используя выступы на стенах и потолках, и совсем недавно отзывалось на имя «Мави». Ее сосед вознамерился обернуться чем-то вроде помеси барса и ящерицы, став в итоге похожим на двуногого, сильно горбящегося и непомерно зубастого детеныша дрохо.

«Мы отправляемся за жизнями вот этих людей», — Рэф хмыкнул, представив, как вручает жутковатым собеседникам листы пергамента, где красуются физиономии содержащихся в замке гиперборейских магов — Эгарнейда и Крэгана Беспалого. Растолковать скограм, что колдуны находятся в помещениях Медвежьей башни, дознаватель не сумел — его не понимали. Проще отвести подручных к нужной двери, велел: «Пойди и убей». К тому же Рэф намеревался взглянуть, как обстоят дела в крепости, прежде чем покинуть ее и затеряться в городе. Как знать, вдруг ему удастся увлечь кого-нибудь за собой?

Теперь они поднимались по лестницам наверх, и Рэф мог поклясться, что вживую ощуща-

ет пронизывающий бастионы крепости трепет, нарастающий с каждым мгновением. Выбравшись через малоприметную и неохраняемую дверь, Рэф и его спутники огляделись, приняхиваясь — они оказались на открытой галерее, висевшей над нижним двором Цитадели. Темнело, весь горизонт затянула свинцовая хмарь, и лишь на Закате различались отблески садящегося солнца. Пахло дождем, Мави с приятелем невольно присели и прижали уши, когда над их головами проворчал отдаленный раскат грома. У ворот толпилась, переговариваясь, стража, но, к счастью, никто не обратил внимания на странную тройцу.

«Ступайте туда, — Рэф указал на башню. Девчонка и ее косматый дружок растянули пасти в подобии ухмылок. — Закончив, бегите прочь и отыщите меня. Поняли?»

Ответом стал цокот когтей по камню — скогры умчались. Рэф же замешкался, увидев, как тяжелые створки Оленьих ворот неторопливо расходятся в стороны, открывая путь сперва четверым всадникам на запаленных конях. Следом в замок короны вкатился измазанный грязью по самую крышу экипаж, запряженный шестеркой. Распахнулась дверца, но Рэфу не требовалось видеть лица прибывшего — он знал, кто приехал. Явление Озимандии, конечно, усложнит дело — с ним не так-то легко справиться. Впрочем, одолеть можно любую преграду, надо только додуматься, каким образом.

Обождая, пока старый волшебник, размахивая посохом и сыпля приказаниями, скроется во

внутренних помещениях, Рэф преспокойно спустился во двор и удалился через калитку в неприметных Купеческих воротах, отведенных для хозяйственных нужд. Там его знали и даже окликать не стали — раз его милость дознаватель желает покинуть замок, значит, для того есть причины.

* * *

Новый громовой удар прокатился над Вольфгардом, и запах близкого дождя, отчетливо слышный сквозь узкую, забранную железной решеткой бойницу, усилился. Один из Семи Верховных Халогии, гиперборейский маг Крэган по прозвищу Беспалый, в нетерпении расхаживавший по тесной и душной комнатенке в верхнем ярусе одной из башен цитадели, приостановил свое кружение, прислушался и недоверчиво покачал головой.

За стеной в подобной же комнате, почти камере, маялся старший письмоводитель Эгарнейда. Всякий раз, вспоминая, как обращались с ними стражи порядка, Крэган насмешливо кривил тонкие губы. Да, оба чернокнижника сидели под замком и под надежной охраной, их тщательно обыскивали и некоторое время держали в кандалах — очевидно, чтобы показать заключенным всю серьезность их преступления — а пронырливая стигийка отобрала у обоих магические кольца и весьма жестко обошлась с Эгарнейдом. Однако...

Вместо того, чтобы гноить пойманных на горячем некромагов в мрачном подземелье с кры-

сами, их разместили в этих вот комнатах, пусть и не роскошных, но вполне терпимых, сносно кормят, немедленно прислали хорошего лекаря, дабы тот лечил пропоротый копьем бок Беспалого и подпалины Эгарнейда, оставшиеся после учиненного Ренисенб допроса... Вольфгардцы не церемонились с местьором письмоводителем, верно почувяв, что он — невысокого полета птица. Но с ним, Крэганом Беспалым, обращались более чем уважительно. Боятся открытой ссоры с Халогой, подумал маг, в очередной раз мрачно усмехнувшись. Учитывая, что Гиперборее тоже не нужна широкая огласка, дело закончится несколькими грозными депешами с обеих сторон. Круг Белой Руки даст очередную нерушимую клятву, мол, подобное не повторится, а вину свалят на покойного Унтамо. Ему, Крэгану Беспалому, беспокоиться не о чем. Совершенно не о чем. Он повторил эти слова, как заклинание, уже добрую сотню раз.

И тем не менее его снедало смутное, неясное, гложущее душу беспокойство.

Рана в бок оказалась на поверку сущей царпиной, он уже и забыл о ней. Магическое кольцо, лежащее где-то в тайничке у стигийской девчонки, — это, конечно, более серьезно, но, в сущности, плевать и на него. Кольца, амулеты, талисманы пускай развлекают недоучек вроде Эгарнейда, магу высшей ступени посвящения достаточно могущества, заключенного в нем самом. Замки на обитых железными полосами дверях, вооруженная стража?.. Чепуха, при желании Крэ-

ган уже давно мог бы покинуть свое узилище. Тогда в чем же дело?

В том, что тщательно подготовленный опыт Унтамо пошел вразнос, притом самым неожиданным, кровавым, пугающим образом. В торопливо скрывшихся под землей двергах, между изрядными прибылями с Ярмарки и повальным бегством выбравших последнее. В древней, чуждой и мрачной магии, внезапно обрушившейся на Вольфгард — Крэган чуял ее яснее, чем запах гари на свежем пепелище. Более всего настораживало то, что он, как ни старался, не мог опознать это загадочное колдовство. Настораживало настолько, что магик присоветовал послу Великой Хадоги с большей частью присных тайно покинуть пределы Пограничья чуть более седмицы тому — в результате чего толпа горожан осаждала полупустую усадьбу — и сбежал бы сам, если б не стигийская ведьма со своим дружкой. Впрочем, возможно, оно и к лучшему. В конце концов, трудно представить место более безопасное, чем замковая цитадель. Не потому ли, смиряя нетерпение, он и мирился с теснотой убогой комнатухи на самом верху крепостной башни, что...

В следующее мгновение указательный палец на правой руке Крэгана свело короткой судорогой.

Палец был мертвым — серый, костяной, неподвижный, немного длиннее прочих. От него на ладонь, постепенно выцветая и сходя на нет, расползлось сухое пятно омертвелой кожи, грозившее со временем охватить всю руку и перебраться

ся дальше. Ему Крэган Беспалый был обязан своим прозвищем. Итог долгой, дорогостоящей и чудовищно болезненной магической церемонии, высохший палец позволял магу собирать и направлять Силу, успешно заменяя отобранное Ренисенб кольцо. Правую руку гиперборейца пронзила острая боль. Охнув, он непроизвольно накрыл правую ладонь левой, и в тот же самый миг до его слуха донесся жуткий вопль, крик боли и ужаса, долетевший даже сквозь толстые стены и дубовые доски двери.

Кричал Эгарнейд. В соседней комнате что-то покатилося с грохотом и звоном, раздался протяжный скрип — так могла бы скрипеть тяжеленная кровать, точно такая, что и в камере Крэгана, если бы у кого-то нашлись силы сдвинуть ее по деревянному полу на пару локтей. Крик оборвался булькающим звуком, и сразу вслед за тем гипербореец услышал другой звук. Звук этот — сильный трубный рев, в коем смешались триумф убийства и торжество зверя, настигшего добычу — был бы уместен в диких болотах Ямурлака или пиктских лесах, но ни в коем случае не в коронной цитадели столицы Пограничья. Одновременно дверь, ведущую в комнату Крэгана, сотряс тяжелый удар.

Гипербореец попятился, не сводя глаз с дверного проема. Пятился до тех пор, пока не уперся спиной в противоположную стену. Впрочем, комната была чересчур мала. Пять шагов от стены до стены. Один прыжок. Для той твари, что ревет за стеной, конечно же, хватит единственного

прыжка. Чувствуя, как вдоль хребта скользнул предательский холодок, Крэган покрепче утвердился на ногах и сухим указательным пальцем, как магическим жезлом, принялся чертить в воздухе перед собой защитный знак.

Дверь содрогнулась опять, но прочные доски выдержали и этот натиск. Тварь, ломившаяся в комнатку, издала высокий вопль разочарования. Несмотря на отчаянное положение, маг криво усмехнулся, дивясь тупости неведомого противника. Изнутри на двери запоров не было. Снаружи она закрывалась на простой засов, отодвигаемый одним движением руки.

За окном снова сверкнула молния и донесся громовой раскат, столь же могучий, как и предыдущий. Что-то острое заскреблось по железным оковкам и мореному дубу, раздался лязг, и дверная створка распахнулась резким толчком.

Крэган ожидал увидеть если не человека, то по крайней мере нечто человекоподобное. Однако вместо этого в колеблющемся свете коридорных факелов его взгляду предстало существо в виде гигантской ласки, темно-палевого окраса, с широкими когтистыми лапами и мордой, являющей чудовищную пародию на человеческое лицо. Тварь прыгнула прямо с порога, развернувшись из напружиненного клубка с непостижимой гибкостью, и с размаху врезалась в незримую стену перед гиперборейцем. Еще одна фигура, двуногая, но явно нелюдских пропорций, возникла в дверях, заслонив собой свет.

Странно, но при виде своих жутких противни-

ков маг вдруг ощутил подобие спокойствия. Возможно, причина крылась в обстоятельстве, что монстр не мог одолеть магическую защиту, и кривые когти бессильно полосовали воздух в какой-нибудь пяди от жертвы. Гипербореец даже помедлил немного, наслаждаясь бессилием чудовища. Однако слишком мешкать небезопасно — магический щит удержится не более двадцати ударов сердца. Рассерженная тварь рывкнула прямо в физиономию магику. Крэган повелительно поднял ладонь и произнес еще одно заклятие. Ему пришлось повторить его дважды.

— Вот так, — пробормотал он, вытирая покрытый испариной лоб.

На досках пола распростерлись два уродливых тела. Они выглядели совершенно нетронутыми — заклятие мгновенно останавливало сердце, не причиняя внешних повреждений. Одна массивная туша так и осталась валяться на пороге, а в коридоре под чадающим на стене факелом Беспалый увидел обмякшее тело одного из гвардейцев, несших караул у дверей его тюрьмы. После воплей людей и чудовищ наступившая тишина оглушала, сквозняк трепал пламя факела и покачивал дверную створку, будто приглашая воспользоваться свалившейся невесть откуда свободой.

Глава третья

Ночи нет конца

Ночь с 1 на 2 день Второй летней луны.

В Пограничье, крае, расположенном в самом сердце Закатного Материка, стране гор и лесов, мало кому доводилось бывать на морском побережье, иначе он бы отметил безусловное сходство между явлением огромной приливной волны и событиями ночи после первого дня Летнего Торжища. Волна безумия, зародившись на восходной окраине, разметала в клочья прилавки, балаганы и склады Ярмарки, хлынула по главной улице столицы, грянулась о стены коронного замка и откатилась назад, затопив городские кварталы.

Крепость возвышалась над городом, как жестоко потрепанное внезапно налетевшим шквалом судно, потерявшее почти все паруса, сбившееся с курса и продолжающее двигаться только благо-

даря равнодушной силе течения да настойчивости уцелевшего экипажа, решившего любой ценой достичь спасительной гавани рассвета.

Ковыляющий по беспокойной ночной зыби фрегат Цитадели подбирал на борт уцелевших жителей близстоящих домов, ринувшихся за спасением в замок, и людей, чудом сумевших покинуть кровавое месиво Торгового Поля — заезжих купцов, гостей из провинций, свитских и гвардейцев аквилонского короля.

Одновременно замок терял возможных защитников — тех, кто по прихоти судьбы явился на свет в племени Карающей Длани и теперь волей или неволей превращался в скогров, одержимых.

Одни исчезали тишком, покидая вверенные им посты, бросая оружие, откладывая в сторону иглу, черпак или вилы, и следуя гремевшему в крови призыву рождающегося Зверя. Другие пытались бороться с наваждениями, погибая от рук своих же бывших друзей, насмерть перепуганных и забывших обо всем, кроме помыслов о собственном спасении, либо — если им везло — оказываясь за решетками в подземельях и казематах. Третьи, с которыми приходилось тяжелее всего, впадали во внезапное помешательство, хаотически меняя облики, бросаясь на любое живое создание и не делая различия между людьми и соплеменниками. Эти чаще всего беспрепятственно пропадали за стенами крепости, унося с собой две-три жизни, да еще успевая вдвойне больше ранить и учинить изрядный переполох.

Подле трех ворот замка — Оленьих, Купече-

ских и Снежных — царил сущий кошмар. Горожане рвались под защиту стен Цитадели, гвардейцы, опасаясь открывать ворота настежь, впускали людей маленькими группами. Из темноты в мятущееся людское скопление, как ястребы в утиную стаю, то и дело врываются обезумевшие скогры, и над всем этим столпотворением стоял дрожащий, бессмысленный крик. Не выдержав, кто-нибудь из спасающихся начинал карабкаться на ворота. Попытки обычно завершались падением в мечущуюся внизу толпу, слышался отвратительный хруст, и о человеке тут же забывали.

Несмотря на хлещущий ливень, в восходной части небосклона отчетливо различалось высокое желто-алое лохматое сияние. Огонь расправлялся с ярмарочными рядами, угрожая вот-вот перекинуться за стену. Укрепления Вольфгарда по большей части оставались земляными и деревянными, лишь на некоторых участках их заменили каменной кладкой. Разбегавшимся с горящего Торжища одержимым полузверям не составило труда перебраться через стены и ворваться в город, где они бесцельно носились по улицам, нападая, бросая умирающую жертву и тут же кидаясь на поиски новой. В некоторых подворьях вовремя сообразили запереть наглухо все входы-выходы и схватились за оружие, превратив дома в маленькие неприступные крепости и надеясь на лучшее.

Однако долгой ночью во многие головы закралась тягостная мысль о том, что Вольфгард обречен. Пусть подсчитано, что на пять-шесть го-

рожан приходится всего один уроженец Карающей Длани, но в уличной потасовке, да еще пребывая в зверином облике и будучи невменяем, оборотень с легкостью может противостоять даже десятку вооруженных людей.

В этом на собственном горьком опыте убедились немногие оставшиеся в живых блюстители из городской стражи, пытавшиеся справиться со скограми, преследовавшими беглецов с Торгового Поля. Раны, нанесенные железом или стрелами, не причиняли тварям особенного вреда, они упорно продолжали двигаться, даже когда удачно нанесенный удар крошил им хребет. Уже не раз и не два скогра, принятый за мертвого, вскакивал, норовя прикончить того, кто имел несчастье оказаться в пределах досягаемости.

Нельзя сказать, чтобы замороженные оборотни отличались догадливостью или природной сметливостью животных. Натыкаясь на запертую дверь и убедившись, что с разбегу ее не высадить, они не пытались искать обходные пути или способа открыть створку, но быстро теряли интерес и мчались дальше.

Десятка два жутких созданий, принявших вид громадных уродливых насекомых с головами хищных птиц, опьянев от запаха и вкуса крови, преодолели сухой ров вокруг коронного замка и вскарабкались по выступам на стене. Их вовремя заметили, обстреляв подожженными стрелами и вынудив отступить. Однако скогры не торопились отказываться от замысла закусить толпившимися во дворах людьми. Они носились по бас-

тионам, выскакивая то тут, то там, хватая нерасторопных и сея ужас.

Исчезнуть их заставил только прянувший из окна в Медвежьей башне густой рой малиново рдеющих искр, разделившийся на отдельные облачка и плотной вуалью окутавший каждое из созданий.

Раздался пронзительный визг, отдаленно напоминавший проклятия на человеческом наречии, и охотники за человечиною стремительно попрыгали вниз со стен. Один, коему особенно досталось, поскользнулся на мокрых камнях и рухнул с высоты напрямик на ступеньки перед входом в жилые помещения замка, где его немедленно прикончили гвардейцы и обитатели Цитадели.

Жгучие искры, расправившись с незваными гостями, вереницей заскользили вдоль линии стен, будто им приказали нести дозор. Стражники, с опаской покосившись на эдакое диво, дружно сочли, что присутствующие в замке волшебники наконец-то взялись за ум, начав помогать осажденным. Колдунам жить тоже охота — не менее, чем всем прочим.

Меж тем в крепости нарастала неразбериха, грозившая обернуться всеобщей паникой. В небольшое укрепление набилось слишком много перепуганного стороннего люда, ищущего, куда бы спрятаться и вразной причитающего, мечущегося в поисках уцелевших родных или знакомых, толкающего под ногами у гвардейцев, старавшихся наладить подобие обороны и вдоба-

вок здраво опасавшихся, что любой из соратников может оказаться под властью безумия оборотней, начав изменять облик.

Отдавались команды, которые никто не слушал, хныкали потерявшиеся дети, лил дождь, с шумом дробившийся о каменные плиты, и стекавшая в канавы мутная вода мешалась с кровью. Факелы гасли, масляные лампы давали слишком мало света, в сумятице пытались отыскать коменданта крепости, Магнуссона, но тот сгинул без следа, также, как и трое его ближайших помощников.

О местопребывании Эртеля Эклинга вообще старались вопросов не задавать — уже пошел гулять слухок, будто король Пограничья не то погиб на Ярмарке, не то, перекинувшись волком, бродит в подземельях крепости. Грозный Аквилонец, сумевший вкупе с семейством и дюжиной Черных Драконов проложить себе дорогу в Цитадель, тоже куда-то запропал — и оставалось неясным, кто, собственно, распоряжается в коронном замке.

Там, где особенно густо толпились шлемы стражников и под кованым навесом скрывалась тяжелая низкая дверь, ведущая в подземелье, произошло какое-то движение. Человек, выбравшийся из подземных казематов, был невысок, лыс и коренаст. Из подземелья он выскочил так, словно бы за ним гнались, однако, увидев творящееся в замковом дворе, остановился, как вкопанный. Потрепанная митрианская ряса на нем немедленно начала обвисать мокрыми складка-

ми, пропитываясь дождем. Один из стражников подтолкнул монаха копьем.

— Проходи, святой человек, не задерживайся. Коли врачевать умеешь, ступай под навес у коновязи, там раненых полно.

— Во имя Вечного Света! — потрясенно выдохнул монах. — Что здесь происходит?

— Беда происходит, — раздраженно бросил кто-то из гвардейцев. — Почитай, мы в осаде. В городе полно бешеных оборотней, жрут все, что шевелится...

Брат Бомбах посмотрел на ответившего невидящим взглядом.

Кто-то плакал. Кто-то молился. Под навесом из грубой холстины в несколько слоев, на скорую руку сооруженным у стены донжона, стонали раненые, дожидаясь, покуда их перенесут во внутренние казематы на носилках из связанных копий.

Мимо озирающегося митрианца пробежали два оборванных подростка, таща на стену здоровенные пучки новеньких тисовых стрел из арсенала. Бомбах, коему довелось в свое время оружием постоять и под стенами, и на стенах, приметил, что стрелы зажигательные — головки туго обмотаны просмоленной паклей. Вдоль всей стены, под лесами, занимая едва не половину крепостного двора, молча и терпеливо мокли люди. Почти все они были безоружны, некоторые держали на руках детей. Брат Бомбах навидался на своем веку достаточно беженцев, чтобы с первого взгляда понять, откуда взялась и из кого состоит

испуганно притихшая орава. Второй же взгляд открыл ему еще кое-что.

Беженцев собралось много. Гвардейцев же, напротив, насчитывалось едва не вдвое меньше против обычного гарнизона, притом большей частью они, лишенные какого бы то ни было четкого руководства, сбивались в кучки на крепостном дворе, не слишком превосходя горожан боевым духом. Бомбах скользнул взглядом по стенам. Да, лучники стояли на своих местах — с полдюжины или, возможно, человек десять.

Пока скогры не нападают. Но если решат напасть...

Он постоял мгновение и решительно двинулся к молчаливой толпе.

— Мир вам, братие, сестры и возлюбленные чада! — привычно начал он. — Тяжкое испытание ниспослал нам ныне Дарующий Свет, дабы укрепились в борьбе руки наши, и возросла вера наша в святое дело, и...

...и сбился.

Несколько человек, стоящих или сидящих ближе других, нехотя повернули головы, прочие вообще не обратили внимания. Фальшиво-бодрый призыв не произвел на измученную и продрогшую паству никакого впечатления.

Брат Бомбах кашлянул и присел на корточки. Дождь продолжал монотонно барабанить по спине, по лысине звонаря, крупными холодными каплями стекая на глаза и за шиворот.

— Что там, в городе? — негромко спросил он ближайшего беженца, мосластого красильщика в

кожаном фартуке, с навечно въевшимися в руки красными и зелеными разводами.

— Жуть, — так же вполголоса ответил тот с унылым выражением на длинном, будто сведенном кислой гримасой лице. — Говорят, будто ничто их пеймет — ни меч, ни огонь. Токмо магия их и держит. Как магики королевские выдохнутся — тут и конец всему.

— Что самое паскудное, — сказал рядом рослый бакалейщик с Цветочной улицы, коего Бомбах немного знал, — ладно бы какие гады подземные или там отродья колдовские, вроде того умруна, что давеча затоптали на Медовой. Так ведь нет — твой же сосед тебе кадык пытается вырвать! Сорок лет рядом жили душа в душу, друг к другу через калитку в гости ходили. Нынче вечером — светлые боги! Дверь в щелы, вваливается тварь страшная... я ее в топоры, ан глядь — это ж Карф, сапожник с соседнего двора! Шипит, плюется, когтями машет... еле я ноги унес... Что ж стряслось такое, ни с того ни с сего...

— Поговаривают, кое-кто в митрианских святилищах укрылся, — пробормотал третий. — Вроде они храмы не трогают, стороной обходят. Опасаются, значит.

— Опасаются, — подтвердил брат Бомбах. — Я ведь видел их, одержимых, ну как тебя сейчас — руку протянуть. И вот он я, пощупай — живой! Не подпускает их Свет Истинный, верно говорю, люди! Вера наша щитом нам послужит супротив порождений Тьмы!

— Свет-то оно, конечно, свет, — вздохнул унылый красильщик. — Только где ж его взять на всех, истинного-то? Точно говорю, пропадем здесь, как кролики в садке...

— Верно... Сожрут всех... Чего и говорить... — забормотали вокруг. Звонарь сокрушенно качал головой, про себя радуясь, что привлек наконец хоть какое-то внимание. К разговору начали прислушиваться те, кто сидел поодаль, некоторые, чтобы лучше слышать или вставить слово, подтягивались ближе, и вот уже вокруг митрианца в истрепанной рясе само собой возникло плотное живое кольцо.

— Тебя как звать, добрый человек? — спросил вдруг Бомбах у бакалейщика с Цветочной, встав на ноги и умышленно возвысив голос. — Видал тебя в лавке не один раз, да все недосуг было имя спросить.

— Вольдом кличут, — хмуро отозвался лавочник.

— Где ж семейство твое, Вольд? Никак бросил их?

— Говори, да не заговаривайся! — вспыхнул здоровяк. — Скорее я себя нелюдям на поживу отдам, чем Ренату с детишками! Вот они сидят, где посуше...

— Так как же ты спасся? — в изумлении воскликнул звонарь, всплеснув руками. — Их же, скогров проклятуших, ни сталь не берет, ни огонь, ни вода! Или ты магик?

— Как, как... — буркнул бакалейщик. — Отмахался топором — и ходу в замок... Страшные они.

ясное дело, но жить захочешь — отобьешься и от ледяного демона...

— А ведь ты и с оружием небось ловок, — гнул свое митрианец. — И ежели снова случится за жену да за детей на бой выйти — выйдешь, пожалуй... Да ты ведь и не один здесь такой молодец, а? Эй, люди! Мужики доблестные! Есть среди вас такие, кто за свою семью и собственную жизнь не встанет насмерть?

Согласный гул многих голосов уверил звонаря, что тот нашел наконец правильный подход. Множество лиц обратилось теперь к брату Бомбаху. Монах открыл было рот, намереваясь закрепить достигнутый успех, но тут прямо перед ним выскочил красильщик и завопил срывающимся голосом, потрясая сжатыми кулаками над головой митрианца:

— Да что вы его слушаете! Торчим посереде города в этой крепости, ровно крохотный островок на бурном море! Кругом твари кровожадные, коих ржавым топором не отогнать, ежели они надумают до твоего горла добраться! Может, еще посоветуешь с копием за ворота выйти да встретить чудовищ в чистом поле, по благородному? Оглянись вокруг, опомнись! Обречены мы, это уж точно! Нас тут половина — бабы с детьми, король Эклинг сам, говорят, к скограм переметнулся, про Аквилонца никто толком не ведает, жив ли, из замковой стражи хорошо если сотни полторы остались, а он...

Тут красильщик квакнул странно и смолк, и неудивительно — звонарь, ростом едва доставав-

ший противнику до плеча, но бывший вдвое шире, сильнее и массивнее, крепко двинул паникеру кулаком в поддых. Крикун согнулся пополам, одышливо сипя и обхватив руками живот, а брат Бомбах сделал нечто странное — сорвав с пояса измусоленный отрезок толстой веревки, коим обыкновенно подпоясывал рясу, сунул ее под нос красильщику.

— Обречены, значит?! Вот тебе, держи, и да простит меня Светоносный! — загремел монах. — Можешь повеситься на воротах. А то пооди вон из замка, оборотни тебя там ждут не дождутся! Гляньте на труса, люди! Он еще жив, но все равно что мертвец! Ни проку от него, ни защиты, ни совета, ни утешения. Кто хочет быть похожим на него? Кто еще опустил руки и приготовился к смерти? Неважно, где умирать, важно лишь — как умереть. Как герой? Или как баран на бойне? Что каждый из нас скажет Создателю, явившись в чертоги Его? А может, остаться жить и сохранить жизни женам своим и чадам, плоть от плоти вашей? Кто потерял надежду — прочь из замка! Вы пришли сюда, чтобы защитить свои жизни! Вы надеетесь на высокие стены, на мечи гвардейцев, на королевского мага? Но стены невысоки, гвардейцев мало, маги не всемогущи — отчего же тем, чья рука тверда и глаз верен, не встать на стенах рядом с гвардейцами в помощь себе и им?

— Эй, Бомбах, это я, Элвин! — крикнул кто-то. — Послушай меня! Про оружие и все такое говоришь ты складно, но где оно, оружие? Я

не трус, я на Медовой аллее в первых рядах был, с копьем и с луком управляюсь, но с голыми руками на обращенных сам иди!

Бомбах крикнул. Пустые разговоры кончились, начиналось дело. Звонарь туго подпоясавшись своим вервием, расправил плечи и гаркнул, словно десятник перед строем:

— За мной, люди, во имя Небесного Заступника! Будет вам оружие!

...Где в Вольфгардской Цитадели находится вход в арсенал, брат Бомбах, само собой, не имел ни малейшего понятия, однако ж выяснил моментально, почти не сходя с места — подсказал один из подростков, таскавших стрелы лучникам, указал на приотворенные двойные ворота, скрывавшиеся за пузатой башней донжона. Завидев, как одновременно снимаются с места и уверенно направляются к оружейной несколько десятков крепких мужиков из числа набившихся во двор горожан, гвардейцы встревожились. С десяток серебряных шлемов попытались преградить путь Бомбаху и его ополчению, выстроившись редкой цепью и наставив скрещенные копья. Кое-кто из беженцев дрогнул было, но звонарь даже не замедлил шага.

— Что ж, братья-единоверцы, никак поубиваете нас, безоружных? — вскричал он. В следующее мгновение монах с удивительной для его сложения ловкостью поднырнул под угрожающе блеснувшие наконечники, схватил обеими руками древки копий и вывернул их остриями в небо. Гвардейцы замешкались лишь на миг, но этого

хватило — они уже оказались в гуще толпы, и сильные руки стиснули их оружие. Тем временем громкий бас, привычный и к проповедям, и к строевым командам, увещевал:

— Не противьтесь, воины, и не будет худа! Мы не причиним вреда! Потребно нам оружие, дабы с вами встать на стенах крепких против порождений тьмы и чернокнижия, за веру святую, за родную землю! По личному приказу Конана, владыки Аквилонии, создано ополчение сие в помощь вам!..

«Да простится мне эта маленькая ложь, ибо она во благо», — убеждал митрианец заодно и себя, поелику никакого «личного приказа» от владыки Аквилонии он, понятно, не получал — за исключением указания там, в подземелье, убираться с глаз долой и не путаться под ногами.

Впрочем, упоминание имени Конана оказалось, пожалуй, действеннее, нежели обращение к Владыке Света.

Заслышав, что наконец появился хоть кто-то, способный навести порядок в происходящем вокруг кошмаре и даже отдающий приказы, гвардейцы враз лишились всякой охоты препятствовать неудержимому монаху с его лапотным ополчением.

У врат арсенала, где несли службу полдюжины воинов во главе с десятником, вышло и вовсе просто и почти привычно. Имя Аквилонца, в очередной раз оглашенное Бомбахом, послужило волшебной отмычкой, и спустя двадцать ударов сердца коренастый усатый гвардеец отпирал пе-

ред возбужденно гудящими ополченцами клетки с разнообразным оружием.

Чего тут только не было... Кое-что осталось еще от запасливого короля Эрхарда, некоторые клетки из железных прутьев в руку толщиной заполнял отменным оружием уже его племянник, Эртель Эклинг. В грубо сколоченных ящиках со стружкой лежали мечи — короткие, длинные и двуручные разделью, алебарды и рунки, составленные в колющие пирамиды, секиры, арбалеты — со стремечком для ножного упора или взводящиеся рычагом, кипы стрел и арбалетных болтов... Кольчуги и кирасы, висающие на стенных крюках или сложенные промасленными стопами, круглые щиты для всадников и тяжелые квадратные павизы — стоять на стенах или прикрывать латную пехоту от града стрел... В одной клетке сыскались какие-то загадочные колеса, кривые рычаги и набор бронзовых деталей. Бомбах с трудом догадался, что перед ним разобранная катапульта. Ополченцы разбрелись по подземелью, враз наполнив гулкие залы лязгом, звоном и возторжество-недоуменными возгласами. Кто-то завопил:

— Брат Бомбах! Что брать-то?

Монах не успел ответить, за него ответил бас бакалейщика Вольда:

— Бери что сподручней! Ловок с мечом — бери его, или лук, коль хорошо стрелы мечешь!

— Брони вздевайте непременно! — гаркнул митрианец. — Тяжелые не хватайте, достанет с вас кольчуги, в самый раз от клыков и когтей! И

шлемы с сеткой кольчужной, чтоб шею прикрывала! Да каждый пусть возьмет по арбалету и болтов по вязке к нему!

— Дело говоришь, — одобрительно хмыкнул десятник, стоявший рядом. — С луком управляться — уменье надобно немаленькое и сила в руках. А с арбалетом, точно, оно проще — взвел, нацелил, нажал, всего делов. Ты сам, добрый человек, не служил ли когда раньше?

— Всяко бывало, — неопределенно отмахнулся Бомбах. Сам он себе выбрал тонкую, плотной вязки кольчугу, почти не стеснявшую движений, но надежную против ножа и, следовательно, от когтей тоже, шлем с бармицей и арбалет с полным тулом тяжелых стрел. На случай близкого знакомства со скограми монах, подумав, сунул за широкий кожаный пояс граненый шестопер. Вообще-то меч или секира казались уместнее против твари, обладающей способностью почти мгновенно залечивать любые раны, но Бомбах и прежде был сноровист именно с булавой и изменять привычке не собирался — полагался на свою весьма немалую силу.

Он выбрался наружу одним из первых и подождал, покуда соберутся прочие, теперь уже оружные и представляющие собой какую-никакую, а все же воинскую силу воспрявшие духом горожане. На стенах по-прежнему несли дозор лучники, и тревога ощутимо висела в пропитанном влагой воздухе, но, несмотря на это, природное людское любопытство взяло верх. Поглазеть на диковинное зрелище собралось десятка два стражников и

довольно много беженцев, женщин и детей, не занятых никакой работой или уходом за ранеными. Бомбах встречал каждого выходящего ополченца, осматривал его придирчивым взглядом, при надобности давал полезный совет или отправлял обратно за недостающим добром.

Среди ополченцев затесался и унылый красильщик. Его длинная кислая физиономия являла удивительное несоответствие с воинственным нарядом — кольчуга, меч, арбалет и кинжал на поясе.

В толпе слышались смешки, но звонарь, проверив «новобранца», нашел его экипировку правильной и безукоризненно подогнанной.

— Молодец! — рявкнул Бомбах, одобрительно хлопнув ополченца по железному плечу. Красильщик мрачно буркнул:

— Чай, не в конюшне родился. Пять годов в щитниках отмотал, покуда не продырявили под Демсвартом...

— Да ну? Как звать? — восхитился звонарь. Красильщик пробормотал:

— Длинным Ранди кликали в легионе... — и вдруг оцепенел, глядя через плечо митрианцу. Бомбах удивленно повел глазами и понял, что ополченцы его, сбившиеся перед входом в оружейню в некое подобие неровной шеренги, тоже замерли, глядя на что-то за спиной звонаря, и вроде бы даже не дышат. Также монах осознал с удивлением, что кругом как-то чересчур тихо.

Даже дождь перестал.

Бомбах повернулся кругом.

Собравшаяся толпа расступилась, образовав широкий проход. Посередине этого прохода, окруженный полудюжиной мрачных воинов в черно-серебряных латах, стоял седой гигант в блестящей, как рыба чешуя, кольчуге, с лицом, будто высеченным из камня, но вместе с тем живым, энергичным и привлекательным. В спокойно опущенной вдоль бедра руке он сжимал массивную двойную секиру драгоценной синей стали.

Взгляд голубых глаз киммерийца, удивительным образом суровый и безмятежный одновременно, не отрывался от лица митрианца. При этом монах, мужчина могучего телосложения и не робкого десятка, чувствовал себя странно: вроде как если бы легендарный великан или сам Кром положил ему на плечо тяжеленную ладонь, вдавив в землю так, что не пошевелинуть даже пальцем.

Конан глянул в сторону... бегло осмотрел монахово воинство, тишком подровнявшееся и втянувшее животы... и усмехнулся одними губами. От этой усмешки огромный гранитный валун скатился с плеч брата Бомбаха. Толпа взорвалась здравицами. Кричали все и всюду там, откуда виден был вышедший во двор Аквилонец: гвардейцы на стенах, женщины и дети у ворот, ополченцы Бомбаха вопили, потрясая только что обретенным оружием:

— Да здравствует Аквилонец!

— Аквилонец с нами!

— Слава королю Конану!

Киммериец выждал ровно пять ударов сердца, затем повелительно поднял ладонь, и крики стихли, словно обрезанные ножом.

— Я жив, и король Эклинг жив тоже! — громко возгласил он в наступившей тишине, нарушаемой лишь падением редких капель с крыш, треском факелов и время от времени жутковатым завыванием за воротами замка. — Но ваш король... он ранен. Тяжело, хотя я уверен, что он выживет. Не теряйте надежды. Сейчас мы должны сделать все для обороны замка. У нас хватит сил и оружия, чтобы дать достойный отпор любой опасности. Руководить обороной замка буду я, а также командир моих аквилонских гвардейцев сотник Галтран, капитан дворцовой гвардии Илек... Ополчением, созданным по моему... личному приказу, — тут Конан вновь посмотрел на брата Бомбаха и едва заметно покачал головой, словно говоря «ну, я тебя...», — командует брат Бомбах, достойный служитель Митры. Приказам этих людей подчиняйтесь беспрекословно!

Снова зазвучали приветственные крики.

Конан же шагнул к монаху и сказал вполголоса, нагнувшись так, чтобы никто более его слов не услышал:

— Когда мне доложили, что мой приказ исполнен и ополченцы радостно растаскивают арсенал, я был весьма удивлен. Ясно, почему Эртель так жаждал тебя повесить. Впрочем, насчет ополчения — хвалю. Командуй, если сумеешь, и держитесь крепко, ибо, боюсь, с наступлением темноты нам придется туго.

* * *

Опасения Аквилонца подтвердились сразу вслед за тем, как на Вольфгард опустилась ночная тьма. К тому времени крепостной двор стараниями поименованных Конаном офицеров, а также Бомбаха и еще нескольких человек из ополчения был освобожден от теснившихся вдоль стен беженцев. Горожан разместили во внутренних помещениях цитадели, раненых унесли, и в коронном замке установился относительный порядок. Не дремали и магики. Время от времени с верхней площадки донжона срывалась очередная вереница магических шаров, устремляясь на замену гаснущим — тем, что с сонной равномерностью облетали замок по окружности. Гроза, отшумев свое, удалилась за Граскааль, и на стенах во множестве запылали факелы, а в прозрачном ночном небе появились яркие крупные звезды.

Обычной ночью караульщики нипочем не заметили бы в их зыбком, недовольном свете быстрые тени, вынырнувшие из мрака городских кварталов там, где постройки ближе всего подступили к подножию крепостного холма. И даже теперь, когда непреходящий страх заставлял часовых вздрагивать от каждого шороха, а арбалетчики готовы были палить почем зря по малейшему шевелению, попытку нападения со стороны Снежных ворот едва не проглядели. Несколько дюжин скогров, принявших самые причудливые очертания, неслышно вскарабкались по стенам. Первые твари уже протискивались в зазоры меж-

ду зубцами на гребне, когда один из гвардейцев, обернувшись на звук, увидел на фоне звездного неба уродливую черную фигуру.

Стражник заорал, призывая на помощь, и в упор разрядил арбалет. В следующее же мгновение могучий удар смел его со стены. Когти оборотня не смогли пробить кольчугу, однако падение с высоты добрых сорока локтей оказалось для человека роковым. Спустя несколько ударов сердца над Снежными воротами закипела кровавая сеча, раздались крики боли, боевые кличи и яростный звериный вой, зазвенела сталь.

Скогры напали нестройной толпой, действуя скорее как кровожадные животные, чем как существа, наделенные разумом. Единственное, что ими двигало — жажда убийства. На их стороне была внезапность и почная тьма, в коей твари видели ничуть не хуже, чем при дневном свете.

Оба эти преимущества оборотни вскоре утратили.

Люди успели подготовиться и рубились отчаянно, не отступая ни на пядь, смертоносные когти и клыки скользили по стали кольчуг, и ночные монстры быстро уяснили на собственной шкуре, что даже их удивительная способность к восстановлению имеет границы. Арбалетную стрелу в глазницу, отрубленную голову или перебитый хребет не в силах залечить ни одно живое существо, а падение с крепостной стены на мощный булыжником двор убивает скогра столь же верно, что и человека. Что же до темноты, то после того, как часовые подняли тревогу, она

продержалась недолго. Одна из бойниц донжона вдруг заискрилась, замерцала голубыми искрами, а затем на полсотни ярдов пространство кругом Снежных ворот залил яркий, мертвенно-белый свет из вспыхнувших в небе над ними магических сфер.

Обороной на этом участке стены руководил Вольд. Когда зажглись магические светильники Озимандии, обе стороны, и нападающие, и осажденные, испустили дружный вопль ужаса. Скограм внезапный яркий свет больно хлестнул по глазам. Защитники же крепости впервые ясно увидели вблизи, с чем имеют дело. Сам Вольд, будучи не робкого десятка, едва не упустил секиру, разглядев своего противника — ибо загадочное колдовство, видимо, придало народу Карающей Длани способность изменяться не в двух или трех привычных ипостасях, но принимать почти любую смертоносную форму. Обоюдное замешательство, впрочем, длилось недолго. Противник прыгнул, и Вольд встретил его сталью, мощным замахом наискосок, снизу вверх. Жутковатое существо, помесь волка и хищной обезьяны из дарфарских джунглей, рухнуло со стены с разрушенной грудью. Еще двое защитников замка сразили своих противников. Однако в тот же миг с поддюжины стражников пали под точно направленными ударами, а на стене, рыча и завывая, появлялись все новые и новые существа.

Гвардейцы и ополченцы дрогнули перед лицом неминуемой и страшной гибели. Кое-кто попытлся, готовый бежать.

— Назад! — проорал дюжий бакалейщик, пластуя перед собой воздух широкими взмахами боевого топора. — Не отступать! Назад, трусы! Сражайтесь, прах вас побери!

Движение за спиной он ощутил неведомым шестым чувством, но вместо того, чтобы парировать направленный в шею удар, увернулся и резко присел. Оборотень, промахнувшись в отчаянном прыжке, полетел, размахивая длинными лапами, головой вниз на булыжную мостовую — снизу донесся громкий удар тяжелого тела о камни.

Когда со стороны Снежных ворот донеслись тревожные крики и щелчки арбалетных залпов, брат Бомбах находился у подножия деревянной лестницы, ведущей на стену, в сотне шагов от места событий, с двумя дюжинами ополченцев из числа тех, что покрепче и поопытнее. То был его резерв на случай крайней необходимости. Не раздумывая ни единого мгновения, митрианец командовал своим воинам:

— За мной, во имя Светоносного! — и поспешил туда, где один за другим гибли, отражая нападение, его товарищи. Они успели как раз вовремя, чтобы увидеть, как еще с десятков скогров, похожих на выходцев из ночного кошмара, прыгнули на узкую галерею вдоль гребня стены. В слепящем магическом свете твари были видны до мельчайшей шерстинки, до последней чешуйки на уродливых телах. Ближайшей из них граненый шестопер митрианца тут же раскроил череп. В тот же миг Бомбах получил сильнейший удар

между лопаток, однако кольчуга не подвела, а меч одного из ополченцев вонзился напавшему в бок. Рана не была опасной, учитывая невероятную живучесть обращенных тварей, но заставила оборотня шарахнуться с криком боли. Отпрянув по-кошачьи гибким движением, зверь перемахнул через стену и обратился в бегство.

По стене к штурмуемому участку бежали новые воины. Лучники, стоя во дворе, принялись обстреливать скогров зажигательными стрелами. Чешуйчатый полумедведь, замахнувшись когтистой лапой на Вольда, вдруг утробно взревел и повалился навзничь — из шеи у него торчало два фута тисового древка с полосатым оперением. Его место немедленно занял другой, а раненый монстр покотился по настилу, рыча от боли и пытаясь достать лапами стрелу. В конце концов он обломал древко и, шатаясь, неуклюже полез через стену наружу. Второй болт клюнул его в покрытый шерстью загривок. Скогра обмяк и рухнул в окружающий крепость неглубокий ров.

Над стенами зажглись новые магические шары. Сделалось светло, как днем.

Запах свежей крови, очевидно, приводил скогров в неистовство. Десятки уродливых тел, неподвижных или бьющихся в агонии, усеивали стену вперемешку с трупами гвардейцев и ополченцев. Последних, похоже, полегло гораздо меньше, однако на смену одному убитому оборотню со стороны погруженного во тьму Вольфгарда появлялось двое-трое свежих, в то время как ряды защитников цитадели таяли пусть медленно,

но неуклонно. Брат Бомбах с полудюжиной оставшихся при нем ополченцев пятился к лестнице, отбиваясь от наседавших тварей. Вольд, отражая очередной удар, запоздал с разворотом. Острые, похожие на рысьи, когти полоснули его по бедру чуть ниже края кольчуги — густой струей хлынула кровь.

— Проклятье! — взлетел чей-то дрожащий крик. — Где же королевские маги?!

Вольд выронил топор. От потери крови у него помутилось в глазах, и бакалейщик свалился прямо на вздрагивающее тело убитого скогры, неловко подвернув раненую ногу. Ремнем бы перетянуть, вяло подумал он. Только поздно уж... Перед тем, как окончательно провалиться в беспамятство, он успел еще разглядеть ворвавшегося в гущу боя гиганта в сияющей броне, окруженного отрядом воинов в черном, и гудящий смерч оранжевого огня, мгновенно снесший со стены десяток скогров.

Странно, подумалось ему напоследок. Где-то я такое видел. И совсем неда...

* * *

Внезапно упавшей прямо в руки свободой Крэган Беспалый злоупотреблять не спешил.

Собственно, идти ему было особенно некуда, а бесцельно блуждать по насквозь незнакомым полутемным лабиринтам коронной цитадели маг находил не только глупым, но и небезопасным занятием. Кроме того, гиперборейца упорно не

покидало странное ощущение, будто появление давешних неприятных тварей знаменует собой некое новое звено в цепочке кровавых событий, начавшихся в захудалом кабаке смертью несчастного Унтамо. Возможно, если он поведет себя правильно, ему не только удастся остаться в живых, но и обрести новое знание — подобрать ключи к загадочному чуждому волшебству. Безусловно, риск велик, но искушение приобщиться к чему-нибудь доселе невиданному и небывалому оказалось сильнее доводов рассудка. Проще говоря, гиперборейского мага, даже среди своих собратьев по ремеслу слышного весьма эксцентричной личностью, снедало жгучее любопытство: что дальше?

Короткий коридор в верхнем ярусе Медвежьей башни, коим заканчивалась узкая винтовая лестница, освещался четырьмя трескучими факелами — по одному над каждой из четырех одинаковых массивных дверей. В свете этих факелов виднелись бурые потеки на стенах и казенный клинок, оброненный кем-то из стражников вместе с кистью руки, отхваченной у самого запястья. Тела троих караульщиков Крэган затащил в комнату покойного Эгарнейда, стараясь не смотреть на то немногое, что осталось от надменного месьора письмоводителя. Туши монстров оставил там, где застигла их смерть. Оба уродливых трупа магик тщательно осмотрел, не испытывая притом ни брезгливости, ни сожаления — оба этих чувства были ему равно чужды — и лишний раз утвердившись во мнении, что витающая над

Вольфгардом злая магия и здесь оставила свою неповторимую метку. После чего заперся в одной из двух пустовавших комнат, на всякий случай наложил на дверь мощное охранное заклятие, смахнул пыль с табурета и уселся перед узким окном, предоставлявшим великолепный вид на столицу Пограничья.

Если я ошибаюсь, сказал он себе, и эти двое всего лишь сбежали из королевского зверинца (Ренисенб как-то обмолвилась, что одержимых переловили и содержат в подземелье цитадели), то спустя полтора колокола попросту придет смена караула. Но он уже знал, что не ошибся, едва выглянув в свою бойницу. Над Бронзовыми воротами разливалось яркое зарево, между домами в посадке металась плохо различимые в сумерках фигурки людей и красные искры факелов. Там и тут одни фигурки схватывались с другими. С помощью пары простешких формул, доступных всякому новичку, маг обострил свое зрение и слух, и фигурки приблизились, сделались куда отчетливей, а сквозь раскаты грома и шум дождя донеслись слабые крики ужаса.

Минуло два колокола или чуть больше. Сменять караул так никто и не пришел, Гиперборец спокойно наблюдал, изредка меняя позу или привставая, чтобы выглянуть на замковый двор. Он увидел, как хлынул из города к подъемному мосту поток перепуганных насмерть людей, как этот поток иссяк, потому что за последними по пятам бежали твари. Видел несколько мгновенных схваток, вспыхивавших внутри крепости, ко-

гда внезапно в толпе безумие поражало очередного оборотня. Наблюдал, как строится «ополчение» Бомбаха и как замок лихорадочно готовится к осаде.

Наконец окончательно стемнело, дождь перестал. На стенах перекликались часовые. Маг поднялся со своего табурета и направился к двери. Увиденное встревожило и заинтриговало его. Похоже, что во время его краткого заточения в Вольфгарде произошли какие-то невероятные перемены. Настала пора вылезать из убежища и определить свое место в изменившемся мире, в цитадели, ставшей, видимо, ловушкой для людей, имевших несчастье оказаться в ее каменных стенах. Собственно, на людей Крэгану Беспалому, одному из Семи Верховных Халог, было решительно наплевать, но с собственной бесценной жизнью расставаться ужасно не хотелось. Пусть горит огнем все Вольное Пограничье, но он, верховный маг Круга, так просто не дастся.

Он уже собирался спуститься и найти кого-то, с кем он мог бы найти общий язык, как вдруг ночная тьма снаружи взорвалась яростными криками и лязгом стали, а затем в бойницу хлынул сноп ослепительно белого света. В два прыжка гиперборец очутился у окна и осторожно выглянул наружу. Одного взгляда ему хватило, чтобы оценить положение.

Твари атаковали замок. Защитники крепости сражались с яростью загнанного в угол снежного барса, но их было слишком мало. Пожалуй, они даже могли бы отстоять крепость... будь их по-

больше, к примеру, раза в три. Битва разворачивалась перед ним, как на ладони, и он видел, как появляющиеся из темноты скогры неуклонно теснят людей со стен. Счастье еще, что оборотни не напали сразу с нескольких направлений — умом, как видно, твари не блистали — но и без того их противникам приходилось несладко.

Еще четверть колокола, и нам всем крышка, с досадой подумал Крэган. Тогда всех моих способностей не хватит, чтобы унести ноги.

— Проклятье! — раздался отчаянный вопль. — Где же королевские маги?!

Крэган принял решение. Нергал свидетель, кое-кому из тех, кто сражался сейчас на стенах, а также некоторым, кого сейчас на стенах не было, Беспалый от души желал смерти, причем по возможности не слишком быстрой... но беда в том, что, похоже, вслед за этими некоторыми придет и его черед умереть, а этого маг из Халогии допустить никак не мог. Что ж, ладно. Блажной звонарь и стигийская ведьма еще получат свое, но... потом. А сейчас — пужное заклятие само пришло в голову. Точно таким же он пользовался там, на Медовой аллее.

Оранжевое пламя заплясало среди вопящих скогров, повинаясь воле гиперборейца.

Магическая атака, последняя надежда защитников крепости, для скогров явилась полной неожиданностью. Словно бы боевое заклятие Крэгана послужило сигналом и для придворного мага аквилонского владыки, спустя мгновение на заметающихся оборотней набросились уже знако-

мые им рои пурпурных искр, творение Озимандии. Убивать магия Озимандии не умела, но пурпурное мерцание, похоже, жалило не хуже целого улья взбесившихся шершней.

Те скогры, которых охватывал рой, сразу теряли интерес к схватке и с воплями пускались в поспешное бегство. А в тот самый миг, когда битва заколебалась на грани между победой и поражением осажденных, в бой вступил последний резерв. Два десятка Черных Драконов во главе с самим Аквилонцем устремились на стены. Увидев в первых рядах словно вышедшего напрямик из легенды могучего киммерийца, чья великолепная секира сеяла среди оборотней страшные опустошения, воспряли духом и те, кто только что готовился к худшему. Бой закипел с новой силой, но теперь уже скограм приходилось туго.

Атакованные со всех сторон, оборотни не выдержали. Та часть, что в их сознании была от зверя и жаждала крови и убийств, теперь вопила в испуге и призывала к бегству. Так стая волков, умело и безжалостно способная затравить раненого или обессилевшего лося, отступает от своей жертвы, если добыча сильна и готова защищаться до последнего. Один за другим твари исчезали между зубцами крепостной стены, и наконец поле битвы осталось за людьми — в постепенно меркнувшем магическом свете видно было лишь, как последние твари удирают к посадским строениям, и лучники пускали стрелы им вслед.

Крепость выстояла, однако победа далась людям недешево. Около сорока человек погибло, почти все, кто участвовал в отражении ночного штурма, получили ранения разной степени тяжести. Уцелевшие уносили раненых, тела убитых складывали рядом вдоль стены под холстиной. Трупы скогров отправляли напрямиком в крепостной ров. Вольда отыскиали среди павших. Бомбах, присев на ступеньку лестницы и болезненно морщась, промывал длинную рваную рану на левом плече.

Понесли потери и аквилонские Черные Драконы. Конан же не получил ни единой царапины, хотя его кольчуга и лезвие секиры были густо забрызганы темной кровью. Едва нестройный победный клич отзвучал над отвоеванными Снежными воротами, киммериец жестом подозвал оказавшегося поблизости гвардейца и коротко приказал:

— Озимандию ко мне, бегом!

Впрочем, маг и сам уже показался из двери, ведущей в Медвежью башню, и зашагал, торопясь, через двор, заполненный снующими людьми. Магические светильники, израсходовав до конца свою силу, бесшумно растворились в ночном воздухе, но даже при слабом свете факелов было заметно, как бледен и расстроен старый маг и как судорожно стиснуты его пальцы на неизменном посохе. Бомбах, старавшийся все узнавать из первоисточника, наскоро затянул зубами узел на грубой повязке и переместился поближе к владыке Аквилонии.

— Ваше величество... — еще издаലെка заговорил Озимандия, но варвар сам пошел к нему навстречу, приговаривая:

— Знаю тебя, старый скромник, даже и не думай оправдываться, поработал на славу. И свет, и все остальное. Если б не ты... Но, великие небеса, какого змея ты тянул до последнего? Боялся угодить по своим, что ли?

Лицо Озимандии отразило сложную гамму чувств — облегчение, радость, но более всего смущение. Маг замаялся и развел руками:

— Ваше величество, я... Эта магия... Словом, не меня нужно благодарить. Я-то растерялся так, что в первые мгновения все из головы вылетело, и потом, я ведь совершенно не владею смертоносным волшебством... Ну, возможно, чуть-чуть магией Четырех Стихий, но настолько немного, что этим не убьешь... А то, что мы видели, это же в чистом виде боевая магия, притом весьма мощная...

— Постой, — оборвал киммериец. — Ты что несешь? Я же видел, в каком состоянии стигийка, она сейчас ложку сама не поднимет. Больше магов в Цитадели нет. Если не ты, то кто тогда? Моя жена? Или, может, достойный служитель Митры, чье любопытное ухо торчит у меня за спиной?

— Есть тут еще двое, — нехотя проворчал Бомбах, делая вид, что занят повязкой. — Да вам про них ведомо, ваше величество. Колдуны гиперборейские, арестованные чернокнижники, что по приказу короля Э克林га и ширрифа, светлая

ему память, содержатся в башне. Вернее говоря, уже не содержатся, потому как вон один из них, самый из двоих опасный, сюда идет. Готов голову прозакладывать, будет в помощники набиваться. И хотя, вроде как, мы все много чем ему теперь обязаны, от меня он только одной благодарности дождется — шестопером по темечку.

Глава четвертая

Причины и следствия

2 день Второй летней луны.

Вот чем всегда гордилась Зенобия Капах, так это умением не терять самообладания в любой ситуации и тем нехитрым обстоятельством, что еще никогда в жизни ей не доводилось падать в обморок. Однако внезапная череда жутких испытаний и стремительно меняющихся обстоятельств все-таки одержали верх над аквилонской королевой. Дженна провалилась в тягостный полусон, где действительность причудливо мешалась с пугающими картинками бегства с гибнущей Ярмарки.

Проснувшись, она какое-то время растерянно соображала, где находится. В полутьме, едва разгоняемой теплящимся очагом и смутными вспышками удаляющейся грозы за окном ей удалось рассмотреть обстановку комнаты и признать в

ней покои, отведенные Эртелем высоким гостям из Аквилонии. Видимо, ее принесли сюда, уложили на кровать и заботливо накрыли тяжеленным меховым покрывалом, под которым она едва не задохнулась. Прислушавшись и пошарив вокруг руками, Дженна наткнулась на соседа по несчастью. Свернувшись клубком, рядом лежал кто-то маленький, еле слышно постанывавший в тяжелом сне, наверняка вызванном маковым отваром. Зенобия сдавленно чихнула от приторно-сладковатого запаха, окончательно приходя в себя и безошибочно узнав в спящем ребенке собственную дочь. Значит, тут побывал какой-то лекарь, позаботившийся о Ричильдис. Остается только выяснить, где находятся остальные члены Семейства, сиречь Конан и Лаэг...

Дженна с трудом выбралась из-под огромного покрывала и, пошатываясь, добралась до узкого окна. Сквозь мелкие цветные стекла разглядеть что-либо толком не удалось, а открывать раму она не решилась — кто знает, что сейчас творится в замке. Чудо, что им удалось вернуться сюда живыми.

Резная двустворчатая дверь упрямо не желала поддаваться усилиям толкавшей ее женщины, заставив Дженну не на шутку встревожиться — уж не заперт ли засов снаружи? Вдруг она и Диса находятся в плену?

Навалившись на неподатливую створку изо всех сил, Зенобия едва не выпала в соседнюю комнату. Кто-то метнулся навстречу, ее с двух сторон подхватили под руки и помогли добрать-

ся до кресла, откуда аквилонская королева наконец-то смогла толком оглядеться по сторонам.

Добрый знак — первая же попавшаяся на глаза физиономия оказалась знакомой. Дама Эмерельда, наставница принцессы, здравомыслящая и не склонная к напрасным тревогам особа средних лет. Трое или четверо беззвучно всхлипывающих и трясущихся от страха девиц, похоже, даже не младших фрейлин, а просто служанок. Возле дверей, что удивительно, несут караул двое Черных Драконов, в нарушение всех законов приличия таращившихся на госпожу Канах со смесью восхищения и некоторого сочувствия. М-да, хороша соправительница Трона Льва — растрепанная как пугало, в драном и замызганном платье... На диване в дальнем углу лежит кто-то, накрытый плащом, а вот драгоценный средний сынок, что пугает и настораживает, вопиюще отсутствует...

— Так! — Дженна решительно хлопнула в ладоши, заставив свой поразительно уменьшившийся в числе двор встрепелиться. — Ты и ты, — она ткнула пальцем в девиц, выглядевших наименее испуганными. — Открываете вон те сундуки и добываете мне наряд попроще. Эмерельда, знаешь что-нибудь касательно происходящего в Цитадели? Излагай. Заодно поможешь мне причесаться. Может кто сказать, где мой супруг и принц Лаэг?

— Его Величество, прибыв в замок, решили вместе с волшебником Озимандией спуститься в подвалы крепости... — придворная дама отыскала костяной гребень и терпеливо принялась за

неблагодарный труд по приведению шевелюры госпожи в относительный порядок. — Его высочество Лаэг недавно был здесь, осведомлялся о вашем здоровье и снова ушел. Он пытается разыскать и собрать людей из вашей свиты. С ним все в порядке, и он ходит не один — его сопровождают гвардейцы.

— Озимандия приехал? — Зенобия смутно припомнила, что видела старого мага у ворот, но не могла в точности сказать, не примерещилось ли ей.

— Да, Ваше величество, незадолго до седьмого вечернего колокола. Потом... потом в городе вспыхнули беспорядки...

— Что им понадобилось в подземельях? — перебила Дженна. — О событиях на ярмарке и в городе я знаю. Насмотрелась на всю оставшуюся жизнь.

— Они искали там Эртеля Эклинга, — робко вмешалась одна из девушек, копавшихся в сундуке. — Но мы не поняли в точности, нашли его или нет. Говорят... — она смешалась и попыталась спрятаться за ворохом доставаемой одежды.

— Продолжай, я слушаю, — по возможности мягко ободрила рассказчицу Зенобия. — Так что говорят?

— Говорят, что местный правитель тоже спятил, — скороговоркой выпалила вторая девица. — Как и вся Карающая Длань! Они скачут вокруг замка, лезут на стены, слышите, как воют? Они проберутся сюда, убьют нас всех, и никто в целом свете не сможет нас спасти, даже ваш

муж, госпожа, пусть он хоть трижды великий герой!..

Эмерельд со вздохом отложила гребень, подошла к бившейся в истерике девушке и невозмутимо отвесила ей оплеуху — сначала одну, потом другую. Служанка пискнула и изумленно замолчала.

— Так-то лучше, — фрейлина вернулась к своей работе, словно ее и не прерывали: — После визита в подвалы Его величество и месьор Озимандия направились в ваши покои. Насколько я могу судить, король был чем-то весьма обеспокоен, а господин маг постоянно обвинял себя в ужасающем недосмотре. Однако Его величество заявил, что не имеет сейчас времени выслушивать месьора Озимандию, но непременно сделает это позднее, ближе к утру. По дороге они наткнулись на меня и одну из этих юных дам. Мы проследовали за ними сюда, дабы позаботиться о вас и принцессе. Его милость Галтран распорядился, чтобы у ваших комнат неотлучно пребывал десяток стражи, что и было сделано. Еще приходил здешний лекарь, сущий коновал с виду, но другого, к моему величайшему сожалению, отыскать не удалось. Врачеватель осмотрел вас и госпожу Дису, заверил короля, что вы вне опасности, а девочке необходимо как следует выспаться, дал ей какой-то настой и обещал заглянуть потом еще раз. Мол, он не может тут сидеть, у него полно раненых во дворе. Его величество велел передать вам, чтобы вы не тревожились. Как он выразился, он наведет тут порядок, даже если для этого

ему придется лично придушить с десятков оборотней. Его милость Лаэг намечался последовать за отцом, но ему настрого запретили. Тогда он решил заняться поисками ваших свитских. Крепость, судя по всему, внезапно оказалась в положении осаждаемой, в ней полно горожан и торговцев с Ярмарки, улицы Вольфгарда наводнены какими-то странными существами... Сожалею, Ваше величество, но более мне добавить нечего.

С этими словами Эмерельд уложила последний виток заплетенной косы Дженны и с ожесточением пронзила получившийся узел длинной шпилькой.

— Кто там лежит? — Зенобия кивнула в сторону дивана, занятого неизвестным. — Кто-то из пострадавших гвардейцев? Ему нужно помочь?

— Это здешняя колдунья, — с неодобрением сообщила придворная дама. — Она вроде бы не пострадала телесно и пребывает в сознании, но не разговаривает. Месьор Озимандия проронил, будто она исчерпала запас своего колдовства и теперь должна ждать, пока ее кувшин снова наполнится. Я не поняла, что он имеет в виду, и представления не имею, что делать с этой особой. Может, гвардейцы подыщут для нее какое-нибудь иное место?

— Пусть останется здесь, — решительно заявила Дженна, потеряла виски, приводя мысли в порядок, и встала.

Ноги вроде больше не дрожали, хотя осталась противная слабость. Теперь нужно переодеться и

отправить кого-нибудь из Драконов разузнать последние новости.

Где носит Лаэга? Только бы ему не пришло в голову в подражание отцу совершить какой-нибудь дурацкий подвиг...

Младший из принцев Аквилонии явился насквозь мокрый и едва не падающий с ног. Вернулся он с компанией, приведя с собой фрейлин, успевших достичь Цитадели раньше, чем город охватило безумие. Подростку удалось разыскать также с десятков молодых людей из свиты королевы, и теперь под началом Зенобии оказалось изрядное количество верноподданных.

Спутники Лаэга приволокли раненого, при виде которого Эмерельд наконец-то позволила себе возмутиться и повысить голос, заявляя, что она готова смириться с присутствием стигийской магички — но полудохлую и истекающую кровью собаку извольте выставить в коридор! Даже у привязанности к неразумным созданиям есть пределы!

— Госпожа Эмерельд, это не просто собака... — пытался возразить Лаэг.

— Если некая тварь имеет четыре ноги, космата, зубаста и лает, то ее называют собакой, — отрезала фрейлина. — Ее нужно убрать отсюда, и немедленно!

— Мама! — мальчик в отчаянье воззвал к человеку, имевшему право окончательного решения. — Мама, иди сюда!

— Что у вас стряслось? — Зенобия подошла к спорящим. — Лаэг, сделай милость — не бегай

больше по замку, этим займются другие. Ты видел отца?

— Он командует на стенах, вместе с этим монахом... как его... братом Бомбахом, — Лаэг присел на корточки возле тяжело дышащей овчарки, чья густая светлая шерсть теперь имела неприятный бурый оттенок и сочилась вязкими каплями. — Они собрали всех, способных держать оружие, и создают из них нечто вроде ополчения... Мама, смотри, это же Гвен, только он где-то потерял свой ошейник! Я наткнулся на него в нижнем дворе. Наверное, он проскочил в ворота вместе с беженцами. Не разрешай Эмерельд выбрасывать его за дверь!

— Ладно, ладно, пусть лежит, — смирилась Дженна. — Только оттащите его в сторону, чтобы на него не наступили. Кто-нибудь разбирается в ранениях животных? Присмотрите за псом, кажется, ему изрядно досталось... Лаэг, отправляйся спать. И не возражай, пожалуйста. Ты и так сегодня сделал много полезного, но если будешь продолжать в таком же духе — просто свалишься где-нибудь в углу. Ступай к своей сестре, ладно?

Подросток скривился, но затевать спор не решился. Когда спустя четверть колокола Зенобия улучила миг и заглянула в опочивальню, оба ее отпрыска непробудно спали, прижавшись друг к другу и наверняка видя одинаково скверные сны. Дженна постояла в темноте, нарушаемой доносившимися из-за крепостных стен пронзительными воплями, чувствуя себя совсем разбитой и

напуганной. Смогут ли защитники Цитадели продержаться против толпы обезумевших созданий, с легкостью одолевających любую стену и любую преграду? Скорее бы вернулись Конан и Озимандия, может быть, маг растолкует, что за поветрие обрушилось на Пограничье... И что делать ей в ожидании такого далекого и недостижимого утра? Сейчас, должно быть, далеко за полночь...

— Госпожа, госпожа! — в комнату несмело сунулась одна из придворных дам. — Госпожа, там эта... стигийка... она собралась куда-то уйти!

— Проклятье. Идет себе и пусть идет... впрочем, погоди, — вполголоса огрызнулась аквилонская королева. Неужели ей еще придется утихомиривать волшебницу?!

Ренисенб эш Шарвин действительно встала и, волоча за собой длинный плащ, молча и упорно пыталась оттолкнуть загораживающих ей путь гвардейцев. Взглянув в высохшее, осунувшееся лицо магички, Дженна невольно поднесла руку к губам, чтобы не вскрикнуть. Что бы не случилось с госпожой Ренисенб в подвалах замка, это, должно быть, оказалось для нее непосильным грузом, тяжесть которого никто не сумеет разделить. Однако это еще не причина, чтобы позволять колдунье в одиночку шататься по осажденной крепости и рисковать жизнью.

— Рени, тебе нельзя туда, — строго прикрикнула на стигийку Зенобия. Магичка вздрогнула и съежилась, зябко кутаясь в плащ и пытаясь укрыться в складках ткани. — Ты должна остаться

здесь, с нами. Куда ты собралась? В Цитадели сейчас очень опасно.

— Хочу домой. Здесь холодно, всегда так холодно... Я все перепутала, — жалобно повторяла она, когда Дженне и недовольно хмурившейся даме Эмерельда все-таки удалось оттащить ее от дверей. — Как вы не понимаете? Это я во всем виновата, одна только я — потому что не сообразила вовремя!

— Конечно, конечно, — сочувственно поддакивала Дженна, уверенная, что Ренисенб вряд ли слышит обращенные к ней слова и потому разговаривая с ней, как с маленьким ребенком. Общими уговорами магичку заставили выпить чашу горячего вина, усадили на диван, закутав во все теплые вещи, какие удалось найти, и оставили в покое. Сделать что-либо для нее сверх того не представлялось возможным, а госпоже Канах больше всего хотелось, чтобы впавшая в уныние стигийка не болталась под ногами и не пугала людей мрачными предсказаниями.

* * *

Утро все-таки настало, означив свое пришествие смутным белесым светом, неохотно пролившимся в окна через завесу из неспешно тающих облаков. Ночью до покоев Зенобии порой долетали всплески отчаянных криков, перемежаемых топотом, неразборчивыми приказаниями и звериным рычанием.

Отправившиеся на разведку гвардейцы при-

несли известие о попытке скогров штурмовать замок. К счастью, у ставших дикими животными детей Карающей Длани не достало умения согласовать свои действия, так что нападение отбили. Не обошлось без потерь, однако, несмотря на изрядный урон, осажденные укрепились в своей решимости отстаивать Цитадель. Беженцев частично вооружили и отправили на стены, частично разместили в помещениях крепости. Ближе к рассвету оборотни, словно утратив интерес к столь рьяно сопротивляющейся добыче, отступили, рассеявшись по улицам.

Услышанные новости заставили Зенобию предположить, что ее вынужденное одиночество вскоре закончится, и отправить фрейлин со служанками на розыски провизии.

Не успела закрыться за ними дверь, как пожаловал первый гость — его милость Озимандия. Следом, двигаясь совершенно бесшумно, вошел незнакомый королеве невысокий и плечистый человек — темная борода, неприятно-изучающий взгляд и живописно продранные в нескольких местах, а некогда весьма богатые одежды мрачных темных с золотом тонов.

Приглядевшись, озадаченная Дженна заметила приколотую к отвороту брошь — маленькую поблескивающую ладонь белого цвета. Неужели дела настолько плохи, что Озимандия счел возможным заключить какой-то договор с пленными колдунами из Гипербореи, содержащимися в замке? Говорили, будто их двое, но куда же тогда подевался второй? Предпочел тюремное заключе-

ние каким-либо соглашениям? Бежал в суматохе? Убит?

Маг вымученно пробормотал пару фраз касательно того, что безмерно счастлив видеть госпожу Канах в добром здравии, мельком глянул на задремавшую Ренисенб, после чего устроился в кресле и затих. Он походил на нахохлившегося и мокрого старого филина, над головой которого обломанной ветвью торчало навершие длинного посоха в виде рогатой головы оленя. Гипербореец ограничился коротким поклоном и попытался обернуться неприметной тенью, таящейся в углу, хотя такое поведение наверняка вопиюще противоречило его нраву.

— А где?.. — начала было Зенобия, но тут в коридоре бодро лязгнуло взлетающее в приветствии оружие и двустворчатые двери распахнулись настежь перед входящим монархом Аквилонии. Озимандия, завидев варвара, принялся суетливо выкарабкиваться из кресла, и вылез-таки, несмотря на раздраженный взмах королевской длани, позволявший ему сидеть.

— Пока все на удивление спокойно, — эти слова Конана стали ответом на безмолвный вопрос жены, на мгновение сокрушенно покачавшей головой. Ее неугомонный супруг выглядел не лучшим образом, но Дженна привыкла не удивляться, откуда он берет силы, чтобы оставаться на ногах и распоряжаться обороной замка. — Дети?..

— Спят, — коротко откликнулась Зенобия, понимая, что сейчас время и слова будут тра-

титься только на самое необходимое. Ей и мужу придется довольствоваться возможностью быстро перебраться парой слов наедине, прежде чем он снова отправится на стены. — Со мной все хорошо. Сейчас подадут завтрак, и...

— И почтенный Озимандия поведает нам, что же такое тут творится, — с откровенной угрозой в голосе довершил фразу киммериец. — Причем без всяких туманных намеков и недомолвок. Мы ехали в Пограничье в гости к друзьям, а не затем, чтобы угодить в этот кошмар!

Ответа не последовало — чародей молча стоял, уставившись прямо перед собой. Он оставил без внимания появившиеся на столе блюда, служанкам приходилось обходить его, как подпирающую потолок деревянную колонну в человеческом образе. В иное время Дженна посочувствовала бы старому волшебнику, но теперь ее окружало такое количество страдающих людей, что она решила сопереживать только тем, кто ей близок.

Фрейлины во главе с дамой Эмерельд цепочкой выскользнули наружу, безошибочно сообразив, что есть вещи, которые не стоит знать слишком многим. За ними с явной неохотой удалился гипербореец. Мельком глянув вслед, Зенобия недоуменно спросила:

— Можно узнать, по каким причинам он свободно разгуливает по замку, а не сидит за решеткой?

— Милостью Озимандии, — чуть скривился Конан. — Раз местная сумасшедшая колдунья, я

имею в виду подружку Тотланта, пока ни к чему не пригодна, а магии нам ой как надобны, пришлось обратиться за помощью к сему неприятному типу, Крэгану из Халогии. Второй колдун, кстати, отправился на Серые Равнины — загрызали бедолагу... Озимандия, довольно корчить из себя скорбного разумом. Извинения можешь пропустить — переходи сразу к делу. Для начала я хотел бы знать, как нам поступить с Эртелем.

— Он нашелся? Так это правда, что Эрт находится в подвалах? — уточнила Дженна. — Он жив?

— Жив, но... — король Аквилонии замешкался, явно испытывая трудность с подбором нужных слов, описывающих нынешнее плачевное состояние его давнего знакомого. — Кажется, Эртель спятил тем же странным образом, что и прочие оборотни. Он находится за решеткой — для его же блага. В клетку его посадила стигийская девица, причем сделала это настолько хитро, что теперь его никак нельзя оттуда выпустить.

— Отчего же нельзя, — наконец подал голос старый волшебник. — Можно. Но предупреждаю, разрушение заклинания, созданного Ренисенб, более сильным заклятьем вполне может привести к обвалу перекрытий замковой тюрьмы. Или, не приведи боги, всей крепости. Сгоряча эта юная и, безусловно, талантливая особа впледала в заклятие ловушки, секрет которых известен только ей самой. Проще говоря, кто навесил засов,

тот и должен его снимать, чего Рени сделать просто не в состоянии. Может, спустя седмицу или луну...

Маг в раздражении дернул себя за кончик вопиюще нуждавшейся в уходе и влажной от недавнего дождя бороды, пробормотав:

— Сколько раз твердил — женщин за лигу нельзя подпускать к магии!.. Сперва натворят демоны знает что, затем пытаются исправить сделанное, громоздя ошибку на ошибку. И при этом следуют исключительно своим крайне переменчивым чувствам, а не доводам рассудка! Зачем, ну зачем ей понадобилось расходовать драгоценную Силу на попытки — совершенно напрасные, прошу заметить! — вернуть к жизни этого молодого человека, здешнего ширрифа?

Искренне недоумевающий взгляд волшебника уперся в госпожу Канах, настойчиво требуя оправдания неразумным действиям прекрасной половины человечества. Таких у королевы не нашлось, кроме удрученного предположения:

— Может, он ей нравился или был давним другом...

— А я-то надеялся, что в замке уцелел хоть кто-то, кому местные жители всецело доверяют и кто способен отдавать здравые распоряжения, — с горечью посетовал Конан. — Значит, месьор Грайтис Дарго покинул свой город, и мы остаемся только с достойным всяческого уважения служителем Митры, парочкой вечно ссорящихся колдунов и толпой испуганных горожан. Ладно, бывало и хуже.

— Полагаю, Эртеля Эклинга придется оставить там, где он находится сейчас, — сухо изрек придворный магик Трона Льва. — Так он не представляет опасности ни для себя, ни для окружающих. О его судьбе мы позаботимся позже. Сейчас у нас есть иная, более трудная задача. Нет, не захватившие город оборотни. Они — всего лишь закономерное следствие, проистекающее из некоторых диковинных обстоятельств и цепочки событий, вполне могущей послужить...

— Озимандия, — без всякого выражения произнес киммериец. Почтенный чародей покрепче обхватил свой посох (Зенобия уже приготовилась увидеть появляющиеся на темном дереве глубокие вмятины от пальцев), собрался с духом и решительно заговорил, будто шагнул с обрыва:

— Ваши величества, ежели по окончании моей повести вы сочтете необходимым казнить старого, выжившего из ума дурня, то я буду первым, кто целиком и полностью одобрит этот приговор. Я даже могу избавить казну Аквилонии от трат на постройку виселицы и устройство похорон, ибо сам, своими руками, выпустил на свободу силы, разрушающие на наших глазах Вольфгард. В недалеком будущем, полагаю, эта скорбная участь ждет также Пограничье и любые земли, где обитает Карающая Длань. Неизбежно пострадают и любые племена с примесью не-человеческой крови в жилах. В первую очередь ими станут дверги, а также уцелевшие потомки кхарийцев, атлантов и альбов. Гномская община Вольфгарда, как мне сказали, вовремя приняла меры по спасению,

удалившись под землю. Не знаю только, поможет ли это.

— Им тамошний колдун напророчил что-то жуткое, вот они и попрягались, — ошарашенно добавил Конан. У Джены почему-то все поплыло перед глазами, она судорожно вцепилась в подлокотники кресла, внимая размеренному голосу мага, словно долетавшему из-за каменной стены.

— Перед выездом Ваших величеств из Тарантии, я, следуя настоятельному требованию моей госпожи, имел небольшую беседу с его милостью наследником престола, — Озимандия прижмурил морщинистые веки, воскрешая в памяти подробности встречи, произошедшей ровно луну назад. — Целью моего визита служило настойчивое стремление отвлечь разум принца, а также его друзей и дамы сердца, от попыток занятий колдовством. Ради этого я отважился на маленькую хитрость — преподнес Коннахару собрание древних легенд, выдав их за своеобразное пособие для молодых волшебников. Я был уверен, что, ознакомившись с содержанием книги, принц разочаруется в своих намерениях и смирится с невозможностью достичь задуманного.

— Собственно, я до сих пор не поняла — чего именно добивался Конни? — очень осторожно, точно ступая по качающемуся мосту над пропастью, спросила Джена. — Зачем ему сперва понадобилась уйма исторических трактатов, а затем — книги по колдовскому искусству? Я полагала, это всего лишь очередное развлечение юно-

шеских пытливых умов, да еще стремление произвести впечатление на девицу Монброн...

— Отчасти так, — подтвердил старый маг. На его физиономии появилось мучительное выражение человека, вынужденного против воли говорить крайне неприятные для собеседников вещи. — Но главная причина кроется в том, что Коннахар пообещал своей подруге...

— Законный брак сразу после нашего отъезда в Пограничье и корону Аквилоний в недалеком будущем? — мрачно предположил киммериец.

— Избавление от Проклятия Безумца, также известного как Бич Рабиоров или Кара Победенных, — завершил фразу Озимандия. — История возникновения этого заклятия в общих чертах известна почти на всем Материке...

— Во времена Роты-Всадника, когда шла война между альбами и пала Полуночная Цитадель, кто-то из альбийских военачальников от души проклял своих врагов, которым удалось скрыться из осажденной крепости и избежать посланной вслед погони, — припомнила Зенобия. — Он, кажется, повелел им быть вечно скрывающимися, ненавидимыми всеми вокруг и до скончания веков питаться чужой кровью. Какая-то часть потомков этих беглецов, отмеченных знаком Проклятия, добралась до Полуденного Побережья и осела в Рабирийских холмах. Теперь они зовутся гулями, в переводе с альбийского — «зачарованными». Проклятие по-прежнему с ними, но они научились справляться с постоянной жаждой крови. На их землях мало кто побывал, однако

некоторые из гулей мирно уживаются рядом с людьми. В Пуантене и полуночной Зингаре, если верить слухам, всюю торгуют с рабирийцами, заключают союзы и считают их за странноватых, но в целом дружественных соседей... Но каким образом можно снять проклятие с целого народа, тем более — проклятие, держащееся уже десять... или сколько там тысяч лет?!

— Я тоже не представляю, — согласился волшебник, покачивая седой головой. — Мало того, наравне с многими уважаемыми учеными мужами и собратьями по колдовскому ремеслу, я точно знаю — подобное невозможно. Гули Рабиоров обречены до конца времен оставаться кровопийцами и вампирами. Вот только принц Коннахар не захотел в это поверить и поступил по-своему.

— Вернусь — первым делом казню Стиллиса, за недосмотр и пренебрежение обязанностями. А заодно отправлю на виселицу всю свору молодых бездельников, наверняка дружно подбивавших Конни учинить эдакую пакость, — процедил Конан. — Нет, надо было оставить столицу на Леопарда. При нем мальчишке и его верным друзьям не хватило бы решимости строить из себя великих колдунов! Но, во имя Неба, ты ведь не хочешь сказать, что... Или все же?..

— Колдуны, само собой, из них никакие, — скривился в вымученной ухмылке Озимандия. — Однако по прихотливой воле случая или наитию принц, похоже, совершил нечто иное, куда более удивительное. Хотя я в точности не знаю, что там произошло, но предполагаю, что какие-то

действия наследника престола Льва и его друзей савинули то, что не двигалось тысячелетия. Здесь, сейчас, в Пограничье, Проклятие Исенны преобразует народ Карающей Длани.

— Что? — переспросили одновременно Конан и его супруга — он гневно, у Зенобии же вырвалось что-то вроде стога.

— Бич Рабиров теперь разворачивается над Пограничьем, — отчетливо выговорил старый маг. — Я даже предполагать не рискну, что сейчас творится в Рабирийских холмах, а здесь... Здесь Проклятие вскоре разгуляется в полную силу и без всяких преград. Карающая Длань по природе своей склонна к убийствам и потере рассудка — вспомним хотя бы неуклонное появление в каждом поколении оборотней этого устрашающего создания, Бешеного Вожака! Отныне любой из одержимых Проклятием оборотней чувствует в себе силу, намного превышающую возможности Бешеного, и постепенно осознает — он непобедим. Вскоре люди начнут покидать Пограничье — если им, конечно, позволят это сделать, ведь замороженным нужно что-то есть — и тогда...

— Скогры, — перебила Дженна. Потерявший нить повествования Озимандия растерянно уставился на нее: «Что, Ваше величество?»

— Их называют скограми, — терпеливо повторила королева. — Есть такое нордхеймское слово, его Ренисенб где-то выискала.

— Когда это поветрие достигло Радужной Школы и выискало добычу среди учеников, при-

знаюсь, мы пребывали в полной растерянности, — волшебник смущенно кашлянул. — Для начала мы изловили всех, проявлявших столь диковинные устремления, и погрузили их в сон, дабы всесторонне и без помех изучить произошедшие с ними изменения. Предупреждаю заранее: вернуть их в прежнее состояние мы не сумели, но заподозрили столь ужасное, что поначалу даже не смогли поверить. Я сразу же устремился в Вольфгард с предупреждением, но, каюсь, не успел вовремя. Проклятие ожило. События на Ярмарке — только начало. Если не покинуть крепость в ближайшие же дни...

— Выйди, — бесстрастно распорядился Конан. — И чтобы сюда никто не совался, пока не позову.

Магика как ветром сдуло, только приглушенно и виновато стукнула закрывающаяся дверь. Зенобия смотрела на мужа, не решаясь заговорить, а тот ткнулся головой в сжатые кулаки и точно отгородился от всех спутавшимися седыми прядями — с трудом верилось, что лет еще лет пятнадцать назад они были черными, отливавшими синевой.

— Вздумал подслушивать, так не соли на весь замок, — по-прежнему не поднимая головы, глуховато посоветовал киммериец. Створка опочивальни за его спиной чуть приоткрылась, явив слегка заspanную и ничуть не смущенную разоблачением мордочку Лаэга.

— Получается, это Конни во всем виноват? — легкомысленно хихикнул средний из отпрысков

королевского дома Аквилонии. — Может, теперь его право наследства перейдет ко мне? Честное слово, я буду заботиться о Конни... и каждый день навещать его в тюрьме, правда-правда!

— Вас обоих стоило придушить еще в колыбели, — буркнул варвар. — Впрочем, сделать это никогда не поздно. А престол с короной отдам Дисе — она намного толковее тебя и твоего старшего братца. Ваша сестра никогда никому не доставляла хлопот, не то, что вы!

— Королева Ричильдис Первая, единственная и неповторимая, — мальчик, соорудив физиономию отпечетого злодея, на цыпочках подобрался к отцовскому креслу и облокотился на резную спинку. — Между прочим, будущая повелительница Аквилонии уползла с кровати и спит на полу, в обнимку с волком. Мама, а что теперь с нами будет?

— Это решит твой отец, — как можно строже произнесла Зенобия, хотя сил рассердиться на Лаэга по-настоящему у нее не хватило. Для мальчика все происходящее наверняка казалось увлекательнейшим приключением. Он не сомневался, что, после неизбежных передышек, все придет к благополучному завершению. — Однако ежели королю угодно выслушать мое скромное мнение, я скажу так: оставаться здесь нельзя. Каждый день, проведенный в Вольфгарде — лишний камень в преграде, отделяющей нас от дома. Только не напоминай мне про беднягу Эртеля и несчастных обывателей! — раздраженно вскинулась королева, хотя супруг не возразил ей пока и еди-

ным словом. — Эклингу мы все равно помочь не сумеем. С горожан хватит и того, что ты поддерживал их в трудный миг и не бросил на произвол судьбы. Мы должны думать о детях, о себе и тех людях, что приехали с нами. Да, мне страшно! Я уже не молоденькая девица, и я не готова к подобным испытаниям!..

— Йен, — с мягкой укоризной протянул Коннан. — Неужели это говоришь ты? Что подумает твой сын, услышав такие слова?

— Меня куда больше беспокоит, что думает старший из наших детей, которому ты так неосмотрительно доверил приглядывать за столицей, — запальчиво возразила Дженна. — Не спорю, я всегда защищала Коннахара, но даже материнская любовь имеет свои пределы! Мы должны как можно скорее вернуться в Тарантию!

— В этом ты права, — кивнул варвар и повернулся к Лаэгу: — Как полагаешь, можно доверить тебе несколько простых поручений? Или ты опять половину перепутаешь, а другую половину забудешь по резвости нрава?

— Что нужно сделать? — на сей раз подросток умудрился остаться серьезным.

— Ступай к Галтрану. Передай: до полудня пусть командует сам, но, если оборотни вздумают опять лезть на стены, немедленно зовет меня. Разыщи кого-нибудь, способного в точности подсчитать, какими запасами располагает Цитадель. Сколько людей, на сколько дней хватит припасов в кладовых, много ли осталось оружия, стрел, доспехов и прочего добра. Пусть составят списки

и принесут сюда. Когда будешь бегать по замку, не свались с бастиона и не угоди под шальную стрелу. Все понял?

— Угу, — мальчик стянул с наполовину опустошенного блюда прокопченную куриную ножку и умчался. Закрывая дверь, не удержался и глянул в щель между створками: отец держал матушку за руки и что-то негромко ей втолковывал, пытаясь успокоить. Госпожа Зенобия упрямо мотала головой, не желая соглашаться с доводами супруга, и — редчайший случай! — даже пустила слезу. Странные они все-таки создания, эти взрослые. И старший братец тоже хорош: натворить столько ерунды ради девицы! Похоже, влюбленные и в самом деле изрядно глупеют. Интересно, Конни задумывался над участью, которая ожидает его вместе с ненаглядной дамой сердца и приятелями по возвращении отца из Пограничья? На месте наследника короны Лаэг уже давно кликнул всю развеселую компанию и удрал на край света. Куда-нибудь в Пиктские Пуши или неизведанные края за морем Вилайет, лишь бы подальше от гнева владетеля Аквилонии.

Глава пятая

Право сильнейшего

*2 день Второй летней луны.
Ближе к вечеру.*

еурядицы последних дней пока не сумели затронуть Оленью башню замка короны и установленные в ее верхнем помещении куранты. Механическая диковина, с величайшим бережением доставленная некогда из соседней Немедии, похрипывала сочленениями, лязгала бронзовыми шестеренками и цепями, деловито кромсая время на ровные ломтики.

Пятерка малых колоколов и один большой упрямо вызванивали незамысловатую мелодию, плывшую над тихим, оцепеневшим городом. День разгорался — наполненный жарким солнцем, обманчиво безмятежный, как нельзя лучше подходящий для ярмарочного веселья. Теперь на мес-

те Торгового Поля громоздились кучи обгорелых обломков, кое-где еще исходивших дымом.

Подзуживаемые неумной любознательностью Лаэг и двое подростков из бывших дворцовых служек вскарабкались аж на угрожающе поскрипывающий деревянный козырек над угловой башней. Они проторчали там почти до середины дня — к величайшему неудовольствию гвардейцев, пытавшихся согнать юнцов вниз.

Мальчишки оправдывали свою сумасбродную выходку тем, что им удалось заметить нечто примечательное — на пустынных и казавшихся вымершими улицах Вольфгарда возникло подозрительное шевеление.

Поначалу оно затрагивало только дальние окраины, затем начало стремительно перемещаться к центру города. Издалека было не разглядеть, но в клубах пыли порой возникали ставшиеся над самой землей темные силуэты, то ли преследовавшие кого-то, то ли сражавшиеся между собой. Тут уже забеспокоились дозорные Цитадели, опасаясь новой попытки штурма — однако приближающаяся орава полужверей свернула в Восточный квартал.

Почти сразу возле трех ворот крепости объявилось не меньше десятка скогров, имевших образ волков и иных хищных зверей, с нарочито свирепым видом разгуливавших туда-сюда. К самим воротам и мостам над сухим рвом они не приближались, но вели себя так, что любому становилось ясно — людям не дозволяется носа высунуть за пределы замка.

Между домами квартала началась сущая кутерьма, сопровождаемая громким воем, пронзительными визгами и чем-то, напоминавшим людские крики о помощи. Черно-рыжей вспышкой полыхнула загоревшаяся усадьба, на фоне голубого неба заколыхался растущий столб бурого дыма. Толпившиеся на стенах осажденные ломали головы в догадках, что происходит — засевшие в доме люди отбиваются от напавших одержимых, или, напротив, скограм досталась новая добыча?

Досмотреть зрелище до конца подросткам не удалось. Явилсяправлявший среди городского ополчения неугомонный монах и, сердито ворча, заставил-таки принца и его новых знакомцев слезть вниз.

Брат Бомбах принес и во всеуслышание прокричал давно ожидаемое всеми известие. Начавшийся где-то после полудня в покоях Аквилонца совет — проводимый собственно королем, а также имевшимися в крепости военными и магами — наконец-то закончился. Его Величество намерен вскоре лично поведать защитникам Цитадели, какие действия им надлежит предпринять, дабы вырваться из ставшего огромной ловушкой Вольфгарда и справиться с напастью. От себя святой брат добавил, что также побывал на сем совете и многое из услышанного припало ему по душе, но приведение замысленного в жизнь потребует изрядных усилий.

«Могу поспорить, отец затевает прорыв, — рассудил Лаэг, выслушав горячую речь митриан-

ца. — Не в его характере сидеть и выжидать, вдруг что-нибудь да изменится к лучшему. А матушка готова хоть сейчас седлать коня и скакать к границе. Но как же поступить со всеми этими людьми, что сбежались в крепость?..»

Мальчик перевесился через деревянные перила, оглядывая верхнюю площадку Цитадели — не появился ли отец. Теперь, когда беженцев разместили по помещениям крепости, оба двора стали выглядеть более просторными и подготовленными к возможному нападению извне. Лаэг в сопровождении отыскавшегося младшего помощника сгинувшего управляющего замка, подручным удравшей к скограм ключницы и десятников из гарнизона крепости недавно облазил как дворы, так и прилегающие к ним склады и хозяйственные помещения. Выходило, что осажденные, общее число коих приближалось к трем сотням душ, могут продержаться, не испытывая особенных трудностей, от трех до пяти дней — если, конечно, в одну печальную ночь спятившие оборотни не вздумают всем скопом ринуться на приступ.

На маленькую фигурку, карабкавшуюся вверх по шаткой приставной лестнице, Лаэг сперва не обратил внимания. Во время затишья на крепостной стене появилось множество детей: навещавших родителей или знакомых, пополнявших запасы стрел на бастионах, разносивших пищу и воду.

Медленно взбиравшаяся по ступенькам девочка вроде бы ничем не отличалась от прочих,

только в руках у нее не замечалось ведра, котелка или вязки стрел. Да и двигалась она странно, шатаясь во все стороны и разок едва не оступившись. Кто-то из ополченцев заметил ребенка, поймал за руку и вытащил наверх. Девочка мотнула черными косичками, благодаря, и только по знакомому жесту Лаэг запоздало узнал младшую сестренку.

Интересно, как она смогла улизнуть из-под бдительного присмотра матушки и дамы Эмерельд? Утром, когда Лаэг уходил от родителей, Ричильдис дремала на подстилке раненого белого волчонка. Зверь ничуть не возражал против такой компании и даже слабо заворчал на аквилонского принца, намеревавшегося растолкать сестру.

— Дися! — услышав оклик, девочка завертела головой по сторонам. Углядела на верхней галерее укрепления брата, и рассеянно помахала рукой. — Стой там, никуда не ходи, я спускаюсь к тебе!

Выглядела маленькая наследница великой монархии неважно. Бледная до легкой синеватости, обычно яркие и блестящие глаза приобрели сумрачный, непроницаемый оттенок, словно Ричильдис долгое время провела в темноте и лишь недавно выбралась на солнечный свет. На Лаэга она в первый миг глянула так, будто забыла, кто он такой, но, задумавшись, вспомнила и слегка оживилась. И заговорила девочка тоже вполне разумно, хотя с налетом тоски в голосе:

— Они спорили, и я проснулась. Шумно... ни-

кто меня не заметил. Даже мама. Только повторяет: надо пробираться... куда-то к границе...

— А что говорит отец? — Лаэг решил, что сестренка так напугалась в время бегства с Ярмарки, что до сих пор не может опомниться, и снисходительно простил ей подобную слабость духа. Она ведь просто маленькая девчонка, которая шарахается от всякой тени и хнычет в матушкину юбку. — До какой именно границы они хотят добраться? Тут их две, на выбор. Бритунийская — к Восходу, и с Немедией — к Полудню.

— Туда, где Соленые озера...

— Значит, к Немедии, — мальчик попытался мысленно представить вырисованный на пергаменте чертеж земель, окружающих Вольфгард, не преуспел, и, спохватившись, нарочито строго спросил: — Слушай, зачем тебе понадобилось сюда забираться? Тут опасно. Матушка узнает, что ты бегала по стене, и рассердится.

— Хочу посмотреть на город, — заявила Ричильдис и, чуть пошатываясь, направилась к входу на галерею для лучников, тянувшуюся вдоль зубцов бастиона. Лаэг дернул плечом и на всякий случай пошел следом. Какое-то странное нынче у Дис настроение — она как внезапно разбуженный человек, еще не избывший пугающие сны.

Отпрысков королевского дома Аквилонии беспрепятственно впустили наверх, и девочка немедленно прилипла к узкому проему между желтовато-серыми каменными блоками. Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы разглядеть кварталы

внизу, а при виде медленно рассеивающегося дымного хвоста ее личико болезненно скривилось.

От напряженного созерцания пустынных улиц Ричильдис не отвлек даже разноголосый шум в верхнем дворе, порой с легкостью перекрываемый рокочущим голосом Льва Аквилонии.

Появившись, Лаэг не выдержал. Ему очень хотелось узнать, что же такое придумали отец и его приближенные. Достаточно отойти на пару шагов, чтобы одновременно видеть и собравшуюся толпу, и Дис. Ага, матушка тоже выпла, стоит чуть в отдалении и хмурится. Вон и Озимандия — солнце ослепительно искрится на серебряном навершии посоха. У мага столь озабоченно-деловитый вид, будто он вознамерился в одиночку сразиться со всеми оборотнями сразу, лишь бы оправдаться в глазах короля.

Второй колдун высунуться из башни не решился, памятуя о неприязненном отношении горожан к уроженцам Гипербореи, но в узком окне верхнего яруса донжона порой мелькал край черно-багровых одежд. Мальчик хихикнул, подумав, не уговорить ли кого-нибудь из стражников нарочно пустить стрелу в это окно, и наострил уши, улавливая в общем гаме самое важное.

Замысел повелителя Аквилонии отличался простотой и дерзостью. Продолжать и дальше отсиживаться за стенами крепости не имеет смысла. По уверениям почтенного Озимандии, сила и возможности одержимых из рода Карающей Длани будут крепнуть и расти с каждым

днем (чародей ссутулился, делая вид, будто упомянутый Озимандия не имеет к нему совершенно никакого отношения), потому никак нельзя упускать самой малейшей возможности выбраться из Вольфгарда.

Да, может случиться так, что за пределами столицы Пограничья уходящих поджидает множество опасностей — но что терять, коли выбор так невелик? К тому же у нас найдется, чем встретить нападающих. Скогры боятся огня — минувшей ночью мы убедились в этом. Подобно диким зверям, они не любят солнечный свет — отчего бы не воспользоваться этим преимуществом?

Дело за малым — подготовиться. Нужны фургоны для раненых, детей и женщин. Нужно огромное количество зажигательных стрел, факелов и бочек с горючей смесью. Все это необходимо соорудить к завтрашнему вечеру, так что начинать работу можно прямо сейчас...

Финал столь обнадеживающей речи оказался несколько скромкан. Виновным стал ополченец из числа несших дозор в надвратной башне Снежных ворот. Долговязый тип с настойчивостью и упрямством раскачивающегося тарана протолкался в первые ряды (Лаэг озадаченно следил за его перемещениями сверху) и заговорил о чем-то с десятником Черных Драконов. Торопливыми жестами подозвали брата Бомбаха. Выслушав, монах схватился за голову и проворно юркнул в толпу, прихватив ополченца с собой.

Гвардеец понес скверную новость дальше —

на высокое каменное крыльцо, где стояли уцелевшие свитские короля Аквилонии и сам Конан Канах. Там известие вызвало быстрые перешептывания, завершившиеся тем, что киммериец быстро спустился вниз по ступенькам и зашагал по образовавшемуся перед ним людскому коридору к Снежным воротам. Как успел разузнать Лаэг, такое название они получили из-за прихоти строителей-двергов, опоясавших башню двойным рядом светло-голубых плит.

Замешкавшиеся Дженна и Озимандия устремились вслед за королем, причем королева умудрилась толкнуть придворного волшебника локтем и не заметить этого. Значит, стряслось нечто весьма важное и интересное, от чего никак нельзя оставаться в стороне. Только сперва надо поручить кому-нибудь проводить Дису в башню. Незачем ей путаться под ногами.

Мальчик оглянулся в поисках сестры.

Та исчезла.

На мгновение охваченный непуточным испугом Лаэг едва не упустил из виду ярко-зеленое платье, носительница которого трусила вдоль галереи.

Настичь ее удалось только у лестницы, лепившейся вдоль стены и ведущей в барбикен Снежных ворот. Принц слишком неожиданно и резко сгреб беглянку за воротник — Ричильдис еле слышно вскрикнула, не пытаясь вырваться и снизу вверх уставившись на брата широко распахнутыми глазницами. Сердитый вопрос «Куда это ты собралась?» застрял у Лаэга в горле.

Что-то происходило с его сестренкой, что-то таинственное и пугающее, касавшееся только ее и никого больше.

Они молча шли по лестнице, крепко, как в раннем детстве, держась за руки, и попали на верхнюю площадку надвратной башни — круглую, в обрамлении зубчатых выступов, с деревянным четырехугольным навесом. Присутствующие не обратили на детей внимания. Все, как зачарованные, смотрели вниз — дозорные, ополченцы, король Трона Альва и его госпожа, гвардейцы из Черных Драконов, митрианский монах и запыхавшийся после крутого подъема Озимандия.

У основания башни косо задирался над сухим ровом вверх наполовину поднятый мост. На натянутых цепях сидели, хрипло переключаясь, черно-серые вороны. От бывшего въезда на мост, отмеченного перевернутой будкой караула, тянулась вниз по склону холма мощеная пыльными булыжниками дорога, и где-то в перестреле от замковой стены начинались первые дома — тихие, опустевшие, притаившиеся за оградами.

Но вниманием находившихся в башне людей всецело завладели скогры. Их собралось не меньше полусотни, самых разных обличий и мастей. Причудливые создания вели себя довольно мирно — лежали, вылизывая загустевшую от чужой крови шерсть, бесцельно бродили туда-сюда, порой задирали друг друга, но быстрые потасовки не переходили в драки. Они напоминали волчью стаю после удачной охоты — обьевшиися и вроде бы сонные звери.

Один из оборотней, смахивавший торсом на медведя, а нижней половиной туловища — на огромную яцерицу, торчал на самом краю рва. Тварь устойчиво громоздилась на широко расставленных задних лапах, покрытых тускло поблескивающей чешуей, а передними, еще сохранившими сходство с человеческими руками, сжимала наполовину обломанное длинное древко. Шест украшали обрывки ткани цветов знамени Пограничья, а на самый кончик скогры нацепили грязно-белую тряпицу. Существо неуклюже размахивало флагом, скрытые в густой светло-пегой шерсти глазки пристально изучали людей на башне.

— ...Сперва иной приходил, с виду — человек как человек, — должно быть, уже в который раз повторял свою историю осипший от треволнений ополченец. — Мы-то решили — бедолага уцелел ночью и спасения ищет. Уже приготовились ворота открывать. Он, значит, окликнул дозорных и спросил, уютно ли сидится на каменных стенах. Тут господин десятник как гаркнет — «Бей поганца!», ну, мы в него и выстрелили. Он недвижно стоял, провалиться мне на этом месте, ни разу не шелохнулся, а стрелы вокруг него дождем сыпались... Ни единая не попала. Мы стрелять перестали, потому как без толку. Крикнули, мол, чего ему надобно. Он говорит — позовите того, кто верховодит в крепости, а пока будете рыскать по подвалам и закоулкам, он сходит за своими друзьями. Им, мол, тоже охота послушать. Повернулся и ушел. С четверть колокола

тому все случилось, и чучела эти страховидные тогда же прибежали. Расселись, ровно незваные гости за столами, и ждут. Смеются, гады, как есть смеются! Тот, на медведя похожий, знаки делать стал, вроде как переговоры учинить желает... А сам урчит не пойми что и пена у него из пасти хлещет...

По сборищу животных пробежало волнение. Они вскакивали на ноги, шумно встряхивались, некоторые безуспешно пытались составить кривую шеренгу. Медведеобразный ящер отшвырнул знамя, и, опустившись на четвереньки, грузной рысью заковылял между своих сородичей, налево и направо отвешивая оплеухи. Вслед ему неслись оскорбленные вопли и скулеж, но возражать огромной твари никто не решался — похоже, ящеромедведь обладал нешуточной властью.

— Идет, идет! — загомонили дозорные. — Вон они, у того дома под крышей в зеленую черепицу!

— Тапчат за собой кого-то, — озабоченно заметил брат Бомбах, в попытках разглядеть происходящее полущие едва не вывалившийся из бойницы. — Никак пленных?

Маленькая группка миновала разразившееся лаем, шипением и рычанием сборище отпрысков Карающей Длани, выбралась на срез рва и остановилась там, на открытом месте. Лаэг разглядел державшегося чуть обок человека — именно человека, с положенным людскому народу обличем и поведением — и озадаченно подумал, не доводилось ли ему недавно сталкиваться с подоб-

ным типом. Что-то смутно узнаваемое мелькало в походке, в манере держаться, в отмахке рукой, но разрозненные части никак не соединялись в цельную картину.

В следующий миг из-под стены долетел даже не вой, но пронзительный крик некогда разумного создания, разучившегося говорить и сходящего с ума от невозможности высказать нужную мысль. Тонкий, рвущий сердце вопль издавало существо, похожее на овчарку или волка с короткой шерстью на удивление красивого светло-золотистого цвета с белыми подпалинами. Шерсть испещряли темные пятна грязи или крови, создание металось из стороны в сторону, не переставая голосить. Если бы имелась возможность, одержимый зверь немедленно вскарабкался бы на стену, чему препятствовал широченный ошейник и две тонкие цепи. Их концы с явным усилием тянули на себя две здоровенных кабаноголовых твари, удерживая извивающееся, брызгающее слюной и рвущееся существо на растяжках.

Прочие скогры шарахались от псины рыжей масти в стороны, словно боялись быть укушенными, но человек беспечно приблизился и даже погладил бьющуюся в припадке судорог тварь по загривку. От прикосновения она слегка успокоилась, замолчала и села, вывалив длинный лиловый язык. Ее стражи ослабили привязь, не сводя с подопечной глаз.

Утихомирив одержимую, предводитель заклятых оглянулся через плечо и размашисто кивнул, подавая кому-то знак.

На пыльную площадку, всю в высохших черных кляксах крови, одного за другим начали выталкивать или — если они не могли идти сами — вытаскивать людей, мужчин и женщин. Среди прочих вывели некую сухопарую особу, высоко державшую голову с растрепанными седыми волосами. Увидев ее, аквилонская королева, не удержавшись, с отчаянием выкрикнула в полный голос:

— Мианта!..

Гофмейстерина Тарантийского двора, прищурившись, глянула на уходившую ввысь башню. Одновременно госпожа Тилинг умудрялась поддерживать мертвой хваткой вцепившегося в ее рукав молодого человека — если доверять обрывкам формы, еще минувшим утром числившегося среди младших офицеров Черных Драконов. С другой стороны раненый опирался на грузного мужчину преклонных лет, в съехавшем набок тюрбане, повязанном на туранский манер, и долгополом бархатном халате пронзительного зеленого цвета, вычурные жемчужные узоры на коем безвозвратно осыпались и, должно быть, раскатились по всем улицам от Торгового поля до замка короны.

* * *

Убедившись, что осажденные как следует рассмотрели тех, кто стоит на краю рва — и, возможно, признали среди пленников еще кого-нибудь знакомого — распоряжавшийся среди

скогров человек заговорил. Удивительно, но ему совершенно не требовалось повышать голос: произносимые им слова отчетливо слышал каждый, находящийся на надвратной башне, примыкавших к ней участках стен и, как потом выяснилось, толпившиеся в нижнем дворе крепости горожане.

— Что ж, собрались именно те, кого я надеялся увидеть, — безмятежно заявил Рэф из Ильгорта, некогда дознаватель в Восходном квартале столицы Пограничья, отныне (и, как он твердо верил, навсегда) ставший во главе нарождавшейся Стаи. — В первых рядах, само собой, торчит неустрашимый Аквилонец, и рядом — его надежда и опора, госпожа Йенна... Эртель, надо полагать, скучает в темнице? Мое почтение святому брату. Никак не разберу, что там блесит: его всесокрушающий талисман или лысая макушка?

Брат Бомбах начал наливать дурной кровью, но смолчал.

— Думаю, за прошедшую ночь у вас составилось не самое лучшее мнение о нашем роде, — продолжал Рэф. — Впрочем, это не имеет никакого значения. Мы существуем и вам придется смириться... Кто там столь рьяно подскакивает? Достопочтенный Озимандия? И что он желает нам сказать? Поведать о том, что его прославленная ученость на деле оказалась... скажем так, слегка преувеличенной? Или покаяться в своей нерасторопности? Молчали бы лучше, господин чародей. Вся ваша магия больше ничего не стоит. Доказать или поверите на слово? Не нужно?..

Тогда продолжим нашу поучительную беседу. У нас тут по случайности затесались ваши неvezучие собратья. Да-да, именно эти, — он махнул рукой в сторону группы пленных. — Зато в вашем замке осталось кое-что, по праву принадлежащее нам и более никому. Конечно, мы могли бы применить силу, но зачем? Вы отдадите это сами. Добровольно. Можете убираться потом на восемь сторон света — все, кто трясется от страха за крепостными стенами, затаился в подвалах и хоронится за крепкими дверями. Мы даже не станем требовать виры за наших убитых сородичей.

Он прервался, чтобы погладить рыжего волка, вновь беспокойно заметавшегося в своих оковах. Зверь натягивал цепи, скреб когтями по булыжникам и надрывно скулил.

— Да, чуть не забыл, — фальшиво спохватился Рэф. — Вас наверняка интересует, что именно нам нужно. Очень немного. Мы хотим получить обратно Эртеля Эклинга и его пасынка. Он был и остается правителем нашего края — хоть в людском образе, хоть в каком другом. Во-вторых... — он остановился перевести дыхание, и тогда вразнобой заголосила Стая, словно откликаясь на призыв беспокойного заклятого, языком пламени стелившегося над землей. Рэф дождался тишины, и завершил свое требование, прозвучавшее с оттенком вынужденного почтения: — Во-вторых, мы с нетерпением ожидаем деву, которая должна присоединиться к нам.

— Какую еще деву? — очень спокойно и ровно

осведомился правитель Аквилонии. — У нее есть имя?

— Само собой! — откликнулись снизу. — Кстати, тебе отлично известно, о ком я говорю. Ее зовут Ричильдис. Диса, принцесса из Тарантии. Если она там, на башне, то пусть услышит, — долетавший наверх голос стал вкрадчивым, требовательным: — Веление пророчицы собрало нас, дабы ожидать под стенами, а мое решение гласит, что мы будем проявлять терпение только до завтрашнего рассвета. Если с первыми лучами солнца принцесса и Эртель Эклинг не выйдут к нам, мы придем за ними — и неважно, кто попытается преградить нам путь.

Дослушав невероятное заявление, Лаэг от изумления потряс головой. При чем здесь Диса? Зачем споре одержимых жаждой убийства полуживерей понадобилась его младшая сестренка?

Мальчик не сразу понял, что кто-то настойчиво теребит его за рукав. Посмотрев вниз, он узрел причину спора — Ричильдис, злую, как голодной демон, и больше не витавшую в своих таинственных размышлениях.

— Подсади меня, — потребовала девочка. Забравшись в проем между зубцами стены, она наклонилась и звонко, с вызовом прокричала:

— Сначала отпусти людей, Волк! И немедленно сними ошейник с... с этой женщины! Ей и без того плохо!

— Это для ее же пользы, — возразил Рэф. — Иначе она покалечит себя или кого-нибудь другого. Так ты идешь? Мы договорились?

— Нет, нет, нет! — выкрик принадлежал Зенобии Канах, пустынным ураганом налетевшей на своих детей. Лаэг даже не успел понять, как это матушка умудрилась одной рукой отпихнуть его, а другой — сдернуть Дису со стены. Девочка потеряла равновесие и шлепнулась на каменные плиты, болезненно ойкнув.

Дженна продолжала кричать, едва ли осознавая, что именно выкрикивает:

— Убирайтесь! Убирайтесь, вы... твари! Моя дочь никуда не пойдет, и тем более — к вам в лапы! Дай! — она выхватила у оказавшегося поблизости караульного, с раскрытым ртом взиравшего на творившееся вокруг безобразие, арбалет, с яростью дернула рычаг, взводящий тетиву, и выстрелила, почти не целясь.

Зенобия промахнулась — тяжелый болт воткнулся в склон рва, выбив маленький фонтанчик пыли. Рэф с ленцой проследил за полетом стрелы, пропуская мимо ушей град обрушившихся на него оскорблений, и повторил свой вопрос:

— Мы договорились? Или вам нужны доказательства серьезности моих слов? Это не составит особенного труда, — он полуобернулся к насторожившимся тварям, охранявшим пленников, и те сорвались с места, врезавшись в кучку людей.

Поднявшаяся пыль милосердно скрыла вспыхнувшую потасовку, а спустя десяток ударов сердца из желтоватых клубов появились и тяжело-веспо скатились вниз, на дно рва, несколько человеческих тел. Одно из них было по-прежнему облачено в драный изумрудный халат, а в дру-

гом, похожем на небрежно сломанную игрушку, угадывалась женщина.

— Сделайте же что-нибудь! Прикончите его! — аквилонская королева метнулась сперва к мужу, затем к придворному волшебнику. — Озимандия, ну что ты стоишь и смотришь? Где твое колдовство?

— Оно не годится, — растерянно пробормотал старый чародей. — Я в жизни никого не убивал с помощью магии...

— Тогда пусть это сделает Крэган! Где он? — Дженна в ярости топнула ногой, и, словно откликаясь, с другой стороны рва долетел истошный вопль агонизирующего человека. — Куда подевался? Уж чего-чего, а убивать гиперборейцы отлично научились! Я хочу, чтобы он уничтожил эту мерзость в человеческом облике!

— Йен, замолчи, — вполголоса рыкнул киммиец, оглядываясь по сторонам. — Где они?.. Клянусь, только что я видел их здесь! Лаэг! Диса!

— Наконец-то вспомнили, — мальчик помог сестре встать на ноги и потащил за собой, не очень-то воспитанно проталкиваясь сквозь неразбериху на площадке. Ричильдис прихрамывала и отчаянно жмурилась. Предательские слезы, никак не украшавшие аквилонскую принцессу, все-таки текли, оставляя влажные ручейки. Одновременно девочка пыталась говорить, но сквозь хлюпанье прорывались только отдельные мало-вразумительные слова: «Нечестно!.. Они не должны быть такими!..»

Наконец детям удалось проложить себе доро-

гу, и зареванная Ричильдис, выдернув ладошку из руки брата, устремилась к отцу.

— Я ей ничего не сделал, — на всякий случай предупредил Лаэг, обращаясь почему-то к Озимандии. — Она сама начала хныкать. И все время бормочет, мол, все печально, а что именно нечестно — я не понимаю.

— Он посадил Нейю на цепь, — Диса отчаянно зашмыгала носом. — Так нельзя, она же не дикое животное! Он натравливает оборотней на людей, а они слушаются, потому что не понимают! Никто не понимает! Папа, я не хочу идти туда! Он заставит меня носить ошейник или посадит в клетку, будто я — вещь!

— Почему ваша милость считает то ужасное создание госпожой Нейей? — внезапно заинтересовался волшебник, извлекая откуда-то чистый лоскут ткани и вручая его принцессе. Девочка зарылась в платок лицом, оттого ее ответ прозвучал убежденно, но слегка глуховато:

— Но это и есть Нейя! Я знаю! А большой медведь в чешуе — месьор... как его... мы с ним встречались, он управлял замком... когда был человеком... — она снова расплакалась.

— Похоже, она имеет в виду Темвика Магнусона, — краткое замешательство аквилонского короля, вызванное путаными словами дочери, быстро сгинуло. Он присел рядом с девочкой, пытаясь ее успокоить и настойчиво повторяя — ей не грозит никакая опасность. Она останется в Цитадели, вместе с братом и матушкой, где о них позаботятся. Страшные звери никогда не добе-

гутся до Дис. Она же понимает — нельзя придавать значение глупостям, сказанным безумцем. Смешно для почти взрослой и такой умной девицы — бояться и плакать.

Так и не успокоившаяся Дженна попыталась вмешаться в разговор, но, уловив короткий раздраженный жест супруга, отступила в сторону и понурилась. Лаэг подергал опечаленную родительницу за длинный рукав платья:

— Смотри, мама — они уходят.

Скогры, сбившись в группы по десятку или дюжине голов, зарылись вниз по склону, увлекая за собой пленников-людей и упиравшуюся рыжую волчицу на привязи, но предусмотрительно оставив у ворот подобие дозорных. Мальчик углядел полосатую рысь с мордой собаки, прыжком взлетевшую на крышу ближайшего к крепости дома, и непонятных существ, скользивших вдоль кромки рва и шаривших среди зарослей. Крепость по-прежнему оставалась в осаде, и неизвестно, что опаснее — быть окруженными неразумными зверями или знать, что теперь среди них завелось создание, способное заставить диких животных действовать сообща.

Разумно остававшийся в стороне от непонятных разговоров сильных мира сего брат Бомбах бочком подошел ближе, исподтишка разглядывая Ричильдис Канах. Дитя как дитя — миловидная глазастая мордашка, две топорщащиеся косички, тонкий голосок. Ежели не знать, что девочка происходит из королевской фамилии, то подобных маленьких резвухек можно встретить

где угодно — в захолустной деревеньке или на городской улице. И все же, все же... Монах поскреб в затылке, пытаясь отыскать среди россыпей хранившихся в его памяти имен, лиц и историй нечто похожее. Ребенок среди хищников... Невыполненный договор... Волчий клич под лунной и кровавые следы на снегу...

* * *

Из распахнутого окна в верхней части башни-донжона, по соседству с королевскими покоями, за Стаей наблюдал Крэган Беспалый из Халогии. Никто, собственно, его не приглашал и не впускал, но гиперборейский магик рассудил, что стал достаточно важной персоной среди обороняющихся и имеет полное право ходить там, где ему вздумается.

Сюда его привлекли не только замечательный обзор действия, творившегося у Снежных ворот, но и стоявшая подле оконного проема женщины, зябко кутаившейся в мохнатую шаль. Женщина пока не заметила, что за ее спиной кто-то стоит — не отрываясь, она смотрела на площадь за полуопушенным мостом и еле слышно шипела от бесильной ярости. Разок, забывшись, она вскинула руку с переплетенными в диковинном жесте пальцами, но сразу же уронила ее и сгорбилась.

Вот тогда Крэган самым вежливым образом постучал согнутым пальцем по плечу дамы, заставив ту вскрикнуть от неожиданности и обернуться.

— Представь: вожак оборотней внезапно гибнет на глазах своих дружков. Кто тогда сумеет удержать их на поводке? — иронично спросил колдун. — Это существо производит впечатление разумного, чего нельзя сказать о его четвероногих приятелях. Но вот со своим условием он явно перегнул палку. У Аквилонца достанет решимости либо и дальше приводить в исполнение собственный замысел всеобщей вылазки, либо свести весь гарнизон в могилу, только бы не отдавать ненаглядное дитя вкупе с давним приятелем. И не надо делать отсутствующее лицо, словно ты не понимаешь, о чем идет речь. Готов поспорить, ты не упустила ни единого слова — ни днем, на этом, с позволения сказать, военном совете, ни сейчас. А, Ренисенб? С какой стати скогры вдруг воспылали привязанностью к пигалице десяти лет от роду? Могу поспорить, они не собираются приносить ее в жертву и торжественно поедать всем скопом. Тогда зачем?

— В ней что-то есть, — сделав над собой усилие, произнесла госпожа эшШарвин. Она до сих пор словно бродила в густом тумане, слегка развевавшемся при донесшихся из-за стены звуках голоса предводителя оборотней. Стигийка пошла в направлении этих звуков, вызвавших у нее приступ ненависти, и наткнулась на открытое окно. Там она и стояла, медленно приходя в себя. В другое время Крэган Гипербореец не показался бы ей лучшим собеседником, но сейчас для Ренисенб не имело значения, с кем и о чем говорить, только бы не вспоминать о недавнем прошлом.

— Как уже проклюнувшееся, но еще не распустившееся семя... Она слишком молода и неопытна, чтобы выступать на чьей-либо стороне.

— Хотелось бы знать, что думает о случившемся сама девочка, — рассеянно проронил Крэган и внезапно сменил предмет беседы: — Ты очень скверно выглядишь. Я говорю это потому, что беспокоюсь за тебя... хотя ты явно не хочешь в это верить. Однако для защиты крепости у нас осталось всего три магика. Достопочтенный Озимандия, ты да я. Мой давний друг Эгарнейд мертв, дряхлый аквилонский прихвостень выдыхается, я еще держусь, но и у моих возможностей есть предел. Согласна ты или нет, тебе придется идти на стены. Дай-ка глянуть, — он бесцеремонно сгреб правую кисть волшебницы. Повертел из стороны в сторону, как некую занимательную вещь, поскреб ногтем черный ободок кольца, и вынес решение: — Знаешь, твое положение отнюдь не безнадежно, как я сперва подумал. Хочешь добрый совет? Как можно скорее забудь нелепую идею, будто колдовство невозможно без связки амулетов. Сразу почувствуешь себя лучше.

Ренисенб молча отдернула руку, но с места не двинулась, исподлобья глядя на гиперборейца и слушая его рассуждения, вроде бы обращенные к себе самому.

— Покойный Эгарнейд, кстати, тоже из всех сил цеплялся за эту вредную мыслишку. Стоило ему лишиться кольца — и он превратился в убогое создание, справиться с которым мог кто угод-

но. Я оказался удачливее, но долго ли это продлится? Сегодня мы еще живы, но что будет завтра? Особенно если вожак безумцев выполнит свои угрозы... в чем я не сомневаюсь. Ему нужны девочка, Эртель Эклинг и его приемыш — неважно, зачем и ради чего — и завтра утром они окажутся у него в руках. К тому времени мы все наверняка превратимся в обильный завтрак для скогров.

— Ты хочешь вернуть свое кольцо? — высказала неуверенную догадку стигийка.

— Больше всего я хочу убраться отсюда, — откровенно признался Крэган. — С принадлежащим мне талисманом или без него. Но, видишь ли... Я до чрезвычайности желаю узнать подоплеку нынешних увлекательных событий. Поэтому и надзираю за вашими метаниями и борениями, между прочим, рискуя шкурой. Есть у меня такое странное чувство, что ныне в Вольфгарде мы встретили нечто совершенно небывалое, и к чему оно в итоге приведет — кто знает? То ли к концу старого мира, то ли к началу нового... Так что я досмотрю зрелище до конца и отправлюсь со своими поразительными известиями в Халогу. Можно узнать, что намерена делать ты? Торчать тут до последнего вздоха? Кстати, твоего сердечного друга уже бросили в уютную могилку? Или не успели? В общей суматохе не мудрено позабыть о такой мелочи.

— Тебя это не касается, — отрезала Ренисенб. Медленно просыпающееся сознание магички твердило, что она не имеет никакого представления о

дальнейшей участи ширрифа Вольфгарда. Ее увели из подвала, а Грайтис остался там — неподвижная фигура на холодном каменном полу, лишенная малейших признаков жизни.

— Я просто пытаюсь тебе помочь, — с оскорбленным видом заявил гипербореец и даже сделал крохотный шагок назад. — Мы оба могли бы сделать друг для друга кое-что полезное, но ты ничего не желаешь слушать. Что ж, не стану навязывать тебе свое общество и удаляюсь.

— Ты? Помочь?! — несмотря на жаркий летний день, колдунья поплотнее завернулась в свою шафь. Из глубины темно-красной шерсти донесся истерический, отдающий горьким привкусом безумия смехок. — Только не предлагай испробовать столь любезное вашему Кругу Последнее Прощание, ладно? Не думаю, чтобы ширрифу пришлась по душе такая жизнь... или, точнее, не-жизнь.

— Рени, Рени, — укоризненно протянул Крэгган. — Не разочаровывай меня. Я считал тебя куда умнее. Ты не раз убедительно подтверждала мое мнение, а теперь корчишь из себя вульгарную сплетницу с базара. При чем тут Последнее Прощание? Это всего лишь развлечение для скачующих умников наподобие Унтамо и Эгарнейда. Думали, будто способны обмануть смерть, а сами путались в простейших заклинаниях! Каков итог их усилий? Один разорван на кусочки толпой простецов, второму перегрыз горло спятивший оборотень...

— Ну да, а ты способен заключить договор

лично с Нергалом. И Грайтиса немедленно отпустят с Серых Равнин, — закивала стигийка, устало попросив: — Почему бы тебе в самом деле не оставить меня в покое? Я не верю ни единому твоему слову... и в любой миг могу кликнуть стражу. Тебя выставят за дверь, а то и прогонят из замка — прямо в пасть к оборотням.

— Изволь, — магик ордена Белой Руки отступил еще на пару шагов. — Хотя, заметь, пока я не предложил ничего дурного. Проклятье! Я вообще ничего еще толком не предложил, а ты уже угрожаешь мне стражей, которую я, по правде, не слишком-то и боюсь. Позволю себе заметить — хныканьем и попытками остаться в стороне ты ничего не добьешься. Сперва ты благополучно потеряла человека, который всецело доверял тебе. Теперь упускаешь возможность отомстить.

— Что-что? — дернула плечом госпожа эш'Шарвин, словно против воли заинтересовавшись.

— Месть, — терпеливо повторил Крэгган. — Неужели ты способна простить отродье, которое шатается под стенами, и позволить ему уйти безнаказанным? О твоих соотечественниках ходят совсем иные слухи. Поговаривают, якобы у вас даже косой взгляд почитается за оскорбление, смываемое исключительно кровью обидчика. Или ты — несчастливое исключение? Поэтому ты оставила родные края и перебралась сюда, в такую глушь?

— Я приехала в Пограничье, потому что мне так захотелось! — с неожиданной яростью выкрикнула Ренисенб. — Перестань морочить мне

голову! Я вполне способна понять, к чему ты клонишь! Хочешь поменяться? Твое кольцо в обмен на тайну принцессы Ричильдис, которую она сама не понимает? Свободу в обмен на пару украденных лишних дней жизни Грайтиса? Секреты Радужной Школы — на помощь в охоте за головой Рэфа? Не бывать тому. Ты совершенно правильно угадал — при первой же возможности я сдеру шкуру с этого треклятого оборотня и прибью ее на воротах Вольфгарда! И обойдусь без твоей помощи! — она говорила так быстро, что задохнулась от возмущения и злости.

Гипербореец выслушал эту гневную и сбивчивую тираду с нескрываемым удовольствием. Однако над чем он в этот миг размышлял — осталось неизвестным. Когда стигийка выдохлась, некоторое время он пристально глядел ей в лицо, потом скрипуче рассмеялся.

— Как удивительно ты выражаешь свое согласие, Рени. Слова прямо пынут праведным возмущением, но глаза тебя выдают. Так и кричат: «Согласна! Только спаси его!» Ну что ж, я нынче щедр. Добавь еще немного возвращенного могущества лично для тебя — и можем заключать договор. В ловле диких зверей я тебе не помощник, сама управись. Мысль о побеге кажется мне весьма привлекательной, над ней стоит поразмыслить. Что касается возвращения моего талисмана и секретов Школы, то я сомневаюсь, чтобы ты или Озимандия рискнули совершить столь широкое жест. Но любопытство, дорогая Ренисенб, любопытство! Оно жжет меня изнутри, буд-

то каленым железом. Мне не нужно многого, — Крэган наклонился поближе к стигийке и продолжал заговорщицким шепотом. — Эта чужая магия над Вольфгардом. Я ее чувствую, и ты тоже. Она похожа на нашу, верно. Ты даже перепутала ее поначалу с магией Белой Руки, а скудомный Эгарнейд помог тебе утвердиться в своем заблуждении. Но наша магия берет начало в темном знании кхарийцев, а это — иное, более древнее... Озимандия наверняка знает, и он сказал тебе, а меня выставили за дверь, как нашкодившего щенка. Скажи мне причину безумия оборотней, Рени! Хотя бы намекни! Согласись, пара слов — невысокая цена за спасение человеческой жизни. И тогда я помогу твоему приятелю избежать Серых Равнин. Это не так уж сложно, если знаешь как...

— Озимандия считает, будто живущие в Пограничье дети Карающей Длани оказались под властью проклятия Исенны, — не очень охотно приоткрыла уголок завесы волшебница, рассудив, что плодить лишние тайны ни к чему. Крэган достаточно умен, чтобы догадаться обо всем самому.

Услышав имя древнего полководца альбов, маг вздрогнул и непроизвольно скрестил пальцы в оберегающем жесте.

— Проклятие Безумца? Красная Жажда? — гипербореец выглядел искренне пораженным. — Но ведь такого не может быть... Это значит, что Рабиры... Клянусь плетью Нергала! В таком свете и поспешный уход двергов под землю, и требова-

ние оборотней выдать им дочь Аквилонца становится ясным как день! Очень интересно, Рени, очень, я даже представить не мог... И как же вы намереваетесь бороться с этой напастью? Впрочем, это уже другой вопрос, на который ты вольна не отвечать. Ну, уговор есть уговор.

Колдун быстрым и очень цепким движением сгреб отшатнувшуюся стигийку за плечо и дернул к себе. Скосив глаза, Ренисенб увидела лежащую на шерстяной ткани ладонь с высохшим и омертвевшим указательным пальцем, чья длина превышала обычную по крайней мере в полтора раза. Палец слегка подергивался, напоминая огромное (и наверняка смертельно ядовитое) насекомое вроде кешанской болотной многоножки.

— Я ничего не обещаю, — почти прошипел Крэган. — Но лучше бы тебе немедленно спуститься в подвалы и разыскать останки ширрифа. Пусть его отнесут в какое-нибудь холодное помещение. Проследи, чтобы над ним не вздумали читать каких-либо молитв и больше ни о чем не спрашивай.

— Пусти меня, пусти! — магичка вырвалась, оставив трофей — свою шаль, и, спотыкаясь, убежала в коридор. Вслед ей пролетел ехидный смешок.

Оставшись в одиночестве, гипербореец подумал: если бы право решать принадлежало ему, не стал бы задумываться и колебаться. Враги и союзники частенько уподобляли его действия поступкам ребенка, отрывающего крылышки мухам, дабы посмотреть, выживет ли насекомое.

Крэган охотно соглашался: порой стремление узнать как можно больше перевешивает все доводы разума. Именно любознательность втянула его сперва в безнадежные попытки овладеть разумом Карающей Длани, затем — в авантюру Последнего Прощания, а теперь угрожала возможностью запросто погибнуть в Вольфгардской Цитадели.

Глава шестая

Игрища хитрости

Вечер 2 дня Второй летней луны.

Возможно, скогры и не отличались большим умом, когда от них требовали единства в действиях или самостоятельных поступков. Однако что касается распознавания малейших оттенков настроения собратьев, тут они почти никогда не ошибались.

Только на полпути из Цитадели Рэф сообразил, что не дает ему покоя — тишина вокруг. Звери следовали за ним в почтительном отдалении, не решаясь затевать обычные свары или наскоро обшарить приглянувшийся дом в поисках спрятавшихся горожан. Поджатые хвосты, полусогнутые лапы и настороженные уши доказывали как готовность скогров в любой миг кинуться туда, куда укажет Вожака, так и тщательно скрываемое желание удрать и спрятаться. Оборотни

пребывали в растерянности — состоянии, несвойственном дикими животным и более подходящим для людей. Они не могли уразуметь, почему им не разрешили ворваться в крепость — ведь минувшей ночью они почти добились победы.

В таком подавленном молчании, нарушаемом редкими взлаиваниями и топотом многих лап по пыльным деревянным мостовым, Стая дошла до опустевшего здания былой Управы по Охранительным делам. Рэф сам не знал, почему решил обосноваться именно тут. Может, потакая не желавшим избываться воспоминаниям, связанным с этим приземистым добротным сооружением в начале Копейной улицы? Или потому, что перед Управой раскинулась большая площадь, где могли собраться оборотни, а с крыши отчетливо различались башни и стены замка короны?

В само здание Рэф заходить не стал. Нависающие над головой потолки внушали ему постоянное беспокойство. Присел на ступеньках широченного крыльца, и почти сразу же рядом, искательно поскуливая, собрался маленький круг Бегущих Следом — тех, кто безоговорочно признал его Вожаком и теперь всячески пытался выказать свою преданность. Часть Круга подобрал лично Рэф, другие заявили сами, следуя непонятным, полузвериным-получеловеческим соображениям. Рэф рассчитывал, что в будущем из них выйдут толковые помощники.

Если оно теперь вообще настанет, увиденное им будущее...

Уловив, что пока никаких приказаний ожи-

дать не стоит, Стая рассыпалась по окрестным кварталам — выслеживать, охотиться, искать подходящее логово в ожидании ночи. Скогры вполне могли передвигаться при ярком солнечном свете, но предпочитали вечерние или утренние сумерки.

Над ухом вопросительно хрюкнуло. Караульщики привели рыжую волчицу на привязи и спрашивали, нельзя ли ненадолго снять с нее ошейник. По твердому убеждению Рэфа, кожаный ремень на шее этой твари следовало поменять на хорошую веревку с петлей — а потом затянуть покрепче. Однако подходящий момент избавиться от Нейи Раварты был упущен: слишком многие ее видели и почти все прислушались к ее безумному бормотанию. В том числе и он сам. Стоило прикончить ее еще в ночь после Ярмарки, но тогда он был занят... очень занят...

Вспомнить бы еще, чем именно. Ночь была на множество голосов, кружились улицы, дома, перепуганные люди, брызгала кровь, а потом взошло солнце, объявилась эта сумасшедшая девица и все испортила.

Нейя, похоже, угадала, что Вожак размышляет о ней. Подошла ближе, села и требовательно уставилась выпуклыми глазами, похожими на виноградные ягоды. Ее мысли улавливались без труда — когда Раварта пребывала в спокойном настроении, она становилась вполне разумным созданием. Но что касается ее повадок... Она явно вбила себе в голову, что, раз обладает слабеньким талантом к предсказанию, ей дозволено все.

В том числе сидеть напротив Вожака и надрывно скулить.

— Опять на веревку захотела? — вполголоса пригрозил Рэф. Ответом стал уже приевшийся образ ночного неба, разрезаемого синеватыми молниями, и мечущиеся под дождем фигуры оборотней.

— И что с того? — Рэф предпочитал говорить с одержимой волчицей вслух — скорее для себя, чем для нее. — Сама видела, я сделал все, что мог. Потерпи до утра. Твоя дева придет завтра.

Узкая рыжая голова закачалась из стороны в сторону в совершенно человеческом жесте отрицания.

— Думаешь, заупрямятся? А куда им деться? Из замка они не высунутся и тайком не удерут, так что подождем. И хватит торчать у меня над душой!

Зверюга ловко увернулась от вполне заслуженного пинка, проскочила мимо своих охранников и с независимым видом затрусила к лужице тени под стеной дома. Повертевшись на месте, улеглась и вроде бы задремала, свернувшись холмиком золотистой выжженной травы. Рэф не сомневался — как только он только начнет подниматься на ноги, Нейя Раварта будет тут как тут.

Вот напасть ходячая!

Что самое досадное: какой-то потрепанной, наполовину свихнувшейся волчице удалось посеять сомнения, ослабить незримые нити, соединявшие Вожака и Стаю. Да, пока скогры не выказывали неповиновения и подчинялись — но спер-

ва косились на Нейю, точно спрашивая ее одобрения. Рэфа они принимали за первого среди равных, как водится между зверьми, но Раварты и ее пророчеств откровенно побаивались и трепетали перед ней. Рэф не испытывал к новоявленной провидице никаких чувств, кроме досады и раздражения тем обстоятельством, что ему никак не удавалось с ней справиться. Пусть он натянул на нее ошейник, это ничего не значило — в любой момент она могла вырваться на свободу и опрокинуть все, сделанное им.

Бывший дознаватель не сумел добиться внятного ответа: ради чего им, детям Карающий Длани, понадобился какой-то отпрыск человеческого рода? Раварта упрямо твердила одно и то же: «Право вести — твое, но указывать дорогу должна дева». Подобные слова кого угодно выведут из себя, но Рэф вскоре нашел достойный выход из положения. Он уступит Нейе, а дальнейшее — на совести засевших в крепости людей. Сам-то он твердо знал две вещи. Во-первых, аквилонскую принцессу добром им не отдадут. Во-вторых, если случится чудо и Ричильдис Канах придет — с ее появлением Стая рискует окончательно превратиться в неуправляемое скопище зверей. Ему не нужна никакая девчонка. Он сам отлично знает, куда вести Стаю и как одолеть людское племя. Единственно, для чего сгодится ребенок — припугнуть ее грозного отца, дабы не слишком усердствовал в стремлении оборонять Цитадель.

Что же до требования выпустить из крепости Эртеля Эклинга и его приемыша, оно принадле-

жало самому Рэфу. Нейя не упоминала о своем бывшем друге, короле Пограничья — возможно, она просто-напросто о нем забыла. Рэф же счел, что эту парочку лучше держать под рукой. Волчонку можно в любой миг свернуть шею, а Эртель... От него самого пользы никакой, но вот его имя еще может сослужить хорошую службу. Он ведь остается королем страны, пусть и бегаает на четырех лапах. Как он там поживает, в клетке, укрепленной ворожкой стигийской девицы? Хотя с приездом Озимандии колдовство эш'Шарвин, надо полагать, долго не продержится.

Воспоминания о событиях в коронном замке потянули за собой другие, более расплывчатые... и вместе с тем волнующие. Рэф в точности помнил, как выходил из крепости, поручив двум скограм покончить с гиперборейскими магами. Оборотни не вернулись, а различного колдовства прошлой ночью хватило в избытке, из чего следовало — Мави и ее дружок не справились со своим поручением или справились наполовину.

О собственном же времяпровождении Рэф помнил весьма смутно. Из замка он по Верхнему Проезду направился к Бронзовым воротам — взглянуть, как обстоят дела на Ярмарке. Где-то на полпути над городскими стенами взлетели радужные брызги фейерверка, затем послышался многоголосый вопль ужаса, и хлынул дождь.

Этот дождь смыл из памяти дознавателя Восходного квартала все, что происходило с ним до наступления рассвета. Осталось только удивительное ощущение полнейшей свободы и могу-

щества. Должно быть, вместе со скограми он носился по улицам, ему вспоминалось, что он находился подле бастионов замка, но те выглядели слишком неприступными, и он ушел оттуда, предоставив тем, кто поглупее, карабкаться по стенам и охотиться на людей. С ним что-то происходило, он менялся, также, как менялись по собственному желанию одержимые оборотни, принимая ту ипостась, которую им хотелось. В своей прежней жизни Рэф из Ильгорта, потомок смешанных браков между Карающей Дланью и людьми (хотя подобное не приветствовалось старейшинами рода) считанные разы пробовал изменить обличье и ему не удавалось стать даже слабым подобием волка. Он безнадежно застревал в начале второй стадии — зверообразное чудовище, неуклюжая и отвратительная на вид тварь. После десятка неудачных попыток он бросил это занятие, положив для себя отныне и навсегда пребывать в человеческом обличье.

Той грозовой ночью, до отказа наполненной криками и рычанием, он отмахнулся от давнего обещания. Он смог стать кем-то — не человеком, не волком, а иным созданием, внушавшим испуг даже собственным сородичам. Рэф затруднился бы описать, как именно выглядело его обличье, но оно оказалось намного более удобным и ловким, нежели прежнее человеческое тело. Оно могло все — взлетать по отвесным стенам, быстро заживлять раны, противостоять холодной стали, и не знало усталости. Жаль, что под утро он растаял, этот неведомый Зверь, вернув познава-

теля к прежнему виду... и совершенно новой жизни.

Тогда он тоже пришел в себя здесь, на площади перед Управой, еще толком не придя в себя от минувших открытий. И почти сразу его ожидал вызов — вызов, брошенный кем-то из самоуверенной молодежи, решившей, что десяток загрызенных людей и доблестное падение со стены замка дали им какие-то права на место Вожака. Либо же их толкали вперед дремавшие прежде инстинкты животных, требовавших устроить испытание тому, кто становится во главе Стаи.

Первые трое сдались почти сразу, Рэфу даже не понадобилось прибегать к силе. Достаточно было посмотреть на зарвавшихся юнцов и обратиться к ним, как двое тут же порскнули в толпу. Последний остался — упал на бок, перекатился на спину и униженно задрывал в воздухе лапами с устрашающими когтями, выражая подчинение. В доказательство это создание, слитые воедино кабан, барс и собака — без всякого на то приказа разорвало на кусочки следующего нахального претендента, но отступило перед ревом чудовищем, растолкавшим задние ряды глазееющих оборотней и вылетевшим на площадь.

Эту жуткую тварь Рэф уже видел мельком прошлой ночью. Именно она подбила бесновавшихся в кварталах поблизости от замка скогров напасть на Цитадель и в меру разумения старалась возглавить штурм. А сейчас глухо рыкающая зверюга, живой таран в медвежьей шкуре желтовато-пегого цвета, поднявшийся на дыбы и

ловко перебирающий задними лапами снежной ящерицы, пер через шарахавшихся в стороны оборотней с одной-единственной целью: добраться до почти состоявшегося Вожака и расправиться с ним парой ударов. Остановить его могла разве что каменная стена толщиной в полдюжины локтей.

Или кое-кто иное, отныне подвластное Рэфу. Медвежьей силе можно противопоставить небывалую ловкость, в мире найдутся звуки и страшнее утробного рыка, и даже толстенная шкура не устоит перед натиском когтей, способных с легкостью рвать полосы металла.

В отличие от скогров, меняющих облики постепенно, с добавлением или исчезновением новых черт, Рэф не переходил, но мгновенно переливался в ипостась своего Зверя. Он и сам толком еще не понял, как именно это происходит — ведь Зверь приходил к нему второй раз в жизни.

Ящеромедведь, разглядев, что именно ожидает его посреди площади, запоздало одумался и грузно рухнул на передние лапы, но остановиться не сумел — помешала увлекающая вперед собственная тяжесть. Он никогда не встречал ничего подобного, и даже ускользнувшая в глубины разума человеческая память отказывалась подсказать что-либо полезное. Это создание, только что бывшее хрупким человеком, которое он так решительно собирался прихлопнуть, обернулось чем-то небывалым. Сплошные острые шипы, изломанные углы, сверкающие на солнце искры. В повадках, движениях кроется что-то от насекомо-

го и от змей, а змей медведь боялся — это осталось еще от прежнего существования.

Он все-таки решился напасть — с тем, чтобы спустя миг кувыркком лететь по булыжникам, истошно вереща и думая лишь об одном: куда бы спрятаться. Никакого боя не вышло — нельзя драться с созданием, движущимся быстрее, чем зрачок глаза, оказывающимся то здесь, то там, и при этом безмолвно повторяющим: «Эта Стая будет моей». Когда якобы случайный взмах сухой когтистой лапы промелькнул перед самыми глазами и легонько чиркнул по чувствительному медвежьему носу, забияка сдался. Вытянулся на брюхе, накрыл лобастую голову лапами и протяжно заскулил. Он вздрогнул, когда его потрепала по массивному загривку человеческая рука, послушно поднялся на ноги и заковылял следом за Вожаком.

Больше желающих оспаривать право Рэфа не нашлось.

Зато объявилась Нейя Раварта со своими пророчествами. Именно из-за нее Стая продолжала торчать на одном месте, вместо того, чтобы обыскивать город и сгонять людей к старым бойням в Полуденном конце, как рассчитывал Рэф. Из-за нее покачнулось и могло не удержаться его превосходство над остальными оборотнями. Из-за нее приходилось обдумывать вещи, которые Рэфу не слишком хотелось делать. Она сама не оставила ему другого выхода.

Ближе к сумеркам дознаватель улучил момент и подозвал к себе двоих из числа Бегущих

Следом. Один, некогда носивший имя Шелорис, был из тех восьми скогров, которые первыми признали в Рэфе сперва Старшего, а затем и Вожака. Из тех восьми тварей, выведенных им из подвалов крепости, уцелели только четверо, и среди них — бывший содержатель пекарни в Медовой Аллее. Второй, предпочитавший облик рыси с прорастающими на хребте шипами, позабыл свое людское имя, прекрасно обходясь и без него. Друг друга оборотни узнавали по неповторимости примет и запаха, а давать им на людской манер клички Рэф не стал. Он и так знал почти каждого из них. Эти двое вполне подходили для его замысла. Рысь, битый на давешнем поединке, позволил бы снять с себя шкуру заживо, если бы это понадобилось Вожаку, а Шелорис почти потерял способность рассуждать самостоятельно, что делало его наилучшим из исполнителей. Вдобавок у него оказалась хорошая для скогра память — он ничего не путал, не забывал и исполнял все в точности.

Помнил он и неглубокий овражек у дальнего края бывшего Ярмарочного Поля, где под корнями старой сосны завершался ведущий из замка подземный ход. Шелорису вместе с Рысью предстояло вернуться туда, отыскать поросшую травой крышку потайного лаза и с наступлением темноты снова проникнуть в замок. Вожак требовал от них разыскать какую-то человеческую девочку и тайком забрать ее, но так, чтобы не привлечь ничьего внимания. Если похитить не удастся — убить.

«Не будет ребенка — исчезнет предмет для торга, — здраво рассудил Рэф. — Заодно и Нейя притихнет».

Говоря по правде, ее безумные выкрики оказались как нельзя более кстати. Засевшие в крепости и городских домах люди исчерпали запас отведенной им удачливости. Нельзя позволить им разбежаться и разнести вести о происходящем в Пограничье раньше положенного времени. К тому же многие, пришедшие в Стаю нынешним днем, страдали от чувства неутоленного голода, что мешало им хоть немного соображать. Нападение на замок позволит им насытиться и заодно освоиться со своими новыми умениями. Однако никак нельзя допускать повторения бойни прошлой ночи.

Люди, надо отдать им должное, защищались отчаянно, погубив едва ли не треть нападающих. Теперь у скогров есть Вожак, и Стая поступит умнее...

Надо только сосредоточиться и вообразить, что могут предпринять люди из Цитадели. Вряд ли они решат отсиживаться, надеясь на толщину стен и крепость ворот. Рискнут выйти и напасть, особенно если их поведет Аквилонец? Вполне вероятно.

Так не приготовить ли им достойную встречу?

Рэф ухмыльнулся рождавшемуся замыслу. Незримый, но всегда пребывавший наготове Зверь ухмыльнулся в ответ. Смутно вырисовывавшийся план пришелся ему по душе — если у этого существа имелась душа.

Около девятого вечернего колокола.

Совет в Вольфгардской Цитадели проводился в тех же покоях, но разительно отличался от утреннего. Тогда над столом витал боязливый, осторожный, но все-таки присутствовавший призраок возможной удачи. Теперь его изгнало тщательно скрываемое отчаяние, выдававшее себя косыми взглядами, нежеланием разговаривать и короткой раздраженной фразой, вырвавшейся у аквилонской королевы: «На сей раз выхода не будет».

На военном совете, в некотором противоречии с традициями, присутствовали две женщины — стигийская магичка, несколько оправившаяся от недавнего потрясения, и королева Аквилонии, Зенобия Канах. Именно она взяла слово после того, как прозвучали доклады офицеров о положении дел в осажденной крепости. Дженна говорила коротко, резко и по существу. Она привела и обоснования для своего удручающего мнения, с несвойственной ей жесткостью называя вещи своими именами:

— Будем честны друг перед другом — мы в капкане. Первое нападение мы отбили — немалой кровью, но счастливой случайности и потому, что скогры не были готовы к нашему отпору. Во второй раз они своих ошибок не повторят. Если оборотни выполнят угрозу и завтра ринутся на штурм, замок продержится от силы подколокола. Месьор Галтран предложил послать за помощью, а в ее ожидании запереться в донжон, за-

сев в глухую оборону. Это предложение, при всей своей заманчивости — гибельный путь.

— Объясни, почему? — серьезно спросил Конан, слушавший супругу со всем вниманием.

— Допустим, мы отправим с письмом сокола или голубя. У нас сохранились птицы, которые устремятся в Пайрогию, Менору Немедийскую и в Тараптию. Им всем потребуется не меньше двух-трех дней и еще неизвестно, долетят они или нет. Предположим, небеса окажут милость и наши гонимы доберутся. Еще не менее седмицы уйдет на сбор войска. Армия, увы, не обладает крыльями и передвигается медленно. Конные отряды, может, доскачут быстрее, но что толку? Прибыв, они застанут пустой замок и груды обглоданных костей. Запасами для длительного сидения в осаде, как следует из этих реестров, — она постукала узким лезвием стилета по толстой пачке пергаментных листов, — мы не располагаем. К услугам скогров же — окрестные леса и уцелевшее население города. Они могут держать в замок в кольцо столько, сколько им вздумается — седмицу или год. Надеяться на то, что у них иссякнет терпение, я бы не стала. Кто-нибудь желает возразить?

Невнятные реплики, должно быть, означали согласие. Дженна продолжала, и, как ни пыталась она держать себя в руках, в следующих ее словах прорвались наружу злость и отчаяние, овладевшие аквилонской королевой:

— О том, чтобы вручить этим чудовищам ее высочество принцессу Ричильдис, и речи быть не

может. Я не хочу об этом слышать, и всякий, попытавшийся вести об этом речь, всерьез рискует головой — как предатель и трус. Мы также не в силах отдать оборотням Эртеля Эклинга... Что ты хочешь добавить, Озимандия?

— Только повторить уже сказанное, — старый волшебник с явным трудом поднялся из-за стола. — В крайнем случае можно пожертвовать частью подвалов Цитадели и разрушить заклятие, окружающее место заточения короля Пограничья. Или, да простят меня боги, выбрать из двух зол меньшее — отдать скограм приемного сына Эртеля. Он такой же оборотень, как и прочие, может, ему не причинят вреда...

— Не вижу смысла. Волчонка еще можно отдать — в конце концов, пока предполагаемый наследник престола ничем не отличается от обычной сторожевой собаки, и нет никаких признаков того, что будет отличаться когда-либо впредь. Ума не приложу, зачем он скограм. Но дело в принципе, — повелитель Аквилонии, вместе того, чтобы занять подобающее ему место во главе стола, бродил по комнате от окна до окна, иногда выглядывая наружу — там, во дворе и хозяйственных постройках, горели факелы, мелькали торпливые тени, часто звякал молот в кузне. Лаэг, коему дозволили присутствовать на совете (никакой положенной гордости подросток от этого не ощущал, только медленно подступающее к горлу и непривычное доселе чувство страха) избегал смотреть на родителей. С ними, как и с Дисой, что-то случилось в последний день. Они измени-

лись. Или, напротив, вспоминали, какими были с четверть века назад. Лаэг понимал, что все это время отец и матушка отчаянно, напряженно думают, пытаясь разглядеть в непроглядной тьме хоть какой-то шанс на спасение, и Зенобия, кажется, уже отчаивалась.

— Выторговывание уступок иногда приносит пользу, — продолжал киммериец, отойдя от окна и встав за спиной кресла жены. — Но не в этом случае. Во-первых, Эртеля я не отдам. Ричильдис — моя дочь, Эрт — мой друг, Гвен — его приемный сын. То, что с ними случилось — не их вина, и я не могу относиться к ним как к разменной монете в торговле с омерзительными тварями.

— Не далее как седмицу тому эти омерзительные твари были добропорядочными подданными королевства Пограничного, — пробурчала Ренисенб в сторону.

— Есть еще одна возможность, — внезапно заговорил гиперборейский маг, с величайшей неохотой допущенный в собрание. К сдержанному удивлению присутствующих, Крэган из Халогии уселся по соседству с госпожой эш Шарвин и о чем-то с ней перешептывался. — Пригрозить убить детей. Если разыграть сцену достаточно убедительно, может, предводитель оборотней поверит? Нет ее высочества и маленького принца Пограничья — не о чем вести переговоры. Не спору, подвергать жизнь столь юных созданий таким тяжким испытаниям жестоко, но что делать, раз нам не оставляют выхода?

Зенобия Канах ухватилась за подлокотники

кресла, склонилась вперед и медленно начала вставать, намереваясь придушить гиперборейца собственными руками.

— Это всего предложение. Одно из многих, которое можно принять, а можно и отвергнуть, — быстро добавил колдун, примирительно выставив перед собой ладони. Дженна какой-то миг смотрела на мага как на гнусное ядовитое насекомое, бормоча себе под нос что-то весьма нелестное, затем справилась со своими чувствами и опустилась в кресло — однако гипербореец все еще чувствовал на себе ее косой взгляд, полный омерзения.

— Значит, возвращаемся к тому, с чего начали, — к вылазке, — не очень громко, но так, что слышали все, проговорил монарх Аквилонии. — Придется все делать по-иному. Скогры грозили явиться за ответом на заре, около шестого или седьмого утреннего колокола. Нужно их опередить. Большой охраняемый обоз, который мы хотели собрать, теперь бесполезен. Повозки слишком неповоротливы. У нас не хватит воинов, чтобы оборонять их. К тому же в замке осталось не так много лошадей. Я рассчитывал устроить маленькую вылазку сегодня днем — пошарить в окрестных кварталах, может, найдем еще коней. Галтран, где-то тут, помнится, был план Вольфгарда...

Пергамент с чертежом оказался завален прочими бумагами. После некоторой возни молчаливый сотник Черных Драконов с помощью Лаэга извлек огромный лист и разложил поверх сто-

лешницы. Закручивающиеся края карты придавили шандалами и тяжелыми письменным прибором двергского литья. Замок, выстроенный на холме в полуночной части города, отмечался ярким киноварным пятном, очерчивающим границы стен и пяти башен.

— Выйдем на исходе ночи, через Оленьи ворота, — неторопливо, взвешивая каждое слово, излагал свой замысел Конан. — Пойдут все, кто остался в Цитадели. Побольше огня. Скогры огня боятся. Брат Бомбах собрал каких-то алхимиков из Красильного цеха в подвалах, они там горячее зелье варят, того гляди, спалят замок... Покуда не нападут, постараемся не поднимать шума, хотя оборотни нас все равно не заметят, так почувют. Но уж когда нападут, дадим сдачи так, чтоб не скоро опомнились. Магам придется показать все, на что они способны. Нужно преодолеть хотя бы три или четыре перестрела по Верхнему Проезду, потом свернем на Восход, вот по этой улице....

— Дровяная, — подсказала Ренисенб эш Шарвин, мельком глянув на план.

— Там, помнится, тянутся сплошные переулочки и тупики, а чуть в сторону будет Ветреный Холм и митрианский храм. В храмах, кстати, если верить слухам, укрылось множество народу — почему-то скогры на них не нападают. Возле него отряду придется разделиться. Горожане укроются в святилище, а мы... мы поскачем дальше, за пределы города, — несколько сбивчиво завершил киммериец, явно пребывая в нехарактерном для

него затруднении. — В окрестностях города оборотней не так много, возможно, они все собираются сюда, в кольцо стен... Малый и быстрый отряд наверняка сумеет проскочить. Добраться бы до первого же пограничного города у Соленых Озер, а там...

— До Соленых Озер — стало быть, два или даже три дня хорошей езды, — низкий голос из темного угла принадлежал брату Бомбаху, до того сидевшему тихо и ни в что не вступавшему. Вопреки обыкновению, митрианец даже не удосужился украдкой ругнуться в спину Крэгану Беспалому, когда гипербореец язвительно пожелал монаху доброго вечера. И за общий стол святой брат не сел, хотя его приглашали, устроился у неярко мерцавшего камина и словно бы ушел в себя, качая на перевязи раненую руку. То ли молился, то ли просто устал за прошедшие дни.

Покряхтывая, митрианец выбрался из своего угла, подошел к столу, оперся на него обеими руками и, уставясь на нарисованные улицы и дома столицы Пограничья, молвил:

— Оно конечно, Ваше величество, мы вас безмерно уважаем — и за то, что не оставили пропадать, и что сейчас пытаетесь сделать. Могли бы и без нас обойтись — выскочили ночью тишком, поминай как звали. Оборотень, он хоть тварь пребыстрая и ловок превесьма, но за лошадьё, особенно навроде тех красавцев, что ваши гвардейцы стерегут, вряд ли угонится. А про вас еще болтают, будто человек вы безмерно удачливый, стало быть, до Соленых Озер наверняка добере-

тесь и тамошнему гарнизону о наших бедствиях знать дадите. Что потом предпримете — не нашего ума дела. Я так полагаю, что с вас станется обратно вернуться с подмогой. Только... — монах зажмурился, еле заметно раскачиваясь взад-вперед, словно ему было трудно говорить. Его не перебивали, даже отец и матушка, как подметил Лаэг, слушали эту непонятную речь с чрезвычайным вниманием. Гиперборейский колдун, тот вообще едва из своего кресла не выпал, пытаясь уловить каждое слово давнего неприятеля.

Словно приняв решение, брат Бомбах снова заговорил:

— Я не к тому веду, что мне этот план не по душе. Если пропадем, так не зазря, а за доброе дело. Я про другое хотел сказать. Про девочку, дочку вашу, принцессу Ричильдис то бишь. Знаю, не ко времени, да память у меня нынче не та, что ранее, вываливается все, как из худого мешка. Давеча смотрел я, как принцесса с этими скограми безумными разговаривала, и подумал вдруг, что неспроста они ее к себе выкликают. Не потому, что она королевского рода и, коли к ним угодит, они смогут нам условия ставить. Есть одна история... Она длинная, но я постараюсь покороче. Но без нее не обойтись, иначе непонятно будет.

— Время, святой брат, время уходит, — сухо напомнила Дженна. — Какое отношение может иметь давнее предание к нынешним событиям?

— Пускай расскажет, Ваше величество, если вы позволите, — вступился Озимандия. К пол-

нейшей растерянности старого чародея, его вдруг поддержал гипербореец, заявивший, что ключи к нынешним загадкам нередко удавалось отыскать в прошлом.

— Ладно, слушаем, — уступил Конан. — Только побыстрее, святой брат, если можно. Что за история и при чем тут Дис?

Бомбах неловко присел на табурет, перевел дыхание и начал — слегка нараспев и глуховато постукивая в такт рассказу по столу короткими толстыми пальцами.

— Жил некогда в полуденной Бритунии один князь. Князь как князь: правил по своему разумению, воевал помаленьку, золотишко копил на черный день, и все ему так славно удавалось, что поговаривали — он, мол, сумел удачу приворожить. Только с наследниками у него как-то не заладилось — первый умер во младенчестве, а второго князь зачать не мог и страдал оттого страшно. Уже и митрианской общине пожертвования слал, и к жрицам Викканы ходил, и к заезжим колдунам обращался, а все едино. Нету потомства, и все тут. Земли и титул передать некому, умрет князь — опять начнется свара, время было беспокойное, да впрочем, когда оно спокойное, время-то...

«Можно поспорить, далее к герою легенды пришла помощь с какой-то совершенно неожиданной стороны, но за это с него потребовали какую-нибудь удивительную плату», — про себя подумал Лаэг, и не ошибся. Предание его не слишком заинтересовало, куда любопытнее было

смотреть на рассказчика, умудрявшегося искренне переживать за давно умерших и истлевших в земле людей.

— Как-то по весне князь собрался с малой свитой и подался охотиться в леса. Дело привычное, поднялись разом, поскакали к Ронинскому лесу — он и посейчас шумит, только повырубили малость, конечно. Седмицу носились за оленями да зубрами, под конец заехали неведомо куда и заплутали. Наткнулись на лесникову избушку, а там вместо хозяина всем хозяйка заправляла. Вдова она была и, говорят, красавица, — святой брат многозначительно хмыкнул. — Слово за слово, повадился князь в те края на охоты ездить и всякий раз к лесничихе заглядывать. К себе ее звал, но та не захотела — она из Карающих была, привыкла в лесу жить.

Как-то князь коротал ночь у своей лесовички, и был ему то ли сон, то ли видение. Будто вышел из леса огромный волчина, аж седой от старости, и обратился к нему человеческим голосом. Мол, слишком много вражды промеж людьми, волками и оборотнями, надо это пресечь, пока не поздно. Есть и средство, но только для того нужно твое, княже, согласие. К осени родится у тебя и лесничихи девочка. Будет она понимать душу звериную и душу людскую, но научить ее этому ты не сумеешь. Поэтому оставишь ребенка в лесу и еще приплатишь за услугу — бросишь руку в огонь, все равно какую. Исполнишь в точности — будет тебе наследник. Князь решил, чего во сне не пригрезится — и согласился.

Луны через две лесничиха и в самом деле понесла, а князю тот сон уж не давал покоя. Как же так: и будущее дитя волкам отдай, и руку руби, и вообще, как зверю верить? Ну как обманет? Рассказал о видении своему старшему над дружиной. Старший-то был хват, рубака, каких поискать, и оттого на все у него сыскался один ответ: дите? волчине?! Куда хватил! В топоры бестию! Изловим, говорит, башку косматую на кол насадим, чтоб впредь неповадно было. Поднимай, говорит, людей. Ну, на все воля княжья. Взялись в топоры.

А вышло-то скверно. В Ронинском лесу, говорят, волчье племя под корень извели, а добились только войны с Карающей Дланью — в горячке-то иди разберись, кто настоящий зверь, кто оборотень.

В числе прочих стубили родню князевой подружки, та с горя взяла и повесилась. Ребенок не родился, у князя с той поры все пошло под горку и как-то по зиме его около собственного замка медведь-шатун заломал. Княжество взял под свою руку сосед, а вот история та не забылась. Волка — старого, огромного, что твоя лошадь — порой видят в лесах, как в Бритунии, так и у нас в Пограничье.

Ясно, что сие — не простой зверь, кое-кто думает, будто это и есть сам Белый Волк, хранитель рода Карающей Длани. Он все ждет обещанную девочку и гневается на людей, которые его обманули.

Монах понизил голос и завершил рассказ, по-

переменно глядя на королеву Аквилонскую, то на ее супруга:

— А поскольку многим ведомо, что его милость повелитель Аквилонии долго жил у нас в Пограничье и договаривался с созданием, которое зовет себя Фреки, Хранитель Зверей, то я и подумал, нет ли тут какого совпадения... или даже прямого требования. Ведь оный Зверь, как и Митра Милосердный — такое же творение Единого, рассуждает не как смертные, и что для нас — сотни лет, для него — один денек. Простой беседой от подобного творения не отделаешься, оно всегда на человеке свой знак оставляет. Видимый ли, незримый, рано или поздно знак этот проявится, потому что иного порядка нет и быть не может. Если оборотни в самом деле учуяли в маленькой принцессе что-то свое, они теперь не успокоятся. Увезите ее хоть на край земли, спрячьте хоть в какой неприступной башне — все равно отыщут. Ежели она им вроде как своя, значит, судьба у ней такова. Пусть пойдет и поговорит с ними. Кто знает, вдруг они отступятся от крепости, а дитя вернется обратно, живое-невредимое?

— С кровожадными тварями моя дочь никаких бесед вести не будет. А ежели кто-нибудь из них позарится на Дис, то не получит ничего, кроме стрелы промеж глаз, — отрезала Дженна, нетерпеливо ожидавшая конца затянувшейся повести.

— Вот и воевода князев так говорил, — горестно покачал лысой головой митрианец. — Ну,

тогда пусть хоть со стены обратится. Пускай прямо прикажет им, чтоб уходили в леса за дичиной, зверья в лесах полным-полно, а людей убивать, мол, негоже. Вдруг и того достанет, чтобы она им показалась. Сказано же в писаниях блаженного Эпимитриуса: невинному дитяти дана власть укрощать зверей диких и смирять человеков, закосневших во злобе и корысти. Ежели через вашу дочку сможем обойтись без кровопролития...

— Скорее всего, нет, — Озимандия скрестил перед собой пальцы и глянул поверх них на митриянца блекло-серыми зрачками, казавшимися в полутьме совсем белыми. — Сие повествование чрезвычайно занимательно и наверняка имеет прямую связь с делами сегодняшних дней. Но, боюсь, пока во главе оборотней стоит это кроважидное и непредсказуемое существо, какие-либо мирные переговоры с ними невозможны. Занимались бы вы лучше своими горючими зельями, досточтимый брат, этой ночью они будут просто на вес золота.

Несколько ударов сердца Бомбах колебался, не продолжить ли спор, но сдался и разочарованно махнул рукой. К тому же послышался осторожный стук и в приоткрывшуюся щели между дверными створками появился караульный с донесением — с башен замка опять замечены какие-то перемещения в городе, а святого отца срочно зовут в подвалы, отведенные под изготовление огненных смесей: там что-то не ладится.

3 день Второй летней луны.
Около полуночи.

Последние сомнения и колебания Беспалого исчезли вместе с закончившимся советом. Если позволить событиям и дальше развиваться в угоду самонадеянному королю Аквилонии и его присным, то в скором времени некий гиперборейский магик будет вынужден доблестно пасть во имя спасения правящего семейства Аквилонии.

Может ли существовать что-либо более нелепое и неуместное для Верховного мага гиперборейского Круга Белой Руки, чем кончина под стягом Аквилонского Льва?! Сие Крэгана никак не устраивало и, отвилгнув от ненавязчивой опеки Озимандии под предлогом подготовки к грядущей вылазке, гипербореец юркнул в отведенную ему комнату.

В безумной затее с вылазкой, что самое забавное, нашлось место и для него. Точнее, он сам вызвался, дабы не привлекать ненужного внимания и лишний раз подтвердить данное накануне обещание о помощи защитникам Цитадели. Он и в самом деле исполнил возложенные на него обязательства — на столе красовались аккуратно запечатанные красным и зеленым воском тугие свитки пергамента, представлявшие из себя образчики магии Знака. Воспользоваться ими мог любой невежа: достаточно сорвать печать и швырнуть свиток в противника. Далее, в зависимости от свойств заклинания, враг будет либо охвачен

неведомо откуда взявшимся пламенем, либо на-
смерть зажален роем изникших из небытия ос.

Какое-то время гипербореец бездумно глазел
в окно, убеждаясь, что суета в верхнем и нижнем
дворах крепости не думает затихать и, скорее
всего, продлится ночь напролет. Из-за двери до-
носилось приглушенное погромохивание доспе-
хов и порой — редкие фразы, коими обменива-
лись караулившие обителище колдуна стражни-
ки. Крэган знал, что их там всего-навсего двое, и
время их дозора истечет незадолго до полуночно-
го колокола, когда настанет смена караулов.
Именно этот момент ему и требовалось подга-
дать.

Ожидание маг коротал за крайне страшным
действием: старательно вырисовал на пергамент-
ном листе идеально ровную окружность и укра-
сил ее по ободу диковинными знаками. Из внут-
реннего кармана одежда гиперборейца на свет
явилась крохотная прозрачная бутыль, до поло-
вины наполненная зеленоватой пылью. Тщатель-
но отмеренное количество загадочной смеси про-
сыпалось на лист и с легким потрескиванием
впиталось в него. В завершение Крэган начертил
внутри окружности два слова, одно над другим.
Полюбовался на дело рук своих и внезапно
ткнул в середину рисунка мертвым пальцем. За-
остренный пепельно-желтый поготь с треском
порвал телячью шкурку, изображение на миг
вспыхнуло опалово-золотистым светом, и весь
лист с беззвучным шорохом рассыпался по столу
горсткой пепла. Должно быть, маг из Халогии до-

бывался именно такого исхода, потому что кив-
нул и, хмыкнув, еле слышно пробормотал: «Толь-
ко ради тебя, дорогая. Живите долго и счастли-
во... если сумеете».

Завершив ритуал, Крэган подошел к дверям и
на прощание огляделся. С собой он захватил
только парочку опечатанных листов с заклятья-
ми, а более никаких вещей или оружия у него не
имелось. Припасы и все необходимое для путе-
шествия он рассчитывал получить там, куда дер-
жал путь.

За дверью стукнуло и лязгнуло — сменился
караул. Почти одновременно куранты на Олень-
ей башне принялись вызванивать двенадцать
ударов полночи. Гипербореец, полуприкрыв гла-
за, провел рукой там, где снаружи на дверях рас-
полагался засов, и удовлетворено кивнул, уловив
тоненькое поскрипывание. Следующим движе-
нием — таким же плавным, точно все происходило
под водой, — он приоткрыл створку. Двое страж-
ников, как и полагалось, стояли по сторонам
дверного проема, двое удалялись по коридору.
Вышедшего из комнаты Беспалого никто не заме-
чал, словно его тут вовсе не было. Выждав для
полной уверенности пяток ударов сердца, Крэган
зашагал по коридору.

Его никто не окликнул. Караульные пребыва-
ли в полной уверенности, что дверь заперта и их
жутковатый поднадзорный находится внутри.

«Тоже мне, недреманная стража», — презри-
тельно фыркнул магик, преодолев искушение
щелкнуть ближайшего караульного по носу.

Тщательно взвесив все увиденное и услышанное за два последних дня, Крэган принял решение — пора начинать действовать самостоятельно. Защитники Цитадели, сами того не ведая, оказали ему сегодня ценнейшую услугу — позволили украдкой изучить разложенные на столе чертежи Вольфгарда и его окрестностей, в том числе и план самого замка. Колдун увидел и узнал все, что требовалось для выполнения замысла.

Ему не хватало единственной вещи.

Маг из Халогн разыскивал девочку по имени Ричильдис Канах. Он очень надеялся, что она не живет в одних покоях с родителями, и судьба решила пойти ему навстречу — уходя с совета, он сумел подслушать обрывок разговора между Львом Аквилонии и его крайне заносчивой супругой. Из разговора явствовало, что на всякий случай маленькую принцессу поселили в комнатах выше этажом, в отдельно стоящей башенке, куда вела единственная лестница. К дверям, само собой, приставлена стража, и наверняка не из числа раззяв местного гарнизона, а аквилонские гвардейцы. Для них, впрочем, Крэган тоже кое-что приготовил.

«Поиграли в благородство, расшаркались перед варварами — и будет, — подбадривал себя Крэган, шагая по темным коридорам и внимательно прислушиваясь. Заклинание для отвода глаз — вещь чрезвычайно полезная, но коварная: имеет дрянную особенность заканчиваться в самый неподходящий миг, не способна обмануть

животное и не действует, если поблизости имеется более пяти человек. Но для того, чтобы проскользнуть незамеченным по полупустой крепости — лучше не придумашь. — Монах, похоже, сам не понимает, насколько близко подобрался к истине. Что ж, сидите здесь, стройте планы, утешайте себя несбыточными надеждами — а выигрыш достанется мне. Сами потом спасибо скажете. Я сделаю то, о чем все думают, но никто не решается заговорить».

Он едва не проскочил мимо затемненной ниши, в глубине которой закручивались поднимающиеся вверх ступени. Крэган остановился, держась одной рукой за вытертые медные поручни, тянувшиеся вдоль каменной кладки стены, и медленно вычерчивая в воздухе то сгибавшимся, то распрямлявшимся умерщвленным пальцем какие-то бледно мерцающие символы. Сочтя, что заклинание достигло нужной силы, он почти бегом преодолел два десятка ступенек и вылетел на площадку перед дверцей, легкомысленно расписанной чуть облупившимися цветами. Трое стражей в черно-серебряной форме застыли, точно примороженные на середине неоконченных действий — тот повернулся к вопросу к сотоварищу, этот потянулся к ручке дверцы, выполненной в виде изогнутой ветви... Караульщики останутся в уверенности, что течение их жизни ничем не прерывалось, и не было мгновения, за которое столь бдительно охраняемая ими дверь открылась и беззвучно закрылась.

Крэган угодил в крохотную прихожую, осве-

щенную тусклой масляной лампой и едва не споткнулся о выступ сундука. Требовалось действовать быстро, как можно быстрее — заклинание продержит гвардейцев в неподвижности не более одной десятой доли колокола. Потом они очнутся, и, даже если не заподозрят неладного, могут сунуться в комнаты: проверить что-нибудь или удостовериться, все ли в порядке.

Бархатную занавесь в конце прихожей маг откинул в сторону размашистым рывком. Окажись кто-нибудь в комнате, он непременно оглянется, что и требовалось Крэгану, а вот вскрикнуть наверняка не успеет. Убивать гипербореец не собирався — слишком много хлопот. Мгновенного погружения в крепкий сон вполне достаточно.

Первой жертвой стала еле слышно ойкнувшая девица-служанка, копавшаяся в огромном плетеном коробе для одежды, второй — средних лет женщина, сидевшая у стола и что-то выговаривавшая прислуге. Девица шлепнулась на пол мягко, беззвучно, а вот дама рухнула, как мешок, и довольно гулко треснулась головой.

— Прошу прощения, — церемонно извинился перед ней гипербореец. — Не подскажете, где найти ее милость Ричи...

Поблизости что-то зарычало. Тихий, угрожающий звук вытекал из заваленного тряпьем угла, откуда на негнущихся лапах, словно вздергиваемый на незримых нитях, поднимался здоровенный остроухий пес. Выражение оскаленной морды не предвещало ничего хорошего, и Крэган, недолюбливавший собачье племя, пожалел, что не

заготовил хоть одно убийственное заклятие. Творить Воздушный Щит было некогда, и магик угостил четвероногого охранника тем же, что и людей.

Тварь оказалась стойкой — хоть и упала на брюхо, но продолжала ползти, сверля обидчика разъяренным взглядом изжелта-голубоватых глаз, похожих на два ярких драгоценных камня. Наконец волшебство взяло верх, белая овчарка ткнулась мордой в лапы и затихла.

— Эмерельд, что-то случилось? — по левую руку приоткрылась узкая дверца, из которой высунулась девочка — черноволосая, в белой блузе и темно-синей юбке с серебряной тесьмой по подолу. — Эмерельд?..

Девочка растерянно уставилась на прикорнувшую под столом даму, перевела расширившийся взгляд на служанку и пса, но не успела ни позвать на помощь, ни шарахнуться обратно. К легкому разочарованию Крэгана, чары сломили маленькую принцессу также, как и прочих смертных. Ричильдис сползла по стене и осталась лежать ворохом ткани.

— Мы отправляемся на прогулку, — поделился с наследницей Тарантийского дома магик, торопливо разыскивая, во что бы ее завернуть. Согласитесь, человек, шастающий по замку со спящим ребенком на руках неизбежно привлечет внимание. На спинке стула висел суконный плащ, и Крэган решил, что он вполне сойдет.

Девочка оказалась очень легкой, и гипербореец прикинул, не прихватить ли заодно белую

псину. Похоже, это приемыш Эклинга. Оборотни желали получить и его. Но, для пробы приподняв лохматую тушу, маг сразу передумал — тварь весила никак не меньше молодого теленка. Волочь такое на себе — покорнейше благодарим.

Уже спускаясь вниз по лестнице, маг Белой Руки услышал вновь зазвучавшие голоса стражников. Придворная дама и горничная тоже вскоре очнутся и вернутся к своим занятиям, ничего не вспомнив. Исчезновение принцессы откроется, когда кто-нибудь придет за ней, чтобы отвести в нижний двор, но это произойдет нескоро — колокола через три или четыре. Не исключена, конечно, вероятность, что проведать ненаглядную дочурку заглянут венценосные родители, но здесь уж ничего не попишешь. Остается надеяться, что, если поднимется тревога и начнутся поиски, похититель со своей добычей будет уже далеко.

Эпилог

Серый ветер

реди множества изученных Крэганом тайных знаний и прочитанных трактатов как-то не подвернулось ни единой книги, содержащей бы в себе советы относительно того, как вести себя в обществе ребенка. Магику вообще не часто доводилось сталкиваться с детьми. Обучавшиеся в школах Белой Руки подростки еще не заслуживали его внимания, а об отпрысках обычных жителей Халогии и говорить нечего. Посему гипербореец пребывал в твердом убеждении, что в большинстве своем дети изрядно глуповаты, шумны, крикливы и непослушны.

Безжизненный продолговатый куль, перекинутый через плечо колдуна, внезапно заерзал, испуская сдавленные попискивания. К тому времени Крэган благополучно добрался до нижних подвалов, отыскал необходимое помещение, побряхтев, отодвинул бочку с зерном и спустился в темноту

подземного хода. Маг зажег запасливо прихваченную с собой масляную лампу, осветившую ровные квадраты плит под ногами и каменные стены, плавно сужавшиеся к невысокому потолку.

Пристроив ношу поудобнее, Крэган зашагал дальше, но, должно быть, действие сонного заклинания иссякло. Пленница вернулась к жизни, поставив мага перед выбором: снова погрузить ее в дремоту или рискнуть, оставив девочку в сознании. В последнем случае она сможет идти самостоятельно, что пришлось бы очень кстати — гиперборейцу изрядно поднадоело изображать носильщика. Если закричит или попытается сбежать — не страшно, все равно призывов о помощи никто не услышит, а удирать некуда.

Сверток дергался все настойчивее. Крэган беспокоился, как бы украденное сокровище не задохнулось, прислонил девочку к стене — та едва не шлепнулась — и развернул обматывающий ее плащ. Из складок немедленно высунулась взъерошенная голова, жадно втягивая воздух. Прищуренные глаза заморгали, спешно озираясь по сторонам, остановились на разумно державшемся в отдалении гиперборейском колдуне. Ричильдис выпуталась из плаща, встряхнулась, приводя в порядок одежду, и настороженно осведомилась:

— Меня что, украли?

— Верно, — кивнул Беспалый и, чуть поколебавшись, добавил: — Ваше высочество.

Девочка забавным, птичьим движением сложила голову набок, накручивая на пальцы кончи-

ки волос и что-то обдумывая. Крэган с увлечением ждал, каким будет ее следующий вопрос.

— Зачем? — пожелала узнать Ричильдис.

— Собираюсь отвести тебя к скограм, — поделился замыслами маг. — Хочу, видишь ли, спасти Цитадель и заодно узнать, для чего ты понадобилась оборотням.

— Обманывать нехорошо, — убежденно заявила маленькая принцесса.

— В чем это я тебя обманываю? — на миг опешил Крэган.

— Папа говорит, таким как ты, нет никакого дела до прочих людей. Ты хочешь спасти не Цитадель, а себя, — девочка со взрослой проницательностью, неприятно поразившей гиперборейца, глянула ему в лицо и хозяйственно подобрала валявшийся плащ. — Ничего ты не понимаешь. Ладно, раз ты меня крадешь, то кради дальше. Нам еще далеко идти?

— Вот они, неоспоримые достоинства варварского воспитания, — пробормотал Крэган, а вслух спросил: — Тебе как, не страшно?

— Не знаю, — поразмыслив, ответила Диса. — Если делаешь именно то, что должна делать, то нечего бояться — так меня учили. Я не уверена, что поступаю правильно, но, скажи я матушке или отцу, что мне непременно нужно уйти из крепости, меня бы никуда не пустили. Я сидела и думала, как же быть, а все получилось без моего участия. Скажи, что ты собираешься попросить за меня у скогров? Вряд ли они смогут заплатить тебе чем-нибудь ценным.

— Отыщется ли в мире вещь дороже и выше знания? — с нарочитым пафосом провозгласил Крэгган. Эхо его голоса улетело вперед и разбилось на множество перекликающихся отзвуков. — Я желаю узнать, что ты такое, и твои звёрюшки помогут мне в этом.

— Я Ричильдис, — пожала плечами девочка. — Просто Ричильдис, дочь своих родителей и сестра своих братьев.

— Зато один вздорный служитель Митры уверен, будто ты — ребенок, обещанный много веков тому Карающей Длани, — вкрадчиво сообщил Беспалый, поднимая лампу повыше и проверяя, много ли осталось масла. — Кое-какие соображения заставили меня поверить в истинность его рассказов. Только поэтому я брожу в каких-то мрачных и скверно пахнущих подземельях, рискуя навлечь на себя гнев твоего грозного родителя.

— Какой служитель? — недоуменно перебила Диса. Гиперборец мысленно наградил себя увесистой затрещиной — как он мог упустить из виду, что маленькой прищессы неведомы подробности творившихся в замке событий! Она ведь следует только смутным подсказкам того чувства, что зовется «интуицией». И это замечательно! Теперь он и только он будет решать, о чем должна знать его подопечная, а чему суждено оставаться в тайне.

— Некий брат Бомбах. Когда выберемся отсюда, я расскажу тебе...

Фраза прервалась на полуслове, ибо в не-

скольких шагах от Крэггана и его спутницы беззвучно обрушился потолок.

Часть плоской колонны, подпирающей свод, внезапно обрела самостоятельную жизнь и тягуче соскользнула вниз, обвернувшись при ближайшем рассмотрении скогрой в облике здоровенной росомахи, обладавшей вдобавок мордой и лапами насекомого. Свет качающейся лампы отразился в тусклых глазках зверя и на непрерывно двигавшихся жвалах в пасти животного. Завидев эдакое страшилище, девочка пронзительно взвизгнула и юркнула за спину гиперборейского магика. Мечущееся по стенам желтоватое световое пятно на миг осветило вторую тварь, кошкообразную и не менее страховидную. Похоже, у оборотней прорезался стратегический талант и они решили незваными наведаться в гости к защитникам крепости.

— Не было печали... — раздраженно буркнул Беспалый, суя фонарь девочке и угрожающе поднимая правую руку. Болтая с аквилонской принцессой, он совершил одну из недопустимых ошибок — отвлекся. Допустим, он одолеет эту парочку безумцев, но что, если за ними по тайному ходу ковыляют еще десятки... или сотни подобных созданий? Что, если вожак оборотней решил не дожидаться утра?

Издавека долетел мягкий, стремительный топот. Звук приближался, становясь громче и сопровождаясь резкими фыркающими выдохами. Росомаха с головой саранчи пригнулась, вздыбив шерсть на загривке и, еле заметно покачиваясь влево-вправо, сделала крохотный шаг вперед.

Темный силуэт второго животного подобрался, готовясь прыгнуть.

А в следующий миг все пошло кувырком — в самом прямом смысле этого простонародного выражения.

Что-то лохматое, тяжелое, рычащее с размаху ударило Крэгана в спину, и маг, не удержавшись на ногах, полетел вперед физиономией на чрезвычайно твердый каменный пол. Заклинание, впрочем, гипербореец бросить успел — или оно само бледно сияющей искоркой сорвалось с кончика мертвого указательного пальца, устремившись к намеченной цели. Раздался короткий визг, смешавшийся с протестующими выкриками Ричильдис, смачно хлопнуло выплеснувшееся из лампы масло, едва не загасив тлеющий фитиль. Через, лежавшего ничком колдуна кто-то перепрыгнул, небрежно оттолкнувшись жесткими подушечками на лапах. Последовала возня, сопровождаемая некими животными звуками — чихание, скрежет когтей по камню, и в лицо Крэгану сунулся, обнюхивая, мокрый звериный нос.

Впрочем, нос тут же отпрянул, а за плечо гиперборейца настойчиво потрясли две вполне человеческие руки — маленькие, принадлежавшие ребенку.

— Ты живой? — боязливо поинтересовалась принцесса. — Они тебя не убили? Гвен, не трогай его! Отойди! Отойди, кому говорю!..

Сесть магику удалось со второй попытки. Ричильдис помочь ему не смогла — девочка из всех силенок пыталась удержать светлую, почти белую

овчарку, выказывавшую твердое намерение загрызть гиперборейца. Чудом уцелевшая лампа стояла на полу, освещая какую-то недвижимую темную грудку, а прямо на Беспалого с бесхитростным любопытством, свойственным неразумным тварям и детям, глазела крупная росомаха. Просто росомаха, каких полно в лесах Вольного Пограничья, без насекомых жвал и коленчатых лап.

— Что ты с ними сделала? — проскрежетал Крэган, отпихивая не в меру дружелюбное животное. Именно животное, лишенное всяких признаков как бессмысленной жестокости скогра, так и тлеющего уголька разума отпрыска Карающей Длани. Самый обычный зверь, прирученный людьми, домашний любимец, обитатель зверинца или бродячего цирка, что натаскан кувыркаться на потеху зевакам и ходить на задних лапах, сжимая в зубах копелю для подаяний.

— Ничего, — растерялась девочка. Белый пес, воспользовавшись случаем, едва не вырвался, но Дис вовремя снапала его за загривок. — Я даже не успела толком понять, что происходит. Эти двое хотели на нас напасть, потом примчался Гвен — наверное, он очнулся и побежал по моему следу. Он сбил тебя и хотел укусить, но я ему не разрешила. Один зверь страшно завыл и почему-то издох, а второй стал вот таким, — девочка кивнула на росомаху, пытавшуюся изловить собственный хвост.

«Похоже, она сумела исцелить скогру — прикосновением или одним своим присутствием, — магик, держась за стену, поднялся на ноги. —

Пусть не превратила его обратно в человека, зато отняла или погасила на время Жажду, затмевающую рассудок одержимых... Как, как она это делает?! Без заклинаний, без усилий, мимоходом, не разумея, что творит! Вот так и выглядит перво-зданная Сила, с легкостью совершающая чудеса, которые не по зубам высшим посвященным — наивный ребенок, любящий играть с ручными зверьками. Ей захотелось, чтобы безумные оборотни присмирели — и пожалуйста, они прыгают вокруг нее».

— Пойдем дальше? — Крэган подобрал лампу и вопросительно глянул на маленькую принцессу. Из обрывков плаща та соорудила подобие опейника и теперь прилаживала его на шее белого пса. Тот нехотя подчинился, продолжая злобно коситься на гиперборейца. Росомаха с полнейшим равнодушием обнюхала труп своего невезучего сотоварища и презрительно фыркнула.

Прежде чем ответить, Диса какое-то время молчала, размышляя.

— Мне придется идти, — наконец заговорила она. — А Гвен не желает идти обратно, как я его не уговариваю, так что я возьму его с собой. Но мы пойдем одни, без тебя.

— Это почему? — не возмутился, но искренне удивился колдун.

— Я спасла твою жизнь, — твердо заявила девочка. — Значит, ты должен выполнить мою просьбу. Так всегда бывает. Я не хочу, чтобы ты шел с нами — ты всех напугаешь и все запутаешь. Сначала я попробую справиться сама.

Гипербореец пошевелил указательным пальцем.

— Попробуешь меня заколдовать, и Гвен тебя загрызет, — поводок из разлохмаченных обрывков сукна ослаб, и зверюга немедленно ринулась в бой. Усмирив овчарку, Ричильдис продолжила: — Я ведь немного прошу — вернись в замок и подожди, когда заметят, что меня нет. Объясни моим родителям, куда я ушла и зачем.

— Может, будет проще, если ты прямо сейчас натравишь на меня своего зубастого любимчика? — огрызнулся Беспалый, чувствуя себя полным дураком — посреди ночи в подземелье спорить с маленькой девочкой, которая к тому же непостижимым образом сильнее и мудрее его. — Ты хоть думаешь, о чем просишь? Вот я прихожу к твоему отцу и говорю: «Ваше величество, ваша дочь ушла к скограм, я ее провел потайным ходом, но не извольте беспокоиться, там с ней волчонок Эклинга и пара дружественных оборотней...» Нергал Тяжорукий и все его демоны! Да он меня голыми руками на куски порвет!

— Он ничего тебе не сделает, — помотала головой Ричильдис. — И не поминай демонов к ночи, дурная примета. Мне мама говорила. Постарайся задержать их с этой вылазкой, ладно?

Девочка сделала шаг, другой — и выскользнула из круга света, отбрасываемого масляной лампой прежде, чем Крэган успел ее остановить. Росомаха, переваливаясь с боку на бок, потрусил следом.

Верховный маг Круга Белой Руки какое-то время смотрел вслед маленькой аквилонской

принцессе со странным выражением лица — одновременно удивленным, растерянным и оскорбленным. Потом он нанес короткий, яростный удар сырой и неровной стене потайного хода, затряс ушибленным кулаком и вполголоса выругался на асирском наречии — наиболее подходящем, чтобы высказать обуревающее вас восхищение и раздражение сразу.

А Ричильдис шла, держась за жесткую шерсть белого волка, и, чтобы не бояться в темноте, вполголоса напевала:

Встань со мной и выйди в поле,
в поле ходит серый ветер,
где пройдет он — остается
серое, как море, небо.
Улетать или остаться —
не тебе решать, не мне бы, —
серый ветер разберется,
кто ему назначен в долю.
А моя судьба ломка и легка,
как прозрачная труха-шелуха —
не смотри на меня — по осенним ветрам
я сама себе не своя...

¹ Перевод Т. Шельен

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ

Джеральд Старк

Пролог. Время воспоминаний..... 5

Часть 1. След волка

<i>Глава первая. Скверные новости</i>	16
<i>Глава вторая. Глас народа</i>	48
<i>Глава третья. Королевский вердикт</i>	78
<i>Глава четвертая. Долгий полдень</i>	113
<i>Глава пятая. Чужие тайны</i>	131
<i>Глава шестая. Безмолвные голоса</i>	160
<i>Глава седьмая. Ярмарка</i>	188

Часть 2. В пасти безумия

<i>Глава первая. Ловушка</i>	215
<i>Глава вторая. Охотники и добыча</i>	239
<i>Глава третья. Ночи нет конца</i>	252
<i>Глава четвертая. Причины и следствия</i>	285
<i>Глава пятая. Право сильнейшего</i>	309
<i>Глава шестая. Игрища хитрости</i>	340
<i>Эпилог. Серый ветер</i>	373

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

*Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой
книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой
информации. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Литературно-художественное издание

Старк Джеральд

КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Обложка: *Владимир Савватеев*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ». 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.2002. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН и МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН и КАЕИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН и ХЛЕВЯН ОКЕАНА 52	КОНАН и КОРОНА МИРА 53	КОНАН и ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН и СТИШЕЕ ЗЛО 55	КОНАН и ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56
КОНАН и СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН и ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН и СЕПТИМИШЕ ПИКТОВ 59	КОНАН и ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН и ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН и ВОДНИКИ БУРИ 62	КОНАН и САД ИСПОЛИНА 63	КОНАН и САУТА ТУМАНА 64
КОНАН и ЛУК ЗВЕРЯ 65	КОНАН и ОБИТЕЛЬ АРАКОНОВ 66	КОНАН и НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН и ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН и АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН и ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН и ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН и ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН и ТЕПЬ ВЕТРА 73	КОНАН и ПРИЕЦ ЗВЕНТАРЫ 74	КОНАН и ЖЕНУЖО-НИ ПУСТЫНИ 75	КОНАН и ДУХИ ГОР 76	КОНАН и СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН и НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН и УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН и СТРАННИКИ МОРЕЙ 80
КОНАН и ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН и ВАЛАНКА ЛЕСА 82	КОНАН и НАГРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН и ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН и ПЛАМЯ ВОЗМЕДИЯ 85	КОНАН и РОГ ДАГОТА 86	КОНАН и ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	

ISBN 5-17-017920-0

29